

Том 5. Кому на Руси жить хорошо

Николай Алексеевич Некрасов

Аннотация
Николай Алексеевич Некрасов. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 5. Кому на Руси жить хорошо
Кому на Руси жить хорошо
- Часть первая
  - Пролог
  - Глава 1. Поп
  - Глава 2. Сельская ярмонка
  - Глава 3. Пьяная ночь
  - Глава 4. Счастливые
  - Глава 5. Помещик
- Последыш. (Из второй части)
- Крестьянка. (Из третьей части)
  - Пролог
  - Глава 1. До замужества
  - Глава 2. Песни
  - Глава 3. Савелий, богатырь святорусский
  - Глава 4. Демушка
  - Глава 6. Трудный год
  - Глава 7. Губернаторша
  - Глава 8. Бабья притча

Пир на весь мир
Вступление
1. Горькое время – горькие песни
2. Странники и богомольцы
3. Старое и новое
4. Доброе время – добрые песни
Эпилог. Гриша Добросклонов
Наброски к поэме и ее неосуществленным главам
Комментарии

Аннотация

Пятый том содержит произведение «Кому на Руси жить хорошо».

В данной электронной редакции опущен раздел «Другие редакции и варианты».

http://ruslit.traumlibrary.net

Николай Алексеевич Некрасов
Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 5. Кому на Руси жить хорошо

Кому на Руси жить хорошо

Часть первая*
Пролог

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дыряева,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож,
Сошлися – и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,

Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! –
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю…

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие –
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой…

По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,

Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою –
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
Идут – перекоряются!
Кричат – не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую

Так шли – куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядючи
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь…

«Куда?..» – Переглянулися
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились…
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные,
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой тени, тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?

Вас только, тени черные,
Нельзя поймать – обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел – умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться –
Устали, не дойдем
Присядем, – делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложилися
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили

Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка –
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели – и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, –
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса…

Гляди – уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего, –
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! – направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! Попу! Попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими, –
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего

Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка
Где птенчик? – не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь…
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом –
Не будешь куковать!
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем

С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть послышала
Людские голоса –
Пришла к костру, уставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,

Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка –
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела – а живет оно,
Без языка – кричит!

Сова – замоскворецкая
Княгиня – тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом…

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики

Едва ли знали, помнили –
О чем они шумят…

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напилися,
Умылись, освежилися,
Сон начал их кренить…

Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну – с ладони скатишься,
Чихну – в огонь укатишься,
Щелкну – мертва покатишься,
А всё ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!

Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Всё царство облетим,
Посмотрим, поразведаем,
Попросим – и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, –
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» –
Сказал угрюмый Пров.

«Да по ведру бы водочки», –
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

«Да утром бы огурчиков

Соленых по десяточку», –
Шутили мужики.

«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человечьим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

«А что ты дашь?»
– «Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,

А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

«А где, пичуга малая, –
Спросили братья Губины, –
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?»

«Найти – найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».
– «Скажи!»
– «Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, –
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,

Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
„Эй! скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!“
По вашему хотению,
По моему велению,
Всё явится тотчас.
Теперь – пустите птенчика!»

«Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, –
Ответил ей Пахом. –
Ты, вижу, птица умная,
Уважь – одежу старую
На нас заворожи!»

«Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносилися!» –
Потребовал Роман.

«Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбилися», –
Потребовал Демьян

«Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася», –
Потребовал Лука.

«Не прели бы онученьки…» –
Потребовали Губины…

А птичка им в ответ:
«Всё скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет…Ну, пусти…»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил – и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженьки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба – то и спрашивай,
А водки можно требовать

В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два – исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулися
Искать столба тридцатого.
Нашли! – Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку –
Стоят на той поляночке
Две старые сосны…

Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли – и нашли

Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь – скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка,
И спрятались опять.

– А что же нет огурчиков?

– Что нет чайку горячего?

– Что нет кваску холодного?

Всё появилось вдруг…

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,

А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести –
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведают
Как ни на есть доподлинно:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики…

Глава 1. Поп

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,

Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов…

Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна – сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит – молчит, лежит – молчит,
Когда умрет, тогда ревет.

Вода – куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить – дороги нет,
А время уж не раннее –
Подходит месяц май!»

Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..
С утра встречались странникам
Всё больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им – легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,

Солдаты дымом греются, –
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

«Небось! мы не грабители!» –
Сказал попу Лука.
(Лука – мужик присадистый
С широкой бородищею,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,

Небось, не полетит).

«Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губерний,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова; Неелова –
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,

Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем...»

«Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму.
Как должно отвечать,
Аминь!..»

– «Спасибо. Слушай же!
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлися и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому, –
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал; светлейшему

Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю…
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши – повздорили,
Повздоривши – подралися,
Подравшися – одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как – вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: «Православные!
Роптать на бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу… а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте!»
– «Начинай!»

«В чем счастие, по-вашему?
Покой, богатство, честь –
Не так ли, други милые?»

Они сказали: так…

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу покой?
Начать, признаться, надо бы

Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!
. . . . . .
. . . . . .
Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее –
Иди куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломалися одни, –
Нет! всякий раз намается,

Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!..Теперь подумайте,
Каков попу покой?..»

Крестьяне мало думали,
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу почет?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?

Чур! отвечать на спрос!»

Крестьяне позамялися,
Молчат – и поп молчит…

«С кем встречи вы боитеся,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!»

Крехтят, переминаются,
Молчат! «О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого –
Как чествуете вы?
Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..»

Потупились ребятушки,
Молчат – и поп молчит…

Крестьяне думу думали,

А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась – затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Под шляпой накрывается,
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,

Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» – братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: «Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики...»

«Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!»

«Теперь посмотрим, братия,
Откудова богачество
Поповское идет?..

Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодилися и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралося,
Что деток нарождалося
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждалися:
У нас они венчалися,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалося,
Что жил помещик в городе,

Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут –
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник праздником…
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки

Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом, статья… раскольники…
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Всё в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир…
Законы прежде строгие
К раскольникам, смягчилися,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они

И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов…
Живи с одних крестьян.,
Сбирай мирские гривенки;
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дал, да нечего…

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,

А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там – неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях – вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)

Деревни наши бедные,

А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Как звякнут в этой рученьке

Два медных пятака!
Конечно, дело чистое –
За требу воздаяние,
Не брать – так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой… Аминь…»

Покончил речь – и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступилися,
Низенько поклонилися,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорилися,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку.

«Что взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!

Дворяне колокольные –
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина –
Колокола горластые –
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина – не житье!
Попова каша – с маслицем,
Попов пирог – с начинкою,
Поповы щи – с снетком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!
Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?

Не тем ли думал взять,
Что борода лопатою?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..»

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да к счастию крестьянина
Дорога позагнулася –
Лицо попово строгое
Явилось на бугре…

Глава 2. Сельская ярмонка

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину

И ранняя и дружная,
А тут – хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,

Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

* * *

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой – пустехонько!
А день сегодня праздничный,
Куда пропал народ?..»
Идут селом – на улице
Одни ребята малые,
В домах – старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок – собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!

Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.

Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в ракитнике,
Коростели скрыпят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами…
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую – лошадиную
С веревкой сажен в пять.

Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет – и конь плывет,
Мужик заржал – и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня – за холку хвать!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

«А что у вас в селении
Ни старого ни малого,
Как вымер весь народ?»
– «Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой».
– «А далеко Кузьминское?»

«Да будет версты три».

«Пойдем в село Кузьминское,

Посмотрим праздник-ярмонку!» –
Решили мужики,
А про себя подумали:
«Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..»

Кузьминское богатое,
А пуще того – грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской

(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен),
Есть лавки постоянные
Вподобие уездного
Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного,
А, словно пред иконами,
Без шапок мужики.
Такая уж сторонушка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки:
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоялых двориков,

Да «ренскового погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников:
Для праздника поставили
Палатки на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики – молодчики,
Наметанные, дошлые,
А всё им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянских рук, со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее…
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!

Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному –
И ширится, и дуется
Подол на обручах!
Заступишь – расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных глядючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, как всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор как бабы начали

Рядиться в ситцы красные, –
Леса не подымаются,
А хлеба хоть не сей!»

«Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!»

«А ситцы те французские –
Собачьей кровью крашены!
Ну… поняла теперь?..»

По конной потолкалися,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом,
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один – не нравится,

Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится –
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет под ободом
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною –
И вывалил весь воз!
Пьяненек! Ось сломалася,
А стал ее уделывать –
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плевую
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,

Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Издельем кимряков.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмачки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
«Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай!» –
Сказал ему купец.
«А ты постой!» Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
Мне зять – плевать, и дочь смолчит,
Жена – плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
Купи гостинчик, дедушка,
Купи! – Головкой шелковой

Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.
Постой, ползунья босая
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю…
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!
Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу?….

Мне зять – плевать, и дочь смолчит,
Жена – плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!.. – Пошел опять
Про внучку! Убивается!..

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком,
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных –
Так сам ни с чем останешься.

Да был тут человек,
Павлуша Веретенников
(Какого роду, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоялых двориках,
В харчевнях, в кабаках),
Так он Вавилу выручил –
Купил ему ботиночки.
Вавило их схватил
И был таков! – На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,

Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!

Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени запасалися
Своим товаром в ней.
«А генералов надобно?» –
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие –
Потолще, погрозней».

«Чудные! как вы смотрите! –
Сказал купец с усмешкою, –
Тут дело не в комплекции...»

«А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:

Чтобы продать плюгавого,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу….
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навыкате,
Да – чтобы больше звезд!»

«А статских не желаете?»
– «Ну, вот еще со статскими!»
(Однако взяли – дешево! –
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец – со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки – первый вор!) –
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»…

Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке…
Черт знает для чего!

Эх! эх! Придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого –
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили

Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?» –
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
«Тебе какую дверь?»
– «Да в балаган. Чу! музыка!..»
– «Пойдем, я укажу!»

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному

Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся –
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители –
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
«Откуда, молодцы?»
– «А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,

Тот нам и господин!»

«И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского – живей!..»

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребяток угостят.

* * *

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется –
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалося,
Как вышли на пригорочек,
Что всё село шатается,

Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! –
Тут трезвому, что голому,
Неловко… Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село…

Глава 3. Пьяная ночь

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.

По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,
Барахтались пьяные
И стоном стон стоял!

Скрыпят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет – и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту

Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии...»

«Эй! С возу куль упал!»

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! Еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась – и упрыгнула,
Погладить не далась!»

«Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты писана...»

«Посторонись, народ!»
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

«А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!»

«Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою –
Так это наплевать!»

«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
– «В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили...»-«Эх!..Грехи!..»

«Худа ты стала, Дарьюшка!»
– «Не веретенце, друг!
Вот то, что больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской...»

«Эй, парень, парень глупенький,
Оборванный, паршивенький,
Эй! Полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»

* * *

Крестьяне наши трезвые,
Подглядывая, слушая,
Идут своим путем.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
Большую яму выкопал.
«Что делаешь ты тут?»
– «А хороню я матушку!»

– «Дурак! Какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось, соскочит дурь!»

«А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилятся, и тужатся,
Крехтят – на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!

Не разольешь водой!»

В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: «Домой идти
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: «Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок – плевок, да дело в том –
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять всё нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..»

«Ну, полно, полно, миленький!
Ну, не сердись! – за валиком
Неподалеку слышится. –
Я ничего…Пойдем!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут дружненько парочки,
Не к той ли роще правятся?

Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют…

Дорога многолюдная
Что позже – безобразнее:
Всё чаще попадаются
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного

Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку –
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица –
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валятся –
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку

Хотел уже писать.
Да выискался пьяненький
Мужик, – он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал – да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину –
Хвать карандаш из рук!
«Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведерко с водкою,
Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,

А в третьей не притронутся –
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а также маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда, –
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
– Эй! богатырь! соломинкой

Сшибу, посторонись!

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся…
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Всё слопает один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонький,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой – допытывал,
На сколько в день сработаешь,

По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угодья меряет,
Иной в селеньи жителей
По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
По скольку в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая не приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего

В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская.
По кочам, по зажоринам
Ползком ползет с плетюхами, –
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь, –
Небось мы тут красивее?

Жалеть – жалей умеючи,

На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа что туча черная –
Гневна, грозна, – и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А всё вином кончается.
Пошла по жилам чарочка –
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом – возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..»

Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Бесшапочное, пьяное, –
Шуми – вольней шуми!..»

«Как звать тебя, старинушка?»

«А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: В деревне Босове
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»

Крестьяне рассмеялися
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,

Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет – с сохою возится,
А смерть придет Якимушке –
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох…

С ним случай был: картиночек
Он сыну накупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
На них любил глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелася –
А было у Якимушки
За целый век накоплено

Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула –
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей…
«Ой брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую
Повесил их, небось?»

«Повесил – есть и новые», –
Сказал Яким – и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины

На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука – кора древесная,
А волосы – песок.

Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласилися
С Якимом: «Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем – значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?»
– «Да, бог милостив!»

«Ну, выпей с нами чарочку!»

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

«Ай барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким.)
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по земи –
Не видят неба век!..»

Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валятся,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная

Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век – что день без солнышка,
Мой век – что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж,
Напился пьян, храпом храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»

Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» – кричит ревнивый муж,
Привстал – и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не пошла!
Сгрустнулось им по женушкам,
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: «И я с тобой!»
Иван кричит: «Постель узка»,
А Марьюшка: «Уляжемся!»
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: «Угреемся!»
Как вспомнили ту песенку,
Без слова – согласилися
Ларец свой попытать.

Одна, зачем бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники

И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрепилися,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешалися
В толпу – искать счастливого:
Им крепко захотелося
Скорей попасть домой…

Глава 4. Счастливые

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:

«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь –
На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,
Тощой, как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастие не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,

Не в дорогих камнях.
«А в чем же?»
– «В благодушестве!
Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение –
Весь вертоград Христов!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я!»
– «А где возьмешь косушечку?»
– «Да вы же дать сулилися...»

«Проваливай! шалишь!..»

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
«Такая репа крупная,

Такая репа вкусная,
А вся гряда – сажени три,
А впоперечь – аршин!»
Над бабой посмеялися,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями,
Чуть жив, а выпить хочется:
«Я счастлив!» – говорит.

«Ну, открывай, старинушка,
В чем счастие солдатское?
Да не таись, смотри!»
– «А в том, во-первых, счастие,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих – за провинности,

Великие и малые,
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай – жив!»

«На! выпивай, служивенький!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив – слова нет!»

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин,
Плечистый, молодой:
«И я живу – не жалуюсь, –
Сказал он, – с женкой, с матушкой
Не знаем мы нужды!»

«Да в чем же ваше счастие?»

«А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!»

Пахом приподнял «счастие»
И, крякнувши порядочно,
Работничку поднес:
«Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастием
Под старость тяжело?..»

«Смотри, не хвастай силою, –
Сказал мужик с одышкою,
Расслабленный, худой
(Нос вострый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек – комар). –
Я был – не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую

Наклал я кирпичей,
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая:
„Что это? – говорит. –

Не узнаю я Трифона!
Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?“
– „А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою!“ –
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!
Сам слышу – тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.
И внес ту ношу чертову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
„Ай, молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности

Четырнадцать пудов!“
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула…
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!»

«Налить? Да где ж тут счастие?
Мы потчуем счастливого,
А ты что рассказал!»

«Дослушай! будет счастие!»

«Да в чем же, говори!»

«А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
В вагоне – лихорадочных,
Горячечных работничков

Нас много набралось,
Всем одного желалося,
Как мне: попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастие
И тут: мы летом ехали,
В жарище, в духоте
У многих помутилися
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит женкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал –
Несдобровать и мне
В глазах кружки багровые,
И всё мне, братец, чудится,
Что режу пеунов
(Мы тоже пеунятники,

Случалось в год откармливать
До тысячи зобов).
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! всё с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: „Да полно вам!“
Уж как господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь… по счастию,
День кончился, а к вечеру
Похолодало, – сжалился
Над сиротами бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости,
И легче стало мне…»

«Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастием? –

Кричит, разбитый на ноги,
Дворовый человек. –
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит бог!
У первого боярина,
У князя Переметьева,
Я был любимый раб.
Жена – раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны…
Ой! как кольнуло!.. батюшки!..»
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялися.
«Чего смеетесь, глупые, –
Озлившись неожиданно
Дворовый закричал. –
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я господу,

Вставая и ложась?
Молюсь: „Оставь мне, господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!“
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею –
Болезнью благородною
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее –
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить…
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал…

Ну, наливай!»
– «Проливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское –
Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же к водке тянется:
«Налей и мне маненичко,
Я счастлив!» – говорит.

«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?»

«А счастье наше – в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.

А ныне, милость божия! –
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую – не нажуюсь!»

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо всё глядит:
«Хожу я за медведями,
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, бог милостив!»

«А ну-ка влево глянь?»

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
«Свернула мне медведица
Маненичко скулу!»
– «А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую –
Поправит....» – Посмеялися,

Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
«Нас у порога лавочник
Встречает подаянием,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот…
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяюшка
С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
„Давай, давай – весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей….“»

* * *

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!

Эй, счастие мужицкое!
Дырявое, с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

«А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина, –
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей. –
Коли Ермил не выручит,
Счастливцем не объявится,
Так и шататься нечего...»

«А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?»

«Не князь, не граф сиятельный,
А просто он – мужик!»

«Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермил?»

«А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу

На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило как рассердится –
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть – до тысячи.
С Ермилом денег не было,

Уж сам ли он сплошал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
„Моя, выходит, мельница!“

„Нет! – говорит Ермил,
Подходит к председателю. –
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?“

„Что в полчаса ты сделаешь?“

„Я деньги принесу!“

„А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!“

„Так полчаса позволите?“

„Пожалуй, час промешкаем!“

Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулися,
Смеются, подлецы!

На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон, – и громким голосом
Кричит: „Эй, люди добрые!
Притихнете, послушайте,
Я слово вам скажу!“
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
„Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Приехал я без грошика,

Ан глядь – они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
„Что часом ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?“
Авось найду, бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А всё не устоять ему
Против мирской казны –
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить – не выловить.
Ну, братцы! видит бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..“

И чудо сотворилося:

На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал – не брезговал
И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная

Росла: „Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет!“
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдивилися подьячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост, –
Пошли юлить подьячие,
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось

В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще, он сам рассказывал,
Рубль лишний – чей бог ведает! –
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал:
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилося,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым…
Так вот каков Ермил Ильич».

«Чуден! – сказали странники. –
Однако знать желательно –
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?»

«Не колдовством, а правдою.

Слыхали про Адовщину,
Юрлова-князя вотчину?»

«Слыхали, ну так что ж?»

«В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы – выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно –
Крестьянину с крестьянина

Копейку вымогать.

Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тут его и выгнали…
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников –
Ему и бог велел!

Однако, волей божией,
Недолго он процарствовал, –
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденький,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,

Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: „Ермилу Гирина!“ –
Как человек един!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
„Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..“

А мы: „Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен!“
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,

В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил…»

«Стой!» – крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику. – Грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону –
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
«Я знал Ермилу Гирина…»

«А я небось не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели…»

«А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок».

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
«Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил-мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,
Одна Ненила Власьева
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.

Тут сын отцу покаялся:
„С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!“
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он всё одно: „Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!“
Чтоб хуже не случилося,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.

Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилося
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старалися,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди –
Верни парнишку Власьевне,

Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: „Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!“
И в ноги поклонился нам.
Ни дать ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,
Перед Ненилой Власьевой,
Вдруг на колени пал!

Ну, дело всё обладилось,
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Нетяжело служить,

Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино…

Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал,
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие –
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии

Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему».

«Напрасно вы проходите, –
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп. –
Я знал Ермилу Гирина,
Попал я в ту губернию
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,
Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он всё, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,

Умом и добротой!
Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит...»

«Как так?»
– «А воля божия!»

Слыхал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» – так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,

А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То лаской попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повертывать начнет.
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатикам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина

Начальнику сказал:
«Народ поверит Гирину,
Народ его послушает....»
– «Позвать его живей!»
. . . . . .

* * *

Вдруг крик: «Ай, ай! помилуйте!»,
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:

У валика дорожного
Секут лакея пьяного –
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожнишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал, как встрепанный! –

Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнию
От иностранных вин. –
Откуда прыть явилася!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло, как рукой!»

* * *

«Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Деревня Столбняки?»

«Пора домой, родимые.
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!»

* * *

Под утро все поразъехались,
Поразбрелась толпа.

Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И тройке с колокольчиком
Загородили путь....

Глава 5. Помещик

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяненький,
Осанистый, присадистый,

Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьефич,
Должно быть, перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенький,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
«Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!..»
Крестьяне рассмеялися:
«Какие мы разбойники,
Гляди – у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил!»
– «Кто ж вы? чего вам надобно?»
«У нас забота есть,

Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеха и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе...»

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
– «Нет, ты нам не дворянское,
Дай дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!»

«Эге! какие новости!
А впрочем, будь по вашему!
Ну, в чем же ваша речь?..»

– «Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губерний,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись – и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому, –
Сказали братья Губины,

Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю…
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши – повздорили,
Повздоривши – подралися,
Подравшися – удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:

Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как – вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?»

Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока
И покатился со смеху…
«Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал…

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, господа!»

«Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим...»
– «Нет! нет!
Прошу садиться, граждане!»
Крестьяне поупрямились,
Однако делать нечего,
Уселись на валу.
«И мне присесть позволите?
Эй, Прошка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,

Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите, вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»
«– Леса нам не заказаны –
Видали древо всякое!» –
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого,
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается
В старинных русских грамотах
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: „Татарину
Оболту Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою два рубля:
Волками и лисицами
Он тешил государыню,

В день царских именин,
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал…“
Ну, поняли, любезные?»

– «Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь».

«Вы всё свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,
Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
„Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,

Казну пограбить думали,
Да их казнили смертию“,
А было то, любезные,
Без мала триста лет.

Так вот оно откудова
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»

«А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева?» –
Сказали мужики.

«Ну, яблочко, так яблочко!
Согласен! Благо, поняли
Вы дело наконец.
Теперь – вы сами знаете –
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»

«Так! – отвечали странники. –
Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные, –

Им разный и почет!»

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья – и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовала нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою –
Крестьяне в ноги валятся,
Пойдешь лесными дачами –
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою –
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!

Там рыба в речке плещется:
„Жирей-жирей до времени!“
Там заяц лугом крадется:
„Гуляй-гуляй до осени!“
Всё веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: „Я твоя!“

Краса и гордость русская,
Белели церкви божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,
Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не предвидится
Во сне, какие праздники,
Не день, не два – по месяцу

Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги – целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!..»

Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился:
«Эй, Прошка!» – закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврило Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие

Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлятники
Ревели, сорвиголовы,
Варили варом гончие.
Чу! подзывает рог!..
Чу! стая воет! сгрудилась
Никак, по зверю красному
Погнали?.. улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!
Присели, притаилися,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостья жданная!
Поближе к нам, молодчикам,

Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! – улю-лю!.. а-ту!..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису…

Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовалися,
Посмеивались в ус…

«Ой ты, охота псовая!
Забудут всё помещики,
Но ты, исконно-русская
Потеха! не забудешься
Ни во веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила

Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовщиков верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,

Кого хочу – помилую,
Кого хочу – казню.
Закон – мое желание!
Кулак – моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..»

Вдруг, как струна порвалася,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился,
«Эй, Прошка!» – закричал.
Глонул – и мягким голосом
Сказал: «Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал – любя.
Порвалась цепь великая –
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше лаской
Я привлекал сердца.

Я в воскресенье светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромнейший,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгуют, целуются
С последним мужиком.
„Христос воскрес!“ – „Воистину!“
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино…

Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускалися,
Молись – хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,

Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»

«Так!» – отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..»

«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне всё подрядчики,
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны…
Ждешь – не дождешься осени,
Жена, детишки малые
И те гадают, ссорятся:
„Какого им гостинчику

Крестьяне принесут!“
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности –
Всего, что на помещика
Сбиралось искони, –
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева – с вареньями,
Из Астрахани – с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной

По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие
Рассказы мужиков –
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань…

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»
– «Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!»

«И всё прошло! всё минуло!..
Чу! похоронный звон!..»

Прислушалися странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,

Неслись: «Покой крестьянину
И царствие небесное!» –
Проговорили странники
И покрестились все…

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку – и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещичьей
Звонят!.. Ой жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещичья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прошка!» (выпил водочки
И посвистал)…
«Невесело
Глядеть, как изменилося
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто всё попряталось,
Повымерло! Куда

Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалося
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалося
Колясок, бричек троечных,
Дормезов шестерней!
Катит семья помещичья –
Тут маменьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной

Что шаг – ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе… Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетьями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, – мужик любуется,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,
И Ганичка и Верочка,
Аукались со мной?

Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода –
Радехонек помещичьи
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно:
Мужик сидит – не двинется,
Не гордость благородную –
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий,
Звучит – топор разбойничий,
Шалят!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля – недоработаны,
Посевы – недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!

Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косой распущенной,
С неубранным лицом!..
Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, –
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
„Навынос и распивочно“.
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталася...
Ой ты, земля помещичья!

Ты нам не мать, а мачеха
Теперь… „А кто велел? –
Кричат писаки праздные, –
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!“
А я скажу: „А кто же ждал?“
Ох! эти проповедники!
Кричат: „Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! – учись! трудись!..“

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь!
Я не крестьянин-лапотник –
Я божиею милостью
Российский дворянин!
Россия – не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький
И тот полов не выметет,

Не станет печь топить…
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: „Трудись!“

А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать… Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить…

И вдруг… Владыко праведный!..»

Помещик зарыдал…

* * *

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась – расскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

Последыш*
(Из второй части)

1

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную,
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники…
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по лугу,
Что гол, как у подьячего
Щека, вчера побритая,
Стоят «князья Волконские»
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы.

«Прокосы широчайшие! –

Сказал Пахом Онисимыч. –
Здесь богатырь народ!»
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном – на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Задравши кверху голову,
Глядела на него.
Со стогом поравнялися –
Всё пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полста,
Все разом оглянулися:
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята…

Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается
Отава подкошенная,

Народу тьма! Там белые
Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на помочь!»
– «Спасибо, молодцы!»

Остановились странники…
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные,
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, пошумев!

По низменному берегу
На Волге травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте – покосим!»
Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелося

Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.
Валят траву высокую,
Под песню, незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна
Метелями и вьюгами
Родимых деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож…

Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать…

«Откуда, молодцы? –
Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой). –
Куда вас бог несет?»

«А мы...» – сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
«Помещик наш катается, –
Промолвил Влас и бросился
К рабочим: – Не зевать!
Коси дружней! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится – поклон ему!
Похвалит вас – „ура“ кричи...
Эй, бабы! не галдеть!»
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,
Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан – и барина
Бежит встречать. «Что за люди? –
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу. –
Снимите шапки!»

К берегу
Причалили три лодочки.

В одной прислуга, музыка,
В другой – кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей – господа:
Две барыни красивые
(Потоньше – белокурая,
Потолще – чернобровая),
Усатые два барина,
Три барченка-погодочки
Да старый старичок:
Худой! Как зайцы зимние,
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные,
И – разные глаза:
Один здоровый – светится,
А левый – мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

При них собачки белые,

Мохнатые, с султанчиком,
На крохотных ногах…

Старик, поднявшись на берег,
На красном мягком коврике
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки
То господа усатые,
То молодые барыни, –
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Всё поле сенокосное
Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистр (смекнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!» –
И кланялся помещику

Чуть-чуть не до земли.

В один стожище матерый,
Сегодня только сметанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
«Не досмотрел маненичко!
Сыренько: виноват!»
Созвал народ – и вилами
Богатыря кряжистого,
В присутствии помещика,
По клочьям разнесли.
Помещик успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»

Со всей своею свитою,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу…

Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: «Дедушка!
Что за порядки чудные?
Что за чудной старик?»

«Помещик наш: Утятин-князь!»

«Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько –
Велел пересушить!»

«А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое

И пожня – не его!»

«А чья же?»

– «Нашей вотчины».

«Чего же он тут суется?
Ин вы у бога нелюди?»

«Нет, мы, по божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая...»

«Какая же статья?»

Под стогом сена лег старинушка
И – больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:

Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять…

Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?»

«Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать… А сами вы
Что за люди? Откуда вы?
Куда вас бог несет?»

«Мы люди чужестранные,
Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть…
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды…»

Остановились странники…

«О чем же вы хлопочите?»

«Да помолчим! Поели мы,
Так отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчат!

«Вы так-то! а по-нашему,
Коль начал, так досказывай!»

«А сам, небось, молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошенной волости,
Избыткова села!..»

И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шатались,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Влас слушал – и рассказчиков
Глазами мерял: «Вижу я,
Вы тоже люди странные! –
Сказал он наконец. –
Чудим и мы достаточно,
А вы – и нас чудней!»

«Да что ж у вас-то деется?
Еще стаканчик, дедушка!»

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

2

«Помещик наш особенный:
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил,
Да вдруг гроза и грянула…
Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал! дурит по-старому.
Стал крепко подозрителен,

Не поклонись – дерет!
Сам губернатор к барину
Приехал: долго спорили,
Сердитый голос барина
В застольной дворня слышала;
Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!
Всю половину левую
Отбило: словно мертвая
И, как земля, черна…
Пропал ни за копеечку!
Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соринку он терял».

«Что значит, други милые,
Привычка-то помещичья!» –
Заметил Митродор.

«Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна, – сказал Пахом. –
Я раз по подозрению

В острог попавши, чудного
Там видел мужика.
За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором,
Так из острога барину
Он посылал оброк!
(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь.)
Ему смеялись прочие:
„А ну, на поселение
Сошлют – пропали денежки!“
„Всё лучше“, – говорит…»

«Ну, дальше, дальше, дедушка!»

Соринка – дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое,
И море всё заплакало –
Лежит старик без памяти
(Не встанет, так и думали!),

Приехали сыны,
Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,
А барыни красивые –
То жены молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту…
Ан вдруг и встал старик!
Чуть заикнулись… Господи!
Как зверь метнулся раненый
И загремел, как гром!
Дела-то всё недавние,
Я был в то время старостой,
Случился тут – так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню всё:
«Корят жидов, что предали
Христа… а вы что сделали?
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Вы предали!..» Сынам

Сказал: «Вы трусы подлые!
Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,
Что вышли из поповичей
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,
Пускай бы… им простительно!
А вы… князья Утятины?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. подкидыши,
Не дети вы мои!»

Оробели наследники:
А ну как перед смертию
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки?
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные
За генералов выданы,
Не отказал бы им!

А князь опять больнехонек...
Чтоб только время выиграть,
Придумать, как тут быть,
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
Слыхал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!

Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!
Заплакал! пред иконами
Со всей семьею молится,
Велит служить молебствие,
Звонить в колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,

Велит созвать крестьян.

С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибегал),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он!
Ипатом прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
«Шалишь! Князья Утятины
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явилось «Положение», –
Ипат сказал: «Балуйтесь вы!
А я князей Утятиных
Холоп – и весь тут сказ!»
Не может барских милостей
Забыть Ипат! Потешные
О детстве и о младости,
Да и о самой старости

Рассказы у него
(Придешь, бывало, к барину,
Ждешь, ждешь…Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
«Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку запрягал;
Достиг я резвой младости:
Приехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!
Да как чудно! Две проруби!
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет –
И водки поднесет.
Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,
Так часто с князем ездили
Мы гусем в пять коней.
Однажды князь – затейник же! –
И посадил фалетуром

Меня, раба последнего,
Со скрипкой – впереди.
Любил он крепко музыку.
„Играй, Ипат!“ А кучеру
Кричит: пошел быстрей!
Метель была изрядная,
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая –
Свалился я с нее!
Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,
Попридавили грудь.
Не то беда: а холодно,
Замерзнешь – нет спасения,
Кругом пустыня, снег...
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики,
Чу, ближе! чу, звончей!
Вернулся князь (закапали
Тут слезы у дворового,

И сколько ни рассказывал,
Всегда тут плакал он!)
Одел меня, согрел меня
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!»

Похохотали странники…
Глотнув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: «Наследники
Ударили и вотчине
Челом: „Нам жаль родителя,
Порядков новых, нонешных
Ему не перенесть.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное –
За всё заплатим вам.
Недолго жить сердечному,
Навряд ли два-три месяца,

Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!“

Собрался мир, галдит!
Луга-то (эти самые),
Да водка, да с три короба
Посулов то и сделали,
Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Смеется! „Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!“
Однако я противился:
„Вам, мужикам, сполагоря,
А мне-то каково?

Что ни случится – к барину
Бурмистра! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурацкие
Приказы исполнять?“

„Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь – и дело кончено.
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего!“

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Нехитрая статья.
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелося.
И так я на веку,
У притолоки стоючи,
Помялся перед барином
Досыта! „Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь)

Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,
Молчу и я – покорствую,
А только что от должности
Увольте вы меня!“

Чуть дело не разладилось.
Да Климка Лавин выручил:
„А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую
И старика, и вас.
Бог приберет Последыша
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.
Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина… Увидите!“

Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный

Был Клим мужик: и пьяница,
И на руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами возжается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и Питере,
В Сибирь езжал с купечеством,
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадается
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: Атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
„Я – русский мужичок!“
Горланил диким голосом

И, кокнув в лоб посудою,
Пил залпом полуштоф!

Как рукомойник кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна – поделится,
Со встречным всё пропьет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазового конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь – отшутится
Бесстыжей поговоркою,
Что „за погудку правую
Смычком по роже бьют!“

Подумавши, оставили
Меня бурмистром: правлю я
Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку назвали,
Пускай его! По барину
Бурмистр! перед Последышем

Последний человек!

У Клима совесть глиняна,
А бородища Минина,
Посмотришь, так подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степенней и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его –
И сделался Клим Яковлич
Из Климки бесшабашного
Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,
Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день,
Через деревню катится
Рессорная колясочка:
Вставай! картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозою
Подступит – ты молчи!

Увидит в поле пахаря
И за его же полосу
Облает: и лентяи-то,
И лежебоки мы!
А полоса сработана,
Как никогда на барина
Не работал мужик,
Да невдомек Последышу,
Что уж давно не барская,
А наша полоса!

Сойдемся – смех! У каждого
Свой сказ про юродивого
Помещика: икается,
Я думаю, ему!
А тут еще Клим Яковлич.
Придет, глядит начальником
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо!),
Кричит: „Приказ по вотчине!“
Ну, слушаем приказ:
„Докладывал я барину,
Что у вдовы Терентьевны

Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовым подаянием,
Так барин приказал:
На той вдове Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодилися
И правили тягло!“
А той вдове – под семьдесят,
А жениху – шесть лет!
Ну, хохот, разумеется!..
Другой приказ: „Коровушки
Вчера гнались до солнышка
Близ барского двора
И так мычали, глупые,
Что разбудили барина, –
Так пастухам приказано
Впредь унимать коров!“
Опять смеется вотчина.
„А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:

Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на кол тот коровушек
Сажал! Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,
Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадалися,
Что спятил он с ума!“
Еще приказ: „У сторожа,
У ундера Софронова,
Собака непочтительна:
Залаяла на барина,
Так ундера прогнать,
А сторожем к помещичьей
Усадьбе назначается
Еремка!..“ Покатилися
Опять крестьяне со смеху:
Еремка тот с рождения
Глухонемой дурак!

Доволен Клим. Нашел-таки
По нраву должность! Бегает,

Чудит, во всё мешается,
Пить даже меньше стал!
Бабенка есть тут бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит заодно!
Лафа бабенкам! бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:
Всё покупают барыни,
И кормят, и поят!
Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутилися
До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас корил:
„Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут с охотою…
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!..“
Тем только успокоили,

Что штоф вина поставили
(Винцо-то он любил).
Да черт его со временем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес – среди бела дня!),
Навстречу та колясочка
И барин в ней: „Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?..“
А сам смекнул откудова.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу, из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем

Есть и ему конец.
Агап раненько выехал,
Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое…
Захохотал Агап!
„Ах шут ты, шут гороховый!
Никшни!“ – да и пошел!
Досталось тут Последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская
Что жало комариное,
Мужицкая – обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросились

К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: „Убью!..
Что брага, раскуражились
Подонки из поганого
Корыта... Цыц! Никшни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пинка – и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Никшни!..“

„Ты – бунтовщик!“ – с хрипотою
Сказал старик; затрясся весь
И полумертвый пал!
„Теперь конец!“ – подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло – не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали наследники
И жены их – к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
„Спасите нас, голубчики!
Спасите!“ Ходят бледные:
„Коли обман откроется,
Пропали мы совсем!“
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом опять с полуночи
Поил его – и пьяного
Привел на барский двор.
Всё обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш – так расстроился…
Ну, Климке и лафа!

В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
„Пей да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!“
Послушался Агап,
Чу, вопит! Словно музыку,
Последыш стоны слушает;
Чуть мы не рассмеялися,
Как стал он приговаривать:
„Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка… Ка-тай!“
Ни дать ни взять под розгами
Кричал Агап, дурачился,
Пока не допил штоф:
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
„Сам виноват, Агапушка!“ –
Он ласково сказал…»
«Вишь, тоже добрый! сжалился», –

Заметил Пров, а Влас ему:
«Не зол… да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина – в гробу!
Всё лучше, кабы бог его
Прибрал… Уж нет Агапушки…»

«Как! умер?»
– «Да, почтенные:
Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попа просил,
К белу свету преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест…
С чего? Один бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами –
И пальцем. Ну а всё ж
Нет-нет – да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,

Головка непоклончива,
А тут: иди, ложись!
Положим, ладно кончилось,
А всё Агап надумался:
Упрешься – мир осердится,
А мир дурак – доймет!
Всё разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще: Клим бессовестный,
Сгубил его, анафема,
Винищем!..
Вон от барина
Посол идет: откушали!
Зовет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь!»

3

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось;

Был полдень, время отдыха,
Так набралось порядочно
Народу – поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ…

За длинным белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте – старый князь,
Седой, одетый в белое,
Лицо перекошенное
И – разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстуке
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,

Как свекла губы красные,
По яблоку – глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой,
Ах, косонька! как золото
На солнышке горит!
На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше – челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина –
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою –
Обмахивает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошерстые.
Барчонки дразнят их…

Без шапки перед барином
Стоял бурмистр:

«А скоро ли, –
Спросил помещик, кушая, –
Окончим сенокос?»

«Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,
С тягла: работник с лошадью,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается...»

«Тсс! тсс! – сказал Утятин-князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил. –
Какой такой господский срок?
Откудова ты взял его?»
И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.

Бурмистр потупил голову.

«Как приказать изволите!
Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости
Всё уберем, бог даст!
Не правда ли, ребятушки?..»
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо.)
За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
«Вестимо так, Клим Яковлич,
Покуда вёдро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше – подождет!»

«Бабенка, а умней тебя!»
Помещик вдруг осклабился
И начал хохотать.
«Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха... дурак! ха-ха-ха-ха!
Господский срок – вся жизнь раба!

Забыли, что ли, вы:
Я божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин!..»

Влас наземь опускается.
«Что так?» – спросили странники.
«Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор, как слух прошел,
Что воля нам готовится,
У князя речь одна:
Что мужику у барина
До светопреставления
Зажату быть в горсти!..»

И точно: час без малого
Последыш говорил!
Язык его не слушался:
Старик слюною брызгался,
Шипел! И так расстроился,

Что правый глаз задергало,
А левый вдруг расширился
И – круглый, как у филина –
Вертелся колесом,
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал,
Царевым гневом, божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,
И накрепко приказывал,
Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господ!

«Отцы! – сказал Клим Яковлич,
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем,
При мысли о помещиках,
Заликовала вдруг. –
Кого же нам и слушаться?
Кого любить? надеяться

Крестьянству на кого?
Бедами упиваемся,
Куда нам бунтовать?
Всё ваше, всё господское –
Домишки наши ветхие,
И животишки хворые,
И сами – ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощь огородная,
И волос на нечесаной
Мужицкой голове –
Всё ваше, всё господское!
В могилках наши прадеды,
На печках деды старые
И в зыбках дети малые –
Всё ваше, всё господское!
А мы, как рыбы в неводе,
Хозяева в дому!»

Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту
Глядел с благоволением,

А левый успокоился:
Как месяц в небе стал!
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» – барин говорит.
Вино на солнце искрится,
Густое, маслянистое.
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: «Отцы!
Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина
Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глонул вина заморского.)
Куда нам без господ?
Бояре – кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки!
Над ними – царь один!
А мужики вязовые –
И гнутся-то, и тянутся,
Скрипят! Где мат крестьянину,

Там барину сполагоря:
Под мужиком лед ломится,
Под барином трещит!
Отцы! руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!
Хранители! радетели!
И мир давно бы рушился
Без разума господского,
Без нашей простоты!
Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А нам работать, слушаться,
Молиться за господ!»

Дворовый, что у барина
Стоял за стулом с веткою,
Вдруг всхлипнул! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же господу
За долголетье барина!» –
Сказал холуй чувствительный

И стал креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые
Кисленько как-то глянули
На верного слугу;
Однако – делать нечего! –
Фуражки сняли, крестятся.
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Клим…

Да и мигнул Орефьевне:
И бабы, что протискались
Поближе к господам,
Креститься тоже начали,
Одна так даже всхлипнула
Вподобие дворового.
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!» –
Сказал сердито Влас.)
Из тучи солнце красное
Вдруг выглянуло; музыка
Протяжная и тихая

Послышалась с реки...

Помещик так растрогался,
Что правый глаз заплаканный
Ему платочком вытерла
Сноха с косой распущенной
И чмокнула старинушку
В здоровый этот глаз.
«Вот! – молвил он торжественно
Сынам своим наследникам
И молодым снохам. –
Желал бы я, чтоб видели
Шуты, врали столичные,
Что обзывают дикими
Крепостниками нас,
Чтоб видели, чтоб слышали...»

Тут случай неожиданный
Нарушил речь господскую:
Один мужик не выдержал –
Как захохочет вдруг!

Задергало Последыша.
Вскочил, лицом уставился

Вперед! Как рысь, высматривал
Добычу. Левый глаз
Заколесил… «Сы-скать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистр в толпу отправился;
Не ищет виноватого,
А думает: как быть?
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники,
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?
Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом,
Как влепит сотню добрую
При всем честном миру!
«Иди-ка ты, Романушка! –
Сказали братья Губины. –
Иди! ты любишь бар!»

«Нет, сами вы попробуйте!»
И стали наши странники
Друг дружку посылать.
Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!»

«Ну, да и врал же ты!»

«Эх, Влас Ильич! где враки-то? –
Сказал бурмистр с досадою. –
Не в их руках мы, что ль?..
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб,
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!»

«Что ж там-то будет, Климушка?»

«А будет что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»

(Смеются мужики.)

Пришли сыны Последыша:
«Эх! Клим-чудак! до смеху ли?
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного...
Да кто у вас сплошал?»

«А кто сплошал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да всё испортит он!
Мужик богатый... Питерщик...
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока в диковину,
Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай!»

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей...»

«Нет! разбегутся все...»

«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался».

«А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?»

«Что ж делать?.. Вот беда!»

«Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу!» –
Вдруг объявила бойкая
Бурмистрова кума
И побежала к барину,
Бух в ноги: «Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночек мой единственный,
Сыночек надурил!
Господь его без разуму
Пустил на свет! Глупешенек:
Идет из бани – чешется!
Лаптишком, вместо ковшика,
Напиться норовит!
Работать не работает,
Знай скалит зубы белые,
Смешлив… так бог родил!
В дому-то мало радости:

Избенка развалилася,
Случается, есть нечего –
Смеется дурачок!
Подаст ли кто копеечку,
Ударит ли по темени –
Смеется дурачок!
Смешлив... что с ним поделаешь?
Из дурака, родименький,
И горе смехом прет!»

Такая баба ловкая!
Орет, как на девишнике,
Целует ноги барину.
«Ну, бог с тобой! Иди! –
Сказал Последыш ласково.
Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!»
– «Какой ты добрый!» – молвила
Сноха черноволосая
И старика погладила
По белой голове.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:

Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина шипучего.
Высоко пробки прянули,
Попадали на баб.
С испугу бабы визгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захохотал! За ним
Захохотали барыни,
За ними – их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормилки, нянюшки,
А там – и весь народ!

Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянам поднесли,
Подросткам дали пряников,
Девицам сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмке простяку...

Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(«Вот так-то! чем бы старому
Лекарство пить, – заметил Влас, –
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял».)

Гремит на Волге музыка,
Поют и пляшут девицы –
Ну, словом, пир горой!
К девицам присоседиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел!

Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притопывал,
Присвистывал, прищелкивал,
А глаз свое выделывал –
Вертелся колесом!

«А вы что ж не танцуете? –
Сказал Последыш барыням
И молодым сынам. –
Танцуйте!» Делать нечего!
Прошлись они под музыку.
Старик их осмеял!
Качаясь, как на палубе
В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелося
Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал!

Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,
Негромкая и нежная,

Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!

Под песню ту прекрасную
Уснул Последыш. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.
Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,
Другой рукой отмахивал
Слепней и комаров.
Сидели молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно… лодка тронулась
И мерно поплыла…
У белокурой барыни
Коса, как флаг распущенный,
Играла на ветру…

«Уважил я Последыша! –

Сказал бурмистр. – Господь с тобой!
Куражься, колоброд!
Не знай про волю новую,
Умри, как жил, помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую –
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мне,
Скажи спасибо, Влас Ильич:
Я миру порадел!
Стоять перед Последышем
Напасть… язык примелется,
А пуще смех долит.
Глаз этот… как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
„Куда ты, друг единственный?
По надобности собственной
Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною!..“
Чуть раз не прыснул я.

Мужик я пьяный, ветреный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель бог,
Я за такую каторгу
И тысячи рублей,
Когда б не знал доподлинно,
Что я перед последышем
Стою… что он куражится
По воле по моей…»

Влас отвечал задумчиво:
«Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни – вся вотчина…
(Да… всё крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век… да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром вахлаки!»

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные

Уважили: «Качать его!»
И ну качать… «ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядком
И жениха с невестою
Поздравил! Подурачились
Досыта мужики.
Приели всё, всё припили,
Что господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Известьем неожиданным:
Скончался старый князь!
«Как так?» – «Из лодки вынесли
Его уж бездыханного –
Хватил второй удар!»

Крестьяне пораженные
Переглянулись, крестятся…
Вздохнули… Никогда
Такого вздоха дружного,

Глубокого-глубокого
Не испускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки…

* * *

Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна.
Со смертию Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь.
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве… был в Питере…
А толку что-то нет!

(1872)

Крестьянка*
(Из третьей части)
Пролог

«Не всё между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» –
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже – бабы нет.
Спросите вы Корчагину
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша...»

Подумали – пошли.

Уж налились колосики.

Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделося
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажили тебя!..»

Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,

Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты по выбору,
Зато не налюбуются
На рожь, что кормит всех.

«Льны тоже нонче знатные…
Ай! бедненький! застрял!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Поцеловал: «Лети!»
И птичка ввысь помчалася,
За нею умиленные
Следили мужики…

Поспел горох! Накинулись,
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет – щипнет!
Теперь горох у всякого –
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела; дети носятся
Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник лущат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные,
Лежит на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот наконец и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба – с подпоркою,
Как нищий с костылем;
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят, как остовы,
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочьи,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит…

Народ в полях – работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока – глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посереди двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границею,
А управитель при смерти!..» –
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,

Пока Пахом догадливый,
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову
Да и гуляет так!..»

Как прусаки слоняются
По нетопленой горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старые, все хворые
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на помочь! Как ловится?..»

«Всего один карась!
А было их до пропасти,

Да крепко навалились мы,
Теперь – свищи в кулак!»

«Хоть бы пяточек вынули!» –
Проговорила бледная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

«Точеные-то столбики
С балкону, что-ли, умница?» –
Спросили мужики.

«С балкону!»

«То-то высохли!
А ты не дуй! сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!»

«Жду – не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе – не житье!»

И тут она погладила
Полунагого мальчика

(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

«А что? ему, чай, холодно, –
Сказал сурово Провушка, –
В железном-то тазу?» –
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: «Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него!..»

Что шаг, то натыкалися
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» –
Окликнули с пруда.

В саду ребята яблоню
Качали. «Мало, дяденька!
Теперь они остались
Уж только наверху,
А было их до пропасти!»

«Да что в них проку? зелены!»

«Мы рады и таким!»

Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять… Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка… стойте! с надписью!..»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.

«Эй, врешь!» Хохочут странники…
Опять – и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадался,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного

Такая вышла дрянь!)

Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
«Купите!» Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
«Садись-ка ты помещиком
Под лирой на скамеечку
Да сам ее читай!»

«А тоже грамотеями
Считаетесь!.. – с досадою
Дворовый прошипел. –
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово „воспрещается“,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!»

«Дорожки так загажены,
Что срам! У девок каменных
Отшибены носы!

Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У холуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика! –
Решили мужики. –
Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот...» (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! Головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике
Какой-то человек
И пел... В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас...
Гудел – и прямо за сердце
Хватал он наших странников:

Не русские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне, слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные,
Рыдающие… «Умница,
Какой мужчина там?» –
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

«Певец Ново-Архангельский,
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Сулились, да уехали…
А он бы рад-радехонек –
Какая уж Италия! –
Обратно в Конотоп.
Ему здесь делать нечего…
Собаки дом покинули
(Озлилась круто женщина),
Кому здесь дело есть?

Да у него ни спереди,
Ни сзади… кроме голосу…»

«Зато уж голосок!»

«Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон… тоже с голосом…
Так вот она затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подымется
Да рявкнет наш: „Здо-ро-во ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?“
Так стекла затрещат!
А тот ему оттуда-то:
„Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!“ – „И-ду!..“
„Иду“-то это в воздухе
Час целый откликается…
Такие жеребцы!..»

Домой скотина гонится,

Дорога запылилася,
Запахло молоком.
Вздохнула мать Митюхина:
«Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла!»
– «Чу! песня за деревнею,
Прощай, горюшка бедная!
Идем встречать народ».

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц, –
Всё дело девки красили
(Толпа без красных девушек
Что рожь без васильков).

«Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?»

«Что нужно, молодцы?»

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,

Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

«Что нужно вам, молодчики?»

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие
Не поушли вперед,
Потом поклон отвесили:
«Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,

Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы – и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому, –
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,

Министру государеву,
А Пров сказал: царю…
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися,
Подравшися, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?..

Попа уж мы доведали,

Доведали помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?) –
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь… Скажи по-божески:
В чем счастие твое?»

Не то чтоб удивилася
Матрена Тимофеевна,
А как-то закручинилась,
Задумалась она…

«Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать?..»

«Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал!» –
Просили мужики.

«У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые».

«А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра – к вечеру
Всю рожь твою сожнем!»

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
«Согласна, – говорит, –
Такие-то вы бравые,
Нажнете, не заметите,
Снопов по десяти!»

«А ты нам душу выложи!»

«Не скрою ничего!»

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.

И дуб тут рос – дубов краса.
Под ним присели странники:
«Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков».

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять…
Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали
На огороде – страсть!

Уж звезды рассажалися
По небу темно-синему,
Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать…»

Глава 1. До замужества

«Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись до свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: „Вставай, сестра!
По избам обряжаются,
В часовенках спасаются –
Пора, вставать пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!“

Управится с горшечками,
Всё вымоет, всё выскребет,
Посадит хлебы в печь –
Идет родная матушка,
Не будит – пуще кутает:
„Спи, милая касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье – недолог сон!
Уложат спать позднехонько!
Будить придут до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сгложи ее – да полное
Лукошко набери!..“

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой

Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды,
Потом: „Бери-ка грабельки
Да сено вороши!“
Так к делу приобвыкла я…
И добрая работница,
И петь-плясать охотница
Я смолоду была.
День в поле проработаешь,
Грязна домой воротишься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому венчику,
Студеному ключу, –
Опять бела, свежехонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,

А тихому шепну:
„Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..“ – уйдет…

Да как я их ни бегала,
А выискался суженый,
На горе – чужанин!
Филипп Корчагин – питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:
„Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно,
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые
И люди засмеют!..“

А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелося
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском?..

Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
„Мил братец! шелку, гарусу
Купи – семи цветов,
Да гарнитуру синего!“
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке – солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы,
Меня бы промигал!..

Всю ночку я продумала…
„Оставь, – я парню молвила, –
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!“

„Такую даль мы ехали!
Иди! – сказал Филиппушка. –
Не стану обижать!“

Тужила, горько плакала,

А дело девка делала:
На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором –
Пал на сердце Филипп!

„Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехенько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной – не каяться,
А мне с тобой не плакаться…
Я вся тут такова!“

„Небось не буду каяться,
Небось не буду плакаться!“ –
Филиппушка сказал.

Пока мы торговалися,
Филиппу я: „Уйди ты прочь!“,
А он: „Иди со мной!“

Известно: „Ненаглядная,
Хорошая… пригожая…“
– Ай!..» – вдруг рванулась я…
«Чего ты? Эка силища!»
Не удержи – не видеть бы
Вовек ему Матренушки,
Да удержал Филипп!
Пока мы торговалися,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастьице…
А больше вряд когда!

Я помню, ночка звездная,
Такая же хорошая,
Как и теперь, была…

Вздохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилася,
Унывным, тихим голосом
Пропела про себя:

Ты скажи за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,

Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я
Не увешана!

Чисто серебро –
Чистота твоя,
Красно золото –
Красота твоя,
Бел-крупен жемчуг –
Из очей твоих
Слезы катятся…

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:
«Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!»
Впервой я поклонилася –
Вздрогнули ноги резвые;

Второй я поклонилася –
Поблекло бело личико;
Я в третий поклонилася,
И волюшка скатилася
С девичьей головы…

* * *

«Так значит: свадьба? Следует, –
Сказал один из Губиных, –
Проздравить молодых».

«Давай! Начин с хозяюшки.
– Пьешь водку, Тимофеевна?»

«Старухе – да не пить?..»

Глава 2. Песни

У суда стоять
Ломит ноженьки,
Под венцом стоять
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается

Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее –
Расточихою,
А золовушка –
Щеголихою,
Свекор-батюшка –
Тот медведицей,
А свекровушка –
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою…

Всё, что в песенке
Той певалося,
Всё со мной теперь
То и сталося!

Чай, певали вы?

Чай, вы знаете?..

«Начинай, кума!

Нам подхватывать...»

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,

Клонит голову на подушечку,

Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,

Сердитый по новым погуливает,

Странники

хором

Стучит, гремит, стучит, гремит,

Снохе спать не дает:

Встань, встань, встань, ты – сонливая!

Встань, встань, встань, ты – дремливая!

Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,

Клонит голову на подушечку,

Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,

Сердитая по новым погуливает.

Странники

хором

Стучит, гремит, стучит, гремит,

Снохе спать не дает:

Встань, встань, встань, ты – сонливая!

Встань, встань, встань, ты – дремливая!

Сонливая, дремливая, неурядливая!

* * *

«Семья была большущая,

Сварливая… попала я

С девичьей холи в ад!

В работу муж отправился,

Молчать, терпеть советовал:

Не плюй на раскаленное

Железо – зашипит!

Осталась я с золовками,

Со свекром, со свекровушкой,

Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекором приглядывай,
Сплошаешь – у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань и сядь с приметою,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоныч,
Поймали, – полумертвого
Подкинули в сарай…

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,

А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день,
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас – нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать...»

«Уж будто не колачивал?»

Замялась Тимофеевна:
«Раз только», – тихим голосом
Промолвила она.

«За что?» – спросили странники.

«Уж будто вы не знаете,

Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты разбилися.
„Дай башмаки Оленушке,
Жена!“ – сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
„Ну, благо ты приехала,
И так походишь!“ – молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке.
„Давненько не видались мы,
А знать бы – так не ехать бы!“ –
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка...
И всё тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!»

«Ну, женщины! с такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!»

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

* * *

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула…

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить…

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула…

Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,

Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка,
Велит больше бить,
Велит кровь пролить…

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула…

* * *

Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писаный был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,

У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей…
Не стала я тревожиться,
Что ни велят – работаю,
Как ни бранят – молчу.

Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордеич Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
«Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка…»
– «Отстань, бесстыдник! ягодка,
Да бору не того!»
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в избу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся –
Свекровь оттуда вытащит:
«Эй, не шути с огнем!»

– «Гони его, родимая,
По шее!» – «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» Я к дедушке:
«Что делать? Научи!»

Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,
Родитель свекра-батюшки, –
Жалел меня… Рассказывать
Про деда, молодцы?

«Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика», –
Сказали мужики.

Ну, то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку.
Счастливец тоже был…

Глава 3. Савелий, богатырь святорусский

С большущей сивой гривою,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,

Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки, –
Сначала всё боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он. ну распрямится?
Пробьет дыру медведище
В светелке головой!
Да распрямиться дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал.
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клейменым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится,
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:

«Клейменый, да не раб!»...
А крепко досадят ему –
Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя,
Золовушка – к окну:
Ан вместо сватов – нищие!
Из оловянной пуговки
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу –
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного –
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков.
А зиму разговаривал
На печке сам с собой.

Имел слова любимые,
И выпускал их дедушка
По слову через час:
. . . . . .
«Погибшие… пропащие…»
. . . . . .
«Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»
. . . . . .
«Недотерпеть – пропасть!
Перетерпеть – пропасть…»
. . . . . .
«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут.
Раздумается временем
О смерти – муки адские
В ту-светной жизни ждут»,
. . . . . .
«Надумалась Корежина,
Наддай! наддай! наддай!..»

. . . . . .

И много! да забыла я...
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дема, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький...

Вот раз и говорю:

«За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?»

«Я каторжником был».
– «Ты, дедушка?»
– «Я, внученька!
Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал...»

«И полно! шутишь, дедушка!»

«Нет, не шучу. Послушай-ка!» –
И всё мне рассказал.

«Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем».

«Да как же так, Савельюшка?»

«А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года черт искал.
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные

С своим полком – военный был –
К нам доступиться пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по году, –
Вот были времена!
А ныне – барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью…
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи… да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшней сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: „Мой лес!“ – кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле

Цыпленок – завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп я похож?»

* * *

«Ты начал, так досказывай!
Ну, жили – не тужили вы,
Что ж дальше, голова?»

«По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
„Явиться!“ Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засуха сильная,
Наехала полиция,
Мы дань ей – медом, рыбою!

Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы – шкурами звериными!
А в третий – мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки –
И тронулась Корежина!..
Пришли…(В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
„Оброк!“ – „Оброку нет!
Хлеба не уродилися,
Снеточки не ловилися…“
– „Оброк!“ – „Оброку нет!
Не стал и разговаривать:
„Эй, перемена первая!“ –
И начал нас пороть.

Туга мошна корежская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешалися,
Мозги уж потрясалися
В головушках – дерет!

Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!
Онучи распороли мы
И барину „лобанчиков“
Полшапки поднесли.
Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корегой покоренною:
„Ну, благо вы сдались!
А то – вот бог! – решился я
Содрать с вас шкуру начисто…
На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочет – рад придумочке):
Вот был бы барабан!“

Идем домой понурые…
Два старика кряжистые
Смеются… Ай, кряжи!

Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие –
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
„Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!“
И прочим стало совестно,
На церковь побожилися:
„Вперед не посрамимся мы,
Под розгами умрем!“

Понравились помещику
Корежские лобанчики,
Что год – зовет… дерет…

Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину

Стояли хорошо.
Я тоже перетерпливал,
Помалчивал, подумывал:
„Как не дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!“
Как примет дань Шалашников,
Уйдем – и за заставою
Поделим барыши:
„Что денег-то осталося!
Дурак же ты, Шалашников!“
И тешилась над барином
Корега в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину –
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы…

Подходит лето красное,
Ждем грамоты… Пришла…
А в ней уведомление,

Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
„Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!“
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.
И был сначала тихонький:
„Платите сколько можете“.
– „Не можем ничего!“
– „Я барина уведомлю“.
– „Уведомь!..“ Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою;

Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу – бац да бац!
Смеялись мы: „Не любишь ты
Корежского комарика…
Не любишь, немчура?..“
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке…

С ребятами, с девочками
Сдружился, бродит по лесу…
Недаром он бродил!
„Коли платить не можете,
Работайте!“ – „А в чем твоя
Работа?“ – „Окопать
Канавками желательно
Болото…“ Окопали мы…
„Теперь рубите лес…“
– „Ну, хорошо!“ – Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!

Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властию,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга
Корежскому крестьянину –
До нитки разорил!
А драл… как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,

Подумаешь: убьет!
А деньги сунь – отвалится,
Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца – хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя сосет!“

„Как вы терпели, дедушка?“

„А потому терпели мы,
Что мы – богатыри.
В том богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик – не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою – а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина… леса дремучие
Прошли по ней – сломалися.
А грудь? Илья-пророк

По ней гремит-катается
На колеснице огненной…
Всё терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится…
Ужли не богатырь?“

„Ты шутишь шутки, дедушка! –
Сказала я. – Такого-то
Богатыря могучего
Чай, мыши заедят!“

„Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы – кровь течет!
Не знаю, не придумаю,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как выли вьюги зимние,
Как ныли кости старые,

Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? –
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!“

„А что же немец, дедушка?“

„А немец как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали – до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: „Только-то?..“
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал

Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая…
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий… Мы посгрудились…
До ямы два шага…
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза… А всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме… всё на край…
И немец в яму бухнулся,
Кричит: „Веревку! лестницу!“
мы девятью лопатами
Ответили ему.
„Наддай!“ – я слово выронил, –
Под слово люди русские
Работают дружней.
„Наддай! наддай!“ Так наддали,

Что ямы словно не было –
Сровнялася с землей!
Тут мы переглянулися…“

Остановился дедушка.

„Что ж дальше?“

„Дальше – дрянь!
Кабак… острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышла: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали – помазали,
Плохое там дранье!
Потом… бежал я с каторги…
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся –
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней – я не поморщился

С заводского дранья.
Тот мастер был – умел пороть!
Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

А жизнь была нелегкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать...“

Тут кончил речь Савельюшка...»

«Ну что ж? – сказали странники. –
Досказывай, хозяюшка,

Свое житье-бытье!»

«Невесело досказывать.
Одной беды бог миловал:
Холерой умер Ситников, –
Другая подошла».

«Наддай!» – сказали странники
(Им слово полюбилося)
И выпили винца…

Глава 4. Демушка

«Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
„Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!“

Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева… ни гнездышка…
Ни птенчиков!.. Поет-зовет…
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам… лелеяла…
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
„Оставь его у дедушки,
Не много с ним нажнешь!“
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не ленясь
Удобрили, ухолили, –
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопами нагружала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,
А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани – на базар!)
Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек как смерть:
„Прости, прости, Матренушка! –
И повалился в ноженьки. –
Мой грех – недоглядел!..“

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом,

Под берегом крутым!
Что день – то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детенышей твоих.
Ой, бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Демушку –
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звенит... еще беда!

Ребята испугалися,
По избам разбежалися,
У окон заметалися
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, в луга.
Собрал народ: идут – крехтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошеных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержалися,
Сапожки притоптался,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,

Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порыкивал…
„Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием
В сожительстве? Винись!“
Я шепотком ответила:
„Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет… Чай, знаешь сам“.
Как в стойле конь подкованный,
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
„Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..“
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристем,
Вся закипела я…

Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.
Вздрогнула я, одумалась.
„Нет, – говорю, – я Демушку
Любила, берегла…“
– „А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?“
– „Нет! сохрани господь!..“
И тут я покорилася,
Я в ноги поклонилася:
Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честному погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!..» Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее – нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Демушку
И стали тело белое

Терзать и пластовать.
Тут свету я невзвидела, –
Металась и кричала я:
«Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей – юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитву, слезы матери,
Злодея накажи!..»
– «Никак, она помешана? –
Сказал начальник сотскому. –
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..»

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартуком завешана,
В одной руке – широкий нож,
В другой ручник – и кровь на нем, –
А на носу очки!
Так тихо стало в горнице…
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
«Ножом в сердцах читаете!» –
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Демушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася…
«Ну, так и есть – помешана!
Связать ее!» – десятнику
Начальник закричал.

Стал понятых опрашивать:
«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?»

«Нет!»

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

«Не примечали, нет!»

Спросили деда старого:

«Не примечал! ровна была…
Одно: к начальству кликнули,
Пошла… а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла!»

Заплакал навзрыд дедушка.
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилася!
Прогневался бог: разуму
Лишил! была готовая

В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Демушку,
Цыновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь водку пил. Священнику
Сказал: «Прошу покорнейше!»
А поп ему: «Что просите?
Без прутика, без кнутика
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!»

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,
Без образа накланялись!
Как вихорь налетал –
Рвал бороды начальничек,

Как лютый зверь наскакивал –
Ломал перстни злаченые…
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
«У нас народ – все голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащат!»
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка…
Чу! пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло всё…
Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:

«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!» –
И крестит… С рук скатилися
Веревки… Я не помнила
Потом уж ничего…

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно – глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу –
Пуста. На небо глянула –
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла – и всё я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный

Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах…
«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки…
Ой, жестко будет Демушке,
Ой, страшно будет спать!..»

«Уйди!.. – вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Демою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна, кричала я:
„Уйди! убил ты Демушку!
Будь проклят ты… уйди!..“

Старик ни с места. Крестится,
Читает… Уходилась я,
Тут дедко подошел:
„Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь свою рассказывал,
Да рассказал не всё:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелюдимые,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь – сам пропал!
А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга…
Окаменел я, внученька,
Лютее зверя был.
Сто лет зима бессменная
Стояла. Растопил ее
Твой Дема-богатырь!

Однажды я качал его,
Вдруг улыбнулся Демушка…
И я ему в ответ!
Со мною чудо сталося:
Третьеводни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка… лапочкой,
Как кошка, умывалася…
Не выпалил: живи!
Брожу по рощам, по лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Демушкой…
Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное…
Кори, казни меня!
А с богом спорить нечего.
Стань, помолись за Демушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина?“

И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил..
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

„Теперь в раю твой Демушка,
Легко, светло ему…“

Заплакал старый дед.

„Я не ропщу, – сказала я, –
Что бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругалися над ним?
Зачем, как черны вороны,
На части тело белое
Терзали?… Неужли
Ни бог, ни царь не вступится?..“

„Высоко бог, далеко царь…“

„Нужды нет: я дойду!“

Ах! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правду не найти».

«Да почему же, дедушка?»

«Ты – крепостная женщина!» –
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала…
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула… К гробику
Подвел меня старик:
«Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Демушку!»
И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным, ровным голосом
Над Демою читал…

Глава 5. Волчица

Уж двадцать лет, как Демушка

Дерновым одеялечком
Прикрыт, – всё жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру.
Не скоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами проучить,
Так я ему ответила:
«Убей!» я в ноги кланялась:
«Убей! один конец!»
Повесил вожжи батюшка.
На Деминой могилочке
Я день и ночь жила.
Платочком обметала я
Могилку, чтобы травушкой
Скорее поросла,
Молилась за покойничка,
Тужила по родителям:

Забыли дочь свою!
Собак моих боится?
Семьи моей стыдится?
«Ах, нет, родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды рассказывать,
Твои беды выспрашивать –
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ту мы думу думали:
Приедем – ты расплачешься,
Уедем – заревешь!»

Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилася,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем.

«Что ж, умер, что ли, дедушка?»

Нет, он в своей коморочке
Шесть дней лежал безвыходно,

Потом ушел в леса.
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.
Три года, так считаю я,
Неделя за неделею,
Одним порядком шли,
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь – когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь – когда больна…
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое, –
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Впереди летит – ясным соколом,
Позади летит – черным вороном,
Впереди летит – не укатится,
Позади летит – не останется…

Лишилась я родителей…
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет нужды сказывать…
На Демину могилочку
Поплакать я пошла.

Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике
Складная золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого
Увидела. «Савельюшка!
Откуда ты взялся?»

«Пришел я из Песочного…
Молюсь за Дему бедного,
За всё страдное русское

Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил господь... Прости!»

«Давно простила, дедушка!»

Вздохнул Савелий... «Внученька!
А внученька!» – «Что, дедушка?»
– «По-прежнему взгляни!»

Взглянула я по-прежнему.
Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла старинушку,
И долго у креста
Сидели мы и плакали.
Я деду горе новое
Поведала свое...

Недолго прожил дедушка.
По осени у старого

Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел; хирел да сох,
Сам над собой подтрунивал:
«Не правда ли, Матренушка,
На комара корежского
Костлявый я похож?»
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: «Не паши,
Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Как вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог да каторга,
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая – шелку красного,

А третья – шелку черного,
Любую выбирай!..
В любую полезай...»
Так засмеялся дедушка,
Что все в каморке вздрогнули, –
И к ночи умер он.
Как приказал – исполнили:
Зарыли рядом с Демою...
Он жил сто семь годов.

* * *

Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом... Всему
Я покорилась: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя – в постель;
За всех, про всех работаю, –
С свекрови, с свекра пьяного,
С золовушки бракованной
Снимаю сапоги...
Лишь деточек не трогайте!

За них горой стояла я...
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила нас угодница,
По праздникам к заутрени
Будила... а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.
Село переполошилось!
Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим
Слезами заливается:
И бога-то ей боязно,
И дитятка-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:

Коли терпеть, так матери,
Я перед богом грешница,
А не дитя мое!

Да, видно, бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось
Сыночку моему,
В подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку –
Скотина уж пригналася, –
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
«Что держишь ты его?»
– «Посечь хотим маненичко:
Овечками прикармливать
Надумал он волков!»
Я вырвала Федотушку,
Да с ног Силантья-старосту
И сбила невзначай.

Случилось диво дивное:
Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.
«Сижу я, – так рассказывал
Сынок мой, – на пригорочке,
Откуда ни возьмись
Волчица преогромная
И хвать овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу, Валетку уськаю…
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щенная:
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка,
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
Идет, идет – оглянется,
А я как припущу!
И села… я кнутом ее:
„Отдай овцу, проклятая!“

Не отдает, сидит…
Я не сробел: „Так вырву же,
Хоть умереть!..“ И бросился,
И вырвал… Ничего –
Не укусила серая!
Сама едва живехонька,
Зубами только щелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи… и завыла вдруг!
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая…
Волчица так ли жалобно
Глядела, выла… Матушка!
Я бросил ей овцу!..»

Так вот что с парнем сталося.
Пришел в село да, глупенький,
Всё сам и рассказал,

За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я…
Силантий осерчал,
Кричит: «Чего толкаешься?
Самой под розги хочется?»
А Марья, та свое:
«Дай, пусть проучат глупого!»
И рвет из рук Федотушку,
Федот как лист дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
«Не выдай! Будь заступником!»
– «В чем дело?» Кликнул старосту
И мигом порешил:
«Подпаска малолетнего
По младости, по глупости
Простить… а бабу дерзкую
Примерно наказать!»

«Ай, барин!» Я подпрыгнула:
«Освободил Федотушку!

Иди домой, Федот!»

«Исполним повеленное! –
Сказал мирянам староста. –
Эй! погоди плясать!»

Соседка тут подсунулась:
«А ты бы в ноги старосте...»

«Иди домой, Федот!»

Я мальчика погладила:
«Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь... Иди!»

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится.
Легла я, молодцы...
. . . . . .

В Федотову коморочку,
Как кошка, я прокралася:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:

«Ты плакал, что ли, бедненький?
Спи. Ничего. Я тут!»
Тужила я по Демушке,
Как им была беременна, –
Слабенек родился,
Однако вышел умница:
На фабрике Алферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть!
Всю ночь над ним сидела я,
Я пастушка любезного
До солнца подняла,
Сама обула в лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожок и кнут дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,

Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!

Громко я звала родителя:
Ты приди, заступник батюшка!
Посмотри на дочь любимую….
Понапрасну я звала.
Нет великой оборонушки!
Рано гостья бесподсудная,
Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна моя печальница,
В ночь – ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,

Не дорыскивает зверь…

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что без вас я выношу?
Ночь – слезами обливаюся,
День – как травка пристилаюся…
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Глава 6. Трудный год

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,
И ангелы его
Метут метлою огненной
Перед стопами божьими
В небесном поле путь;
Другие то же думали,
Да только на антихриста,

И чуяли беду.
Сбылось: пришла бесхлебица!
Брат брату не уламывал
Куска! был страшный год…
Волчицу ту федотову
Я вспомнила – голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилася,
Соседкам наплела,
Что я беду накликала,
А чем? рубаху чистую
Надела в рождество.
За мужем, за заступником,
Я дешево отделалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили насмерть кольями.
С голодным не шути!..

Одной бедой не кончилось:
Чуть справились с бесхлебицей –

Рекрутчина пришла.
Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову
В солдаты брат ушел.
Сижу одна, работаю,
И муж и оба деверя
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка
Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лиодорушкой
Беременна: последние
Дохаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: «Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,

Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшого дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: божится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубишь,
Что тени из стены!
Задарен... все задарены...
Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Проверить повелел.
Да сунься-ка!..» Заплакали
Свекровушка, золовушка,

А я... То было холодно,
Теперь огнем горю!
Горю... Бог весть что думаю...
Не дума... бред... Голодные
Стоят сиротки-деточки
Передо мной... Неласково
Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом...
И стали их пощипывать,
В головку поколачивать...
Молчи, солдатка-мать!
. . . . . .
Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одеже и скоту.
Теперь одно богачество:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!

. . . . . .

Теперь, как виноватая,
Стою перед соседями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой…
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Как жить самой? Как деточек
Поить, кормить, растить?..
. . . . . .

Послала деток по миру:
Просите, детки, ласкою,
Не смейте воровать!
А дети в слезы: «Холодно!
На нас одежа рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Иззябнем… У богатого
Нам боязно просить,

„Бог даст!“ – ответят бедные…
Ни с чем домой воротимся –
Ты станешь нас бранить!..»
. . . . . .
Собрала ужин; матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопишься?»
А деверь говорит:
«Не много ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалася,
Как солнышко зайдет!»
. . . . . .
Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию,
Смех слышу за собой!
. . . . . .
Хорошо не одевайся,
Добела не умывайся,

У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело – не смейся,
Не поплачь с тоски!..
. . . . . .

Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки –
Нет у солдатки-матери
Во всем миру дружка!
С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса – леса повяли бы,
В луга – луга сгорели бы!
Во быструю реку?
Вода бы остоялася!

Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!
. . . . . .
Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики
Идут… Остановилися…
Построились в ряды.
«Живей!» Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемена первая!» –
Шалашников кричит.
Упал Филипп: «Помилуйте!»
– «А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..»
. . . . . .
И тут я с печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала, –
Всё тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная…

Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собиралися,
Гремела песня складная,
Любимая моя…

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет…

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:

Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет…

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
Душа Ефимовна, пойдем домой!

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозы есть,
Леса темны, караулы есть.

Глава 7. Губернаторша

Почти бегом бежала я
Через деревню, – чудилось,
Что с песней парни гонятся
И девицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя…
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, – словно радостью
Так и взмывало грудь…
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Больную напоил:
Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.
Упала на колени я:
«Открой мне, матерь божия,

Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченой, –
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь всё, владычица,
Ты можешь всё, заступница!
Спаси рабу свою!..»

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом божиим
Люблю я с той поры.
Беда постигнет – вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилося,
И силы прибавлялося,

Чем чаще я касалася
До белой, снежной скатерти
Горящей головой...

Потом – в дорогу тронулась,
Знакомая дороженька!
Езжала я по ней.
Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались.
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского,
Жалела я коней:
Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.
И так-то всё я думала:
Рабочий конь солому ест,
А пустопляс – овес!
Нужда с кулем тащилася, –

Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
Торговцы-колотырники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрени,
Как в город я вошла.
Ищу соборной площади,
Я знала: губернаторский
Дворец на площади.
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
Шагает часовой.

«Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?»
– «Не знаю. Ты иди!
Нам говорить не велено!
(Дала ему двугривенный):
На то у губернатора
Особый есть швейцар».

– «А где он? как назвать его?»
– «Макаром Федосеичем…
На лестницу поди!»
Пришла, да двери заперты.
Присела я, задумалась,
Уж начало светать.
Пришел фонарщик с лестницей,
Два тусклые фонарика
На площади задул.

«Эй! что ты тут расселася?»

Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике
Плешивый человек.
Скоренько я целковенький
Макару Федосеичу
С поклоном подала:

«Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть – дойти!»
«Пускать-то вас не велено,
Да… ничего!.. толкнись-ка ты

Так… через два часа…»

Ушла. Бреду тихохонько…
Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
«Чей памятник?» – «Сусанина».
Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.
Там крепко испугалась я,
Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матерый серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!
Такой был крик, что за душу
Хватил – чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали! шею вытянул
И зашипел с угрозою,
Как будто думал повара,
Бедняга, испугать.

Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.
На окна поглядела я:
Завешаны. «В котором-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны?..»

Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я в швейцарскую.
«Раненько ты, кума!»

Опять я испугалася,
Макара Федосеича
Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.

Смеется: «Что ты вздрогнула?»
– «Устала я, родной!»

«А ты не трусь! Бог милостив!
Ты дай еще целковенький,
Увидишь – удружу!»

Дала еще целковенький.
«Пойдем в мою коморочку,
Попьешь пока чайку!»

Коморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится,
А по стене картиночки.
«Вот он! – сказал Макар. –
Его превосходительство!»
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

«Да добрый ли?» – спросила я.

«Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем –
Как пес, бываю зол».

«Скучаешь, видно, дяденька?»
– «Нет, тут статья особая,
Не скука тут – война!
И Сам, и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В коморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится
Да свечка нагорит –
Так тут устой...»
Я вспомнила
Про богатырство дедово:
«Ты, дядюшка, – сказала я, –
Должно быть, богатырь!.

„Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборал!“

В коморку постучалися,
Макар ушел... Сидела я,

Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали.
„Сам едет?“ – „Губернаторша!“-_
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалася
В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.

Не знала я, что делала
(Да, видно, надоумила
Владычица!)… Как брошусь я
Ей в ноги: „Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!“

„Откуда ты, голубушка?“

Впопад ли я ответила –
Не знаю… Мука смертная
Под сердце подошла…

Очнулась я, молодчики,

В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня – кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит.
„Чье дитятко, красавица?“
– „Твое!“ Поцеловала я
Рожоное дитя…

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталь долгая,
Истома непомерная,
Упередилось времечко –
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше,
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лиодорушка –
Младенцу избрала…»

«А что же с мужем сталося?»

«Послали в Клин нарочного,
Всю истину доведали, –
Филиппушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама – дай бог ей счастие! –
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А деток не дал бог!
Пока у ней гостила я,
Всё время с Лиодорушкой
Носилась, как с родным.

Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли…

Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.

Мы идем, идем –
Остановимся,
На леса, луга
Полюбуемся,
Полюбуемся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим…
Очи встретятся –
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего –
Подадим ему
Мы копеечку:
„Не за нас молись, –
Скажем старому, –
Ты молись, старик,

За Еленушку,
За красавицу
Александровну!“

А увидим мы
Церковь божию –
Перед церковью
Долго крестимся:
„Дай ей, господи,
Радость-счастие,
Доброй душеньке
Александровне!“

Зеленеет лес,
Зеленеет луг,
Где низиночка –
Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,

По степям бегу
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем...
Поклонился мне
Свекор-батюшка,
Поклонилася
Мать-свекровушка,
Деверья, зятья
Поклонилися,
Поклонилися,
Повинилися!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильней меня, –
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!

Доброй душеньке
Александровне!»

Глава 8. Бабья притча

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чарке осушить.
И, видя, что хозяюшка
Ко стогу приклонилася,
К ней подошли гуськом:
«Что ж дальше?»
– «Сами знаете:
Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры…
Что дальше? Домом правлю я,
Рощу детей… На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские

Порядки нескончаемы, –
Уж взяли одного!»

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались: «Ну, хозяюшка!
Что скажешь нам еще?»

«А то, что вы затеяли
Не дело – между бабами
Счастливую искать!..»

«Да всё ли рассказала ты?»

Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою
Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин, в бороне!..

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота…
Чего же вам еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумела я, –
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
Не бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне – тиха, невидима –
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
И плеть по мне прошла!
Я только не отведала –
Спасибо! умер Ситников –

Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы – за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте, –
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилася
Одна старушка божия:
Вся жизнь убогой старицы –
Убийство плоти, пост;
У гроба Иисусова
Молилась, на Афонские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалася…
И та святая старица
Рассказывала мне:
«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки

Заброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынножители,
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
Их ищут – не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба их...
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли господни ратники
Пустыни, города, –
И у волхвов выспрашивать
И по звездам высчитывать
Пытались – нет ключей!
Весь божий мир изведали,
В горах, в подземных пропастях
Искали... Наконец
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё – не те ключи!
Пришлись они – великое

Избранным людям божиим
То было торжество –
Пришлись к рабам-невольникам:
Темницы растворилися,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..
А к нашей женской волюшке
Всё нет и нет ключей!
Великие сподвижники
И по сей день стараются –
На дно морей спускаются,
Под небо подымаются, –
Всё нет и нет ключей!
Да вряд они и сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыбина
Гуляет – бог забыл!..»

(1873)

Пир на весь мир*

Посвящается Сергею Петровичу Боткину

Вступление

В конце села Валахчина,
Где житель – пахарь исстари
И частью – смолокур,
Под старой-старой ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Целуются, милуются, –
Шел пир, великий пир!
Орудовать по-питерски
Привыкший дело всякое,
Знакомец наш Клим Яковлич,

Видавший благородные
Пиры с речами, спичами,
Затейщик пира был.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели с Власом-старостой
(Им дело до всего).
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»
С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша; было старшему
Ух девятнадцать лет;
Теперь же протодьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное
И волос тонкий, вьющийся,

С оттенком красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.

Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар всё снес третьеводни).
Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися,
Парома поджидаючи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.

В день смерти князя старого

Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?
Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадаются
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью –
Неведеньем помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей –
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податью – осердится!
Один ответ до времени:

«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поемные
Сдать старосте – на подати:
Всё взвешено, рассчитано,
Как раз – оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?»

«А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть – работаю,
Не то – валяюсь с бабою,
Не то – иду в кабак!»

«Так!» – вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась, – на подати!
«Согласен, дядя Влас?»

«У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак, –
Сказал шутливо староста. –
Начнет Климаха бабою,

А кончит – кабаком!»
– «А чем же! Не острогом же
Кончать-ту? Дело верное,
Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья.
Влас был душа добрейшая,
Болел за всю вахлачину –
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,
Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалося,
Что лучшее кончалося
Ничем или бедой.
И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина

Прошло обид… до смеху ли?..
Влас вечно был угрюм.
А тут – сплошал старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины… без подати….
Без палки… правда ль, господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросил луч – и чудо там:
Роса горит алмазами,
Позолотился мох.
«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не в меру было весело:
У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свет, где нескончаемый

Им уготован пир!
Еще ведро поставили,
Галденье непрерывное
И песни начались!
Как, схоронив покойника,
Родные и знакомые
О нем лишь говорят,
Покамест не управятся
С хозяйским угощением
И не начнут зевать, –
Так и галденье долгое
За чарочкой, под ивою,
Всё, почитай, сложилося
В поминки по подрезанным,
Помещичьим «крепям».
К дьячку с семинаристами
Пристали: «Пой веселую!»
Запели молодцы.
(Ту песню – не народную –
Впервые спел сын Трифона,
Григорий, вахлакам,
И с «Положенья» царского,

С народа крепи снявшего,
Она по пьяным праздникам
Как плясовая пелася
Попами и дворовыми, –
Вахлак ее не пел,
А, слушая, притопывал,
Присвистывал; «веселою»
Не в шутку называл.)

1. Горькое время – горькие песни

«Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!»
– «Где ж коровка наша?»
– «Увели, мой свет
Барин для приплоду
Взял ее домой!»
Славно жить народу
На Руси святой!

«Где же наши куры?» –
Девчонки орут.
«Не орите, дуры!

Съел их земский суд;
Взял еще подводу
Да сулил постой...»
Славно жить народу
На Руси святой!

Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила – ревет:
В дворне больше году
Дочка... нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь – и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин – дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

* * *

Потом свою вахлацкую,
Родную, хором грянули,
Протяжную, печальную –
Иных покамест нет.
Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тем,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая да ясная,
Как ведреный денек.
Не диво ли? не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная!
Воссмейся ж наконец!

Барщинная

Беден, нечесан Калинушка,

Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
С лаптя до ворота
Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.

Верченый, крученый,
Сеченый, мученый,
Еле Калина бредет.

В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене…

* * *

«Ай, песенка!.. Запомнить бы!..»
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
«Мы барщинные! С наше-то
Попробуй, потерпи!

Мы барщинные! выросли
Под рылом у помещика;
День – каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю глядючи,
Мы потеряли речь.
В молчанку напивалися,
В молчанку целовалися,
В молчанку драка шла!»
– «Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! нам молчанка та
Досталась солоней! –
Сказал соседней волости
Крестьянин, с сеном ехавший
(Нужда пристигла крайняя,
Скосил – и на базар!). –
Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,

Того нещадно драть.
И драли же! Покудова
Не перестали лаяться
А мужику не лаяться –
Едино что молчать.
Намаялись! уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругалися,
Что поп Иван обиделся
За звоны колокольные,
Гудевшие в тот день».

Такие сказы чудные
Посыпались… и диво ли?
Ходить далеко за словом
Не надо – всё прописано
На собственной спине.

«У нас была оказия, –
Сказал детина с черными
Большими бакенбардами, –
Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,

С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал.
А выше – ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)
– «Так что же, брат, рассказывай!»
– «Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: «Что за гусь?»
– «Так, подбегало-мученик,
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгнул! За ним осталася

И кличка: „Выездной“.
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездила
Четверкой по грибы…
Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел».

Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

Про холопа примерного – Якова Верного

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку за взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.
Жадный, скупой, не дружился с дворянами,
Только к сестрице езжал на чаек;

Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Поливанов жесток;
Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек – обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Походя бил каблуком.

Люди холопского звания –
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.
Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша-малолетка качать.
Так они оба до старости дожили.
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили…
Полно кутить, баловаться и петь!
Очи-то ясные,
Щеки-то красные,

Пухлые руки как сахар белы,
Да на ногах – кандалы!

Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать в хорошие дни.
Вынесет сам его Яков, уложит,
Сам на долгушке свезет до сестры,
Сам до старушки добраться поможет,
Так они жили ладком – до поры…

Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги: «Жениться хочу!»
– «Кто же невеста?» – «Невеста – Аришa».
Барин ответствует: «В гроб вколочу!»
Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги господь воротил!»
Как ни просил за племянника дядя,

Барин соперника в рекруты сбыл.
Крепко обидел холопа примерного,
Якова верного,
Барин, – холоп задурил!
Мертвую запил… Неловко без Якова,
Кто ни послужит – дурак, негодяй!
Злость-то давно накипела у всякого,
Благо есть случай: груби, вымещай!
Барин то просит, то песски ругается,
Так две недели прошли.
Вдруг его верный холоп возвращается…
Первое дело – поклон до земли.
Жаль ему, видишь ты, стало безногого:
Кто-де сумеет его соблюсти?
«Не поминай только дела жестокого;
Буду свой крест до могилы нести!»
Снова помещик лежит под халатом,
Снова у ног его Яков сидит,
Снова помещик зовет его братом.
«Что ты нахмурился, Яша?» – «Мутит!»
Много грибков нанизали на нитки,

В карты сыграли, чайку напились,
Ссыпали вишни, малину в напитки
И поразвлечься к сестре собрались.

Курит помещик, лежит беззаботно,
Ясному солнышку, зелени рад.
Яков угрюм, говорит неохотно,
Вожжи у Якова дрожмя дрожат,
Крестится. «Чур меня, сила нечистая! –
Шепчет, – рассыпься!» (мутил его враг),
Едут… Направо трущоба лесистая,
Имя ей исстари: Чертов овраг;
Яков свернул и поехал оврагом,
Барин опешил: «Куда ж ты, куда?»
Яков ни слова. Проехали шагом
Несколько верст; не дорога – беда!
Ямы, валежник; бегут по оврагу
Вешние воды, деревья шумят..
Стали лошадки – и дальше ни шагу,
Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барина бедного,

Начал коней отпрягать,
Верного Яшу, дрожащего, бледного,
Начал помещик тогда умолять.
Выслушал Яков посулы – и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!»
Яков на сосну высокую прянул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю – и ноги спустил!..

Экие страсти господни! висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!

Вытянув голову, голос напряг
Барин – напрасные крики!
В саван окутался Чертов овраг,
Ночью там росы велики,
Зги не видать! только совы снуют,
Оземь ширяясь крылами,

Слышно, как лошади листья жуют,
Тихо звеня бубенцами.
Словно чугунка подходит – горят
Чьи-то два круглые, яркие ока,
Птицы какие-то с шумом летят,
Слышно, посели они недалеко.
Ворон над Яковом каркнул один.
Чу! их слетелось до сотни!
Ухнул, грозит костылем господин!
Экие страсти господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Стонами птиц и волков отгоняя,
Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
«Грешен я, грешен! Казните меня!»
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до судного дня!

* * *

«Грехи, грехи, – послышалось
Со всех сторон. – Жаль Якова,

Да жутко и за барина, –
Какую принял казнь!»
– «Жалей!..» Еще прослышали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней.
Один сказал: кабатчики,
Другой сказал: помещики,
А третий – мужики.
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик – не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы,
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слово вымолвить,
Особенно Клим Яковлев
Куражился: «Дурак же ты!..»

– «А ты бы прежде выслушал...»
– «Дурак же ты...»
– «И все-то вы,
Я вижу, дураки! –
Вдруг вставил слово грубое
Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное – мастак
Подстерегать оказии,
Когда сбирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка. –
Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте!»
– «Ну, кто же? говори!»
– «Известно кто: разбойники!»
А Клим ему в ответ:
«Вы крепостными не были,
Была капель великая,

Да не на вашу плешь!
Набил мошну: мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой – статья особая,
Разбой тут ни при чем!»
– «Разбойник за разбойника
Вступился!» – прасол вымолвил,
А Лавин – скок к нему!
«Молись!» – и в зубы прасола.
«Прощайся с животишками!» –
И прасол в зубы Лавина.
«Ай, драка! молодцы!»
Крестьяне расступилися,
Никто не подзадоривал,
Никто не разнимал.
Удары градом сыпались:
«Убью! пиши к родителям!»
– «Убью! зови попа!»
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой вцепился в волосы
И гнул со словом «кланяйся»

Купца к своим ногам.
«Ну, баста!» – прасол вымолвил.
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким клетчатым
Отерся и сказал:
«Твоя взяла! не диво ли?
Не жнет, не пашет – шляется
По коновальской должности.
Как сил не нагулять?»
(Крестьяне засмеялися.)
– «А ты еще не хочешь ли?» –
Сказал задорно Клим.
«Ты думал, нет? Попробуем!»
Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!» –
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся,

Смиренный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселися,
Настала тишина.

2. Странники и богомольцы

Бездомного, безродного
Немало попадается
Народу на Руси,
Не жнут, не сеют – кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,

Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, – им подают.
Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За «слезки богородицы»
Паломник пряжу выманит,
А после бабы сведают,
Что дальше Тройцы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленял сердца народные;
С согласья матерей,
В селе Крутые Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красные
С ним в риге запиралися,
Оттуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако чем же кончилось?

Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Похаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!
Но видит в тех же странниках
И лицевую сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает,
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двупудовые

По телу опоясаны
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить – живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища – хлеб один.
Чуден ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, всё выслушал:
«К допросу сомустителя!»
Он тоже и ему:
«Ты враг Христов, антихристов
Посланник!» Сотский, староста
Мигали старику:
«Эй, покорись!» Не слушает!
Везли его в острог,

А он корил начальника
И, на телеге стоючи,
Усоловцам кричал:

«Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны, – будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями!..»

Усоловцы крестилися,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня, у подводчика,
С испугу вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Устой, село недальное,
Солдатики пришли.
Допросы! усмирение!
Тревога! по сопутности
Досталось и усоловцам:

Пророчество строптивого
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Ефросиньюшка,
Посадская вдова:
Как божия посланница
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее…

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,
Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?

А бабы – те радехоньки.
Зимой перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе всё словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколотом
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок,
А девка и не слышала,
Как укололась до крови;

Шитье к ногам спустилося,
Сидит – зрачки расширены,
Руками развела…
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся:
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешены
Спустившимися прядями
Волос – не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями…
Услышишь шепот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная –

И у самой хозяюшки
Веретено пузатое
Скатилося с колен.
Кот Васька насторожился –
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него
И как оно каталося,
Пока не размоталася
Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих захожих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому

Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Клочки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая –
Душа народа русского…
О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушалися
Крестьяне божьим странником,
А спорили о том,
Кто первый приютит его,
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:

«Эй! бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли;
Пред каждою иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело божие,
Котора взглянет ласковей,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею
Иконой шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу. Чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.

Негромко и неторопко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,
Усердно покрестясь.

О двух великих грешниках

Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр – атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан,

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесть господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,

Целая рать – не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К гробу господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и нощно всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд;
Только что рухнется дерево –
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище:
Дуб – три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Годы идут – подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает

Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул – и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слыхал
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,

Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилося
С инока бремя грехов!..
Господу богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

3. Старое и новое

Иона кончил, крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:

«Эй вы, тетери сонные!

Па-ром, живей, па-ром!»
– «Парома не докличишься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют,
Паром у них худой,
Пожди! Про Кудеяра-то...»
– «Паром! пар-ом! пар-ом!»
Ушел, с телегой возится,
Корова к ней привязана –
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: «Дуры! цыц!»
Теленок в ней мотается –
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажег коня саврасого
Кнутом – и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою,
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?

А спорить – видит – не о чем, –
Заметил Влас. – Ой, господи!
Велик дворянский грех!»
– «Велик, а всё не быть ему
Против греха крестьянского», –
Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел – сказал.
Клим плюнул. «Эх приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки
Всего милей… Ну, сказывай,
Что за великий грех?»

Крестьянский грех

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век аммирал-вдовец,

И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой, ты, староста! Береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»

Аммирал-вдовец на столе лежит…
Дальний родственник хоронить катит.

Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Всё повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную…

Глеб – он жаден был – соблазняется:
Завещание сожигается!

На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! С камнем в воду-то!

Всё прощает бог, а Иудин грех
Не прощается.

Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

* * *

Суровый и рассерженный,
Громовым грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшенный грех!»
– «И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох!..» – сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас.
И скоро поддававшийся
Как горю, так и радости,
«Великий грех! великий грех!» –
Тоскливо вторил Клим.

Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг.

Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая
А тут еще – жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую, –
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?
У вас товар некупленный,
Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»

Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,

Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

Голодная

Стоит мужик –
Колышется,
Идет мужик –
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет – пыхтит,
Идет – и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полосу,
Стоит, поет
Без голосу:

«Дозрей, дозрей
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Всё съем один,
Управлюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси – не дам!»

* * *

«Ой, батюшки, есть хочется!» –
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху – ест.
«Поют они без голосу,
А слушать – дрожь по волосу!» –
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом –
Нутром – свою «Голодную»
Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.

«Дерзай!» – за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
«Хошь водки?» – «Пил достаточно.
Что тут у вас случилося?
Как в воду вы опущены!..»
– «Мы?.. что ты?..» Насторожились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.

«Неволя к вам вернулася?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобраны?»
– «Луга-то?.. Шутишь брат!»
– «Так что ж переменилося?»..
Закаркали «Голодную,
Накликать голод хочется?»
– «Никак и впрямь ништо!» –
Клим как из пушки выпалил;
У многих зачесалися
Затылки, шепот слышится:
«Никак и впрямь ништо!»

«Пей вахлачки, погуливай!
Всё ладно, всё по-нашему,
Как было ждано-гадано.
Не вешай головы!»

«По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то?..»
Потолковано
Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!
«Змея родит змеенышей,
А крепь – грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепи – нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепи – нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему,
Нет крепи – Глеба нового

Не будет на Руси!»

Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Осклабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!»
– «Так, значит, и „Голодную“
Теперь навеки побоку?
Эй, други! Пой веселую!» –
Клим радостно кричал…
Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи –
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: «Дурак же ты!»
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:

«Дай бог тебе и серебра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!»
– «Не надо мне ни серебра
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!» –
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого
Григорий – и ушел.

* * *

Светает. Снаряжаются
Подводчики. «Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь!» –
Сказал Игнатий Прохоров,
Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев,
За Климом – наши странники

(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одежа новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «Бей его!»
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно –
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит – земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною,

Народ кричал им: «Бей его!»,
Пока в лесу не скрылися
И парни, и беглец.

«Что за мужчина? – старосту
Допытывали странники. –
За что его тузят?»

«Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов – бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы,
Расскажут». – «Удоволили?» –
Спросил старик вернувшихся
С погони молодцов.
«Догнали, удоволили!
Побег к Кузьмо-Демьянскому,
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит».

«Чудной народ! бьют сонного,
За что про что не знаючи...»

«Коли всем миром велено:

Бей! – стало, есть за что! –
Прикрикнул Влас на странников. –
Не ветрогоны тисковцы,
Давно ли там десятого
Пороли?.. ой, Егор!..
Ай служба – должность подлая!
Гнусь-человек! – Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано:
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать, –
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!»

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука, да прогневался
И так уж дядя Влас.

* * *

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,

Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затомилися,
Мужик их нес под мышкою:
«Продай! помрут до городу!» –
Купили ни за что).
Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается.
Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины,
Начто твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаков.
Воз с сеном приближается,
Высоко на возу
Сидит солдат Овсяников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам,

И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал,
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил – так не приходятся
Заученные натвердо
Присловья к новой музыке,
Народа не смешат!
Хитер солдат! по времени
Слова придумал новые,
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дедко! спрыгни-ка,
Да выпей с нами рюмочку,
Да в ложечки ударь!»
– «Забраться-то забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведет!» – «Небось до города

Опять за полной пенцией?
Да город-то сгорел!»
– «Сгорел? И поделом ему!
Сгорел? Так я до Питера!
Там все мои товарищи
Гуляют с полной пенцией,
Там – дело разберут!»
– «Чай, по чугунке тронешься?»
Служивый посвистал:
«Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам люба,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так черт с тобой!»

«А ты ударь-ка в ложечки, –
Сказал солдату староста, –
Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно,
Авось дела поправятся.

Орудуй живо, Клим!»
(Влас Клима недолюбливал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «Орудуй, Клим!»,
А Клим тому и рад.)

Спустили с воза дедушку,
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно
Когда сводило старого –
Черт чертом! Рот ощерится,
Глаза – что угольки!

Солдат ударил в ложечки,
Что было вплоть до берегу
Народу – всё сбегается.
Ударил – и запел:

Солдатская

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Ну-тка, с редута-то с первого номеру,
Ну-тка, с Георгием – по миру, по миру!

У богатого,
У богатины,
Чуть не подняли
На рогатину.
Весь в гвоздях забор

Ощетинился,
А хозяин, вор,
Оскотинился.

Нет у бедного
Гроша медного:
«Не взыщи солдат!»
– «И не надо, брат!»

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Только трех Матрен
Да Луку с Петром
Помяну добром.
У Луки с Петром
Табачку нюхнем,
А у трех Матрен
Провиант найдем.

У первой Матрены
Груздочки ядрены,
Матрена вторая

Несет каравая,
У третьей водицы попью из ковша:
Вода ключевая, а мера – душа!

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

* * *

Служивого задергало.
Опершись на Устиньюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирю на весу;
Проделал то же с правою,
Ругнулся: «Жизнь проклятая!» –
И вдруг на обе стал.

«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице,

Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: «Слушайте!»

(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

Клим

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: из младости
Колю на ней дрова,
Так та не столь изранена,
Как господин служивенький.
Взгляните: в чем душа!

Солдат

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

Клим

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;
Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!
По ним и пенцион».

Солдат

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить, – скорчило!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.)

Клим

Солдат опять с прошением.
Вершками раны смерили
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.
Так мерил пристав следственный
Побои на подравшихся
На рынке мужиках:

«Под правым глазом ссадина
Величиной с двугривенный,
В средине лба пробоина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев...» Приравняем ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

Солдат

Только горами не двигали
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками.
Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

Клим

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых, –
Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то

Кусаться начала!

Солдат

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит:
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» –
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Солдат слегка притопывал,
И слышалось, как стукалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал: уж двинулся
К служивому народ.
Все дали: по копеечке,
По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался…

4. Доброе время – добрые песни

В замену спичей с песнями,
В подспорье речи с дракою
Пир только к утру кончился,
Великий пир!.. Расходится
Народ. Уснув, остался
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка,
Смиренный богомол.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая –
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Эпилог. Гриша Добросклонов

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две коморочки:
Одна с дымящей печкою,

Другая в сажень – летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот – и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделося,
Ушел в поля, в луга.

У Гриши – кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо – их недокармливал
Хапуга-эконом.
Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит – ждет жадно ситника,
Который выдавался им
Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлачина,
Они в ней отъедалися.

Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городу.

Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются –
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба – у кого-нибудь
Попросит, а за соль

Дать надо деньги чистые,
А их по всей вахлачине,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо – хлебушком
Вахлак делился с Домною.
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра, чем бог послал.

Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка –
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сынка.
Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

Соленая

Никто как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди – умрет!

Дала кусок,
Дала другой –
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой», –
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» –
Кричит сынок.

Опять мукой…
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать –
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал – тужил о матушке
И обо всей вахлачине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлачине
Слилась, – и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастия
Убогого и темного
Родного уголка.

Довольно демон ярости

Летал с мечом карающим
Над русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью отживающей
Иная песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь.

Средь мира дольнего
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, –
Каким идти?

Одна просторная
Дорога – торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выспренней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бренные.
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая – тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,

На бой, на труд.

За обойденного,
За угнетенного –
По их стопам

Иди к униженным,
Иди к обиженным –
Будь первый там!

* * *

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет над русским юношей, –
Немало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути,
Немало их оплакала
(Пока звездой падучею
Проносятся они!).
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной

И рабством – и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

* * *

Светило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав…

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая, как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,

В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

«В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудный,
Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове „набор“
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!

Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином.

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе – раба,
Но мать уже вольного сына!»

* * *

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг подкошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые

Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается, –
Три дня тому сгоревшего
Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побеленная,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем,
Всё спит еще, немногие
Проснулись: два подьячие,
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкафами, стульями,
Узлами, экипажами

К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет – как лист дрожит.
Восстав со сна с молитвою,
Причесывает голову
И держит на отлет,
Как девка, косу длинную
Высокий и осанистый
Протоерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагруженные:
Вчера бурлаки с песнями
Сюда их привели.
А вот и он – измученный
Бурлак! походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,

И с губ слова срывалися
То шепотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

Бурлак

Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бичевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «Дубинушку» стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул,
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Зашиты в пояс три рубля.
Остатком – медью – шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крякнул от души,
Перекрестил на церковь грудь;

Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой – неблизкий путь,
Дай бог дойти и отдохнуть!

* * *

С бурлака мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

Русь

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,

Ты и бессильная,
Матушка Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное –
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая –
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается, –

Русь не шелохнется,
Русь – как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, –

Встали – небужены,
Вышли – непрошены,
Жита по зернышку

Горы наношены!

Рать подымается –
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!

* * *

«Удалось мне песенка! – молвил Гриша, прыгая. –
Горячо сказалася правда в ней великая!
Завтра же спою ее вахлачкам – не всё же им
Песни петь унылые... Помогай, о боже, им!
Как с игры да с беганья щеки разгораются,
Так с хорошей песенки духом поднима-

ются

Бедные, забитые...» Прочитав торжественно

Брату песню новую (брат сказал: «Божественно!»),

Гриша спать попробовал. Спалося, не спалося,

Краше прежней песенка в полусне слагалася;

Быть бы нашим странникам под родною крышею,

Если б знать могли они, что творилось с Гришею.

Слышал он в груди своей силы необъятные,

Услаждали слух его звуки благодатные,

Звуки лучезарные гимна благородного –

Пел он воплощение счастия народного!..

1876–1877

Наброски к поэме и ее неосуществленным главам*

<1>

Псарь.
Помещ<ик> бед<ный> (стул).
Молодые помещики.

Высовывай язык.
Медведь.
К начальник<у> губ<ернии>.
Подрядчик.
Баба — конь в корена.
Под мостом.
Рожь кормит всех.
Губернаторша.
Флор.
Мы тут воруем лес.

Прибавить помещику, всего больнее, что мног<ие> из нашего брата и проч.
Небо очистил как яйцо.

Купец умирает. Когда ему плохо, выдает по 3 к. на нищего, когда

поотпустит — по 1 1/2.

Пойдем-ка, братцы, к барину.
Сегодня.

Вот та<к> с н<им> и живем.

<2>

Соловьиная роща.
Разливы, деревни в воде.
Мстеры, разные промыслы по местностям.
Собачник.
Хмельники.

<3>

Как многие источники торговли отняты у русских рутинных купцов усовершенствованиями. Пароходы уб<или> коноводки и расшивы. Кто-то мне рассказывал, что какие-то ремни в крестьянс<кой> сбруе делаются за границей из нашей кожи (справиться).

Как пароход идет ночью по Волге — описать.

Мстеры — богомазы, чеканщики риз.

Как коня куют.

Какое-нибудь страшное злодейство, какое иногда делают мужики почти необдуманно, без плана и тотчас попадаются. «Да как же вы прежде не подумали, что попадетесь, что скрыть нельзя будет» — «Да так, Игнаха сказал: „Пойдем, ограбим кабак у Шестерина“. Можно. Всего их двое — он да жена. [Ну по] Поехали к Гордею. Сказали ему. „Я лошадь запрягу, говорит, вы добро-то и вынесете“». — «Да что ж вы думали делать: ну ведь цаловальник и его жена люди живые, не дадут тоже вам своего добра так». — «Вестимо не дадут». — «Что ж вы убить, что ли, их решились?» — «Коли убить — об этом и речи не было». — «Так как же…» — «Да как бог… как, тоись, оно там, а убивать не думали, да знай я, что кровь прольется, да я первый…» — «Да неужели же из вас никто не думал, что есть закон и проч.» — «Да как пискнула она-то да сказала: злодеи, кнута захотели — ну, тут словно осветило, а до той поры не думали».

<4>

Умрет жена у пахаря –
Другую заведет,
Умрет и та – он женится

На третьей… не беда!
Умрет ребенок – лишняя
Кроха живым останется;
Коровушка падет –
Всё не беда, а полбеды.
Беда непоправимая,
Когда валиться лошади
У пахарей начнут.

Зарыв свою коровушку,
«Не плачь, жена! поправимся, –
Мелентий говорит. –
Бог милостив! С саврасушкой
Побольше поработаем,
Убыток наведем!»[1]
Чтоб вдоволь наработаться,
Чем свет идет за лошадью,
Пришел – и оробел:
Саврас его, как вкопанный,
Стоит, понуря голову,
И дышит тяжело.

---

[1] Примечания: 1
Бог милостив! ~ убыток наведем! — вписано на полях.

Пощупал горло… Господи!
Точь-в-точь как у буренушки,
Всю шею разнесло!..
Повел домой саврасушку;
Как пьяный,[2] *сам шатается,*
а. И лошадь [ноги хворые[3]
Переставляет медленно]
б. И лошадь, словно пьяная, –
Шагает вяло, медленно…
У клети привязав
Коня, Мелентий вымолвил
Глухим негромким голосом:
«Что делать нам теперь?»
Пришла жена с ребятами,
Пришел столетний дедушка,
Взглянули на саврасушку –
И зарыдали все… (л. 27)
Я тут как тут, по должности
Врача ветеринарного,

---

[2] Примечания: 2
[Идет — и]

[3] Примечания: 3
[белые]

Наехал… Вся семья[4]
Взмолилась[5] *в ноги бросилась:*
«Не сам ли бог послал тебя?
Спаси!..» Достал я снадобья
И влил коню в нутро;
Другое дал я снадобье,
Чтоб растирали опухоль, –
Конь поспокойней стал,
а. [Вздохнули и хозяева
Спокойней… да надолго ли?]
б. [Спокойней и хозяева
Вздохнули… да надолго ли]
Да ненадолго. Случаев
Выздоровленья не было
В разгар эпизоотии,
Савраска захрипел
а. [И вдруг на землю бросился]
[Вытягивался] корчился
б. Упал… он долго корчился,

---

[4] Примечания: 4
[Всей гурьбой]

[5] Примечания: 5
[Семья мне]

От боли землю грыз;[6]
Потом заржал пронзительно
И вытянулся… «Кончился»,
Крестьянин[7] *прошептал…*
[Позвольте не описывать
Дальнейшего…]
На всю семью несчастную
а. [Сперва] нашел столбняк
[Но лучше не описывать
Дальнейшего. С хозяина
До мальчика двухлетнего
Сердца у всех рвались]
б. Нашел столбняк: какое-то
Поистине ужасное
Молчание; потом
Всеобщее рыдание
Жены, сестры хозяина,
Слепой столетней бабушки,
До мальчика трехлетнего,

---

[6] Примечания: 6
[От боли грыз ее]

[7] Примечания: 7
[Хозяин]

Которого саврасушка
Еще вчерашним вечером
Деревней прокатил!..
Потом возглас хозяина
а. К соседям, [что собралися
У трупа поглядеть:
«Эй, пособите, братики!» (л. 27 об.)
б. К соседям, праздным зрителям:
«Эй! братцы! помоги»
а. [Зарыть <я должен> за версту[8]
В лесу савраску бедного
И <должен> яму выкопать
На сажень глубины, –
Начальством так приказано:
На чем я повезу?
И как я]
б. [Приказано копать
Могилы дальше – за версту,
В лесу – и яму выкопать
На сажень глубины],

---

[8] Примечания: 8
[Велит начальство за версту]

в. Свезти савраску за версту

И в сажень яму выкопать, –
Начальство так велит.
Мне не на чем свезти его,
Нет мочи яму выкопать,
Ослаб я… помоги!
Отказ: «Помочь мы рады бы,
Да заразиться боязно,
У нас своя скотинушка…».
«И ладно! Эй, жена!
Сестра! Ну, принимайтеся,
У нас уж падать некому».

И впрямь! Савраску бедного,
Вооружась лопатою,

Семья поволокла… (л. 28)

<5>

Подготовка для сибир<ской> язвы — голод, тогда и на людях; в В. уезде до 400 чел. Ниловцы — и в Белозерск бурлаки приходят на заработки; работы нет, <нрзб> теперь, застой судов. Ждут, мрут массами, подождав, отпр<авляются> с ти-

фом в Арх<ангельскую> губ<ернию> обратно. Идут больных целые партии изнур<ительно?> далеко <нрзб>, верст 400.

Весной тиф от недост<атка> пищи, лихорадки при разлитии вод.

Без лекарства, для принятия мер против распр<остранения> отделение больных. <Нрзб>. Зарывание трупов.

На барках 3–4 креста — покойники, везут до 1-го погоста.

(Вельяшева, ее муж, от них сведения о голоде.)

От укушения насекомых.

15 лошадей тянут барку.

<6>

Крестьяне[9] *крик услышали,*
Выходят на поляночку.
Какой-то человек[10]
На бугорке

---

[9] Примечания: 9
[Мы]

[10] Примечания: 10
[Какой-то барин толстенькой]

Один как перст стоит,
Стоит кричит да сам себя
То по лбу, то…
Да как припрыгнет вдруг,
Как заюлит: как будто бы
Ему кто на мозоль наступил.
Крестьяне подошли.
Военной, что ли? шапочка
С каким-то знаком красненьким
И эполеты белые,
Сертук[11] *с зеленой прошвою…*
«Чего тут орешь?»
– Жду кучера, послал его
Поглядеть, далеко ли
Дорога на Шексну? –
И в лоб ладонью хвать себя…
«Что, комары проклятые?
Они у вас сердитые.
Мы тоже заблудилися,
Почт<енный?>, мы нездешние.

---

[11] Примечания: 11
Начато: [Зел]

А ты не бей, рассердятся –
До смерти заедят».

<7>

Достойно замечания:
Ни одному из стр<анников>
Не приходило в голову
Из места зачум<ленного>
Убраться поскорей.

<8>

На правом берегу поют:

Жена к реке,
А муж за ней.
«Куда идешь?»
– Портки стирать. –
«А где ж они?
Утопишься –
А детки-то?»

На левом берегу поют;

В руке топор,
В другой возжа.

«Куда идешь?»
– Тебе на что? –
Жена глядит –
И в ноженьки:
«Голубчик муж,
Не вешайся».

Эта песня из новой главы «Кому на Руси жить хорошо», которую я собираюсь писать. Действующие лица — семь мужиков, сторож, ветеринарный врач, на пикете офицер путей сообщения, посланный своим начальством для дознания о сибирской язве, и, наконец, исправник. После сцены сибирской язвы, под утро, среди этой обстановки — вопрос крестьян к исправнику, рассказ его, которым я поканчиваю с тем мужиком, который утверждал, что счастлив чиновник.

<9>

И точно видишь: грехам на тебе и счету нет… да только не в том они — не в тощей курице и пр. Пальцем в небо попала литература. А подымай выше! Грехи на тебе самые черные. Прежде думал: исполняю долг, закон — и спал спокойно. А тут не стало спаться. Пуще всего подати, подати

да мужицкие ваши преступления. Как позовет тебя губернатор да даст приказ во что бы ни стало к такому-то… очистить… Ну и едешь во всё свое царство, в уезд, словно в воду опущенный, — знаешь, что везешь туда горе, слезы; и столько-то этих слез и горя! Самому на себя странно; думаешь: ну что я нос-то опустил в самом деле? Ведь не на разбой еду? — долг исполнять. А тут тебе совесть или какой-нибудь г. Щедрин на память придет, долг долгу рознь… Зверем-то не всякий родится, даже редко, чтоб чувствовал удовольствие, как зубы валятся изо рта мужика, борода редеет, да чтоб кричал, бранился, всё это комедия; совсем невесело залезать в бабий сундук, где у нее праздничное платье да холст на саван, отрубать горенку, вести на продажу коровенку и видеть, как ребята за нее цепляются, как за кормилицу… ну да сами знаете… ну так вот тут устой. Дери бороды, бей в зубы! А преступления? То и знай «не виновата»,[12] а ты его под кнут, а ты его в Сибирь.[13] А то взятки. Яичница! Сивуха! Сколько ни надери коры в лесу, кроме лаптей

---

[12] Примечания: 12

Рядом на полях помета: Примеры.

[13] Примечания: 13

Далее: [Однако тут удавалось и покрывать. Ну вот за такие-то покрытия. А то взятки. Господь простит эту тощую курицу.]

ничего не поделаешь из нее.[14] А и тут случалось покрывать, и вот за какую-нибудь бедную девку, что спас от плетей (родила, хотела подкинуть, утопила), вот та моя-то курица простится, думаешь… Я вор! Не знаете, где воры-то. Вы воры, что ли? Ну а я чем хуже вас? Каков поп, так<ов> приход. По Сеньке шапка.

<10>

Прибытие в Петербург искать доступа

К вельможному боярину,
Министру государеву.

Встреча с царской охотой и пребывание в облаве:

Глядели, любовалися
И с умиленьем думали:
«Дойдем и до тебя!»

Катастрофа на железной дороге, которой свидетелями были странники, или голова на рельсах.

Как мужики распорядились с шпионами из

---

[14] Примечания: 14

Вместо: кроме лаптей ~ из нее — было: ничего не поделаешь из коры, кроме лаптей.

своих.

<11>

Дровишки раскатилися,
Его подшибло поводом,
Он в дровни и упал.

<12>

Такое впечатление на них сделал помещик, что они после часто вспоминали, идут ли мимо разрушенной усадьбы и пр.

Смеялись над Романом.

Ай барин, подрезал ты Роман<ушку>
Под самый корешок.

<13>

Чтобы <кринки?> парить
«На что парить, матушка, надо приучить».

<14>

Сквозь строй[15]
Следить за направлением
Умов
В народный дух вникать
Известно настроение
– Умов мужицких к выпивке
А дух – овчинный дух
Так <нрзб> тогда задал
Губ<ернскому> пр<авлению>
Головоломку
Да ты своим ли голосом

Поешь?

Влас

Еда

---

[15] Примечания: 15
Вписано на полях.

Комментарии

1

Работу над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов начал в середине 1860-х годов и продолжал до своих последних дней, так и не успев ее завершить. Поэт называл свое творение «эпопеей современной крестьянской жизни» *(Безобразов П.* Воспоминания о Н. А. Некрасове. — Правда, Женева, 1882, № 16). «Эпопейное» состояние мира, когда народ пришел в движение, возникло в русской жизни в 1860-е гг. «…падение крепостного права, — писал В. И. Ленин, — встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу» *(Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 141). С переходом народных масс к активной исторической деятельности, с большими сдвигами, происходившими в народном сознании, связано появление поэм Некрасова «Коробейники», «Мороз, Красный нос» и возникновение замысла «Кому на Руси жить хорошо». Подъем массового освободительного движения возбуждал мысль о возможных путях к народному счастью. В за-

думанном художественном произведении Н. А. Некрасов предполагал отобразить жизнь народа во всей ее полноте и целостности — и все в живом действии, в лицах, образах и картинах. Задача поистине громадная, требовавшая «…большой сосредоточенности в силе гения, который видит в ней подвиг целой жизни своей» (Белинский,[16] т. V, с. 40). Таким подвигом и была работа Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

Законы жанра эпической поэмы предъявляли особые требования к ее композиции и сюжету. Поэт избрал традиционную для эпопеи форму путешествия. Сюжетную структуру «Кому на Руси жить хорошо» часто соотносят с народным эпосом (сказка о правде и кривде, былина о птицах). Однако вряд ли правомерно связывать композицию и сюжет «Кому на Руси жить хорошо» с композицией и сюжетом какого-либо отдельного произведения, будь то народный эпос или создания известных авторов. Структура поэмы Некрасова вырабатывалась в результате творческого освоения русской и мировой литературы как в фольклорных, так и в книжных ее образцах.

---

[16] Примечания: 16
Список условных сокращений приведен в т. 1–4 наст. изд.

Важность предмета спора, непреклонность в достижении цели придают действиям мужиков высокий характер, несмотря на авторскую иронию в обрисовке внешней стороны этого спора. Перед значительностью их цели исчезает все мелкое, частное, единичное Сознание русского крестьянина пореформенной поры охарактеризовано со всей глубиной поэтом, герои которого не просто ищут счастливого на Руси, но в конечном итоге пытаются найти путьк народному счастью.

В поэме подчеркнуто эпическое единство семи странников.[17]За исключением Луки («Лука — мужик присадистый С широкой бородищею, Упрям, речист и глуп...»), им не дано портретных характеристик, ничего не сообщается об особенностях их внутреннего мира, и это не случайно. В их споре не проявляется индивидуальность, характер, в нем выражены основы народного

[17] Примечания: 17

Для Некрасова вообще характерно стремление к эпическому единству всех персонажей поэмы. Об этом говорит, в частности, многократно повторенное в авторской речи слово «народ»: «видимо-невидимо народу», «народ собрался, слушает», «народ идет и падает», «рассчитывал народ». Еще чаще встречается близкое к нему по значению и в ряде случаев являющееся его синонимом слово «крестьяне»: «крестьяне речь ту слушали», «жаль бедного крестьянина», «весна нужна крестьянину», «на мерочку господскую крестьянина не мерь», «у каждого крестьянина душа что туча черная» и т. д. Нередко с тем же обобщающим значением употребляются слова «мужик», «мужики».

самосознания.

Эпическое единство сказывается и в почти дословно повторяющемся обращении крестьян к попу, помещику, к Матрене Тимофеевне Корчагиной, старосте Власу и другим лицам. За самыми редкими исключениями, индивидуальный субъект речи в этих обращениях не выявлен. После обобщенной формулы «сказали мужики» дается «коллективный» монолог на десятки стихов. В данном случае форма индивидуально нерасчлененной речи оказывается уместной и законной. Читатель настолько проникается представлением об единстве семи странников, что воспринимает их «коллективную речь» как нечто естественное и само собой разумеющееся. Возведенная в обращениях-вопросах героев в норму, она и воспринимается как норма читателем, подготовленным к такому пониманию устной народной поэзией. И сами фантастические элементы «Пролога»: семь филинов на семи деревах, молящийся черту ворон, наделенная волшебной силой птичка-пеночка, наконец, скатерть самобраная — могли бы восприниматься в реалистической поэме как наивный вымысел, как что-то контрастирующее с величием и значительностью предмета спора, если бы не несли

в себе символику знакомого читателю народного эпоса. Скатерть самобравая — поэтический символ довольства и счастья, выражающий ту извечную народную думу, которая в данном случае «из домов повыжила, отбила от еды» героев Некрасова.

Фантастический элемент, так смело и свободно включенный в «Пролог», ни в малой мере не уводит читателя от реального мира. Фантастика в «Прологе» совмещена с реальностью, она сильно ослаблена авторской иронией, подключающей мир фантастических образов к образам реально-бытовым, даже «низким» в своей будничной обиходности: «Чтоб армяки мужицкие Носились, не сносилися; Чтоб липовые лапотки Служили, не разбилися…». Ответ пеночки на эти наиреальнеишие требования мужиков еще более оттеняет предметную основу повествования: «Всё скатерть самобраная Чинить, стирать, просушивать Вам будет…».

В главах первой части поэмы народная жизнь представлена более конкретных формах, чем в «Прологе». Появляются выразительные картины ярмарки в селе Кузьминском, колоритные едены сельского быта, пейзажные зарисовки и т. д. Из многочисленной крестьянской толпы выделяют-

ся резко очерченные фигуры крестьян: Вавилы, Якима Нагого (глава «Пьяная ночь»), целой вереницы «счастливых» (глава «Счастливые»), наконец, воссоздается сложный характер Ермила Гирина. Все эти лица тесно связаны с народной средой и выражают коренные, «субстанциальные» стороны народного характера. В первой части контрастно показаны и противостоящие народу силы (помещики, чиновники, купцы). События развертываются в широких пространственных границах — на большой столбовой дороге, на ярмарке в храмовой праздник, на базарной площади, где собираются толпы народа, где сталкиваются различные интересы, проявляются различные характеры, где народная жизнь предстает в своей многоликости.

Поэт открывает новые способы расположения сцен и эпизодов, совершенствует искусство группировки сменяющих друг друга лиц, искусно чередует описание и повествование, вводит отдельные реплики «из толпы». Между этими отдельными репликами, как бы неожиданно прерывающими неторопливое эпическое повествование, прямо и непосредственно не связанными с ходом событий, короткими диалогами, высказываниями, поэт не устанавливает

внешней логической связи. Создается ощущение, что сама по себе, беа участия автора, перед нами проходит напряженная, энергическая жизнь праздничной толпы, слышатся ее голоса. Из внешне отрывочного повествования постепенно создается целостность эпического рода, в которой рельефно вырисовываются существенные особенности народного быта. Достигается это за счет того, что не всегда резко контрастируют свет и тени, подчас эти контрасты смягчены и не столь очевидны, соблюдается определенная мера, позволяющая выделить в сложном движении и группировке событий, сцен и эпизодов такие события и лица, в которых открываются коренные черты народной жизни, выделяются ее главные тенденции.

В «Последыше (Из второй части „Кому на Руси жить хорошо“)» объект изображения во внешних границах суживается, В центре оказываются пореформенная жизнь крестьян села Большие Вахлаки и их взаимоотношения с помещиком, князем Утятиным. Наивное доверие крестьян к сыновьям помещика, неспособность осознать последствия своих решений и поступков обусловили нелепую ситуацию — согласие продлить крепостнические отношения до смерти старого

князя. Это решение стало губительным для отдельных лиц (Агап Петров), грубо обманутым оказался и весь крестьянский мир. Согласие на добровольное рабство, пусть Даже условное и кратковременное, раскрыто как серьезное препятствие на пути к осознанию истинных народных интересов.

В «Прологе» семь мужиков, заспорив о том, кому живется весело, вольготно на Руси, отправились отыскивать счастливого В «Последыше» на смену прежней формуле опроса приходит другая. Теперь странники формулируют цель своих странствий иначе: «Мы ищем, дядя Влас, Непоротой губернии, Непотрошенной волости, Избыткова села!..». Доминантой дальнейшего развития сюжета становятся поиски путей к народному счастью. В последующих главах семь странников уже не обращаются со своим вопросом к лицам из господствующих сословий, а временами лишь посмеиваются над своими первоначальними предположениями.

В «Крестьянке» (Из третьей части «Кому на Руси жить хорошо») общее движение совершается в том же направлении. Внешние рамки эпического материала в сравнении с первой частью суживаются. В центре повествования оказывается

крестьянская семья, взятая в широких связях и опосредствованиях. Но углубляется художественное постижение конкретного народного бытия, духовного мира героев, устоев народной нравственности, моральных принципов, красоты и богатства народной души.

Композиционная структура первых трех частей (часть первая, «Последыш», «Крестьянка»), взятых в совокупности, соответствует общей задаче поэмы-эпопеи — показать целостность народной жизни, или, говоря словами Белинского, передать «дух народа и эпохи», изобразив основы самосознания и одновременно домашнюю жизнь, привычки, поверья, предрассудки, силу и слабость, словом — всю сложность внешней и внутренней жизни, многообразие черт народного характера.

Жизнь помещика как представителя определенного сословия освещена многоаспектно, с различных точек зрения: в его собственном восприятии и в восприятии крестьян — жителей деревни Большие Вахлаки и Савелия, богатыря святорусского. Из этого пересечения точек зрения возникает колоритный обобщенный образ, объективно представляющий собой антинародный мир.

Исповедь неизбежно тяготеет к субъективности, но автор эпического произведения стремится придать личному характер всеобщности. Лирическому, личностному рассказу Матрены Тимофеевны о судьбах детей и собственной многотрудной судьбе придают начало всеобщности органично включенные в ее взволнованную исповедь народные песни, несущие в себе это начало. Недаром песни ее подхватывают семь странников. Личная судьба Матрены Тимофеевны воспринимается ими и читателями как типическая судьба русской женщины-крестьянки. Эпический тон и характер всеобщности ее исповеди придают и широко используемые в ней формы плача-причети, и элементы былинной и других форм устной народной поэзии. Избрать простую русскую женщину героиней эпической поэмы, и при этом от первого лица повести рассказ, в котором ее судьба осмыслена как судьба русской крестьянки вообще, было большой художественной смелостью поэта. В лице Матрены Тимофеевны Некрасов создал подлинно героический, возвышенный образ русской женщины, показал ее великое право на иную жизнь. на подлинную свободу — условие ее счастья.

В главе «Пир на весь мир» действие выносится

на окраину села, на берег Волги с ее бескрайними просторами. В возникший под старой ивою народный диспут вовлекается множество людей. Семь странников уже никого не «доведывают». Они сливаются с народной толпой, внимательно ко всему прислушиваются, присматриваются («Им дело до всего»). Их мысль о всеобщем народном счастье становится общей мыслью участников спора — «Кто на Руси всех грешней, кто всех святей». Повторяется, ситуация «Пролога». Но теперь в споре участвуют не только семь странников, но широкая народная толпа. Снова дело доходит до острого столкновения мнений, до прямых стычек и потасовок. Крайняя возбужденность толпы, страстность восприятия ею прослушанных легенд и песен свидетельствуют о напряженных поисках деревенской Русью путей к новой жизни. Раздумья семи странников о судьбах народа оказываются общенародными. Они совпадают с мыслью Григория Добросклонова, видящего цель своей жизни в том, чтоб «каждому крестьянину Жилось вольготно-весело На всей святой Руси!».

2

Эпическая по жанру поэма Некрасова корнями своими глубоко уходит в русскую пореформен-

ную действительность и отражает важнейшие социальные процессы, характерные для этой эпохи. В современном литературоведении «Кому на Руси…» рассматривается в тесной связи с бунтарскими настроениями крестьян, с народными политическими толками и слухами.

Решительные перемены в поведении и психологии вчерашних крепостных Некрасов, проводивший каждое лето в ярославско-костромских местах (ярославско-костромские «приметы» постоянно ощущаются в поэме), мог наблюдать сам (см. об этом в кн.: *Архипов В.* Поэзия труда и борьбы. Ярославль, 1961, с. 271–281), видя при этом в местных событиях отражение явлений общенационального масштаба.

В пореформенные годы на смену темному и забитому крепостному пришел созданный временем новый тип крестьянина — азартного спорщика, крикуна, «бойкого говоруна» (см. об этом: *Базанов В. Г.* Поэма «Кому на Руси жить хорошо» и крестьянское политическое красноречие. — РЛ, 1959, № 3). Особенно в этом отношении выделялись те, кто побывал в отхожих промыслах, в городах. Умудренные жизненным опытом, обладавшие более четким социальным мышлением, эти крестьяне, бродя из деревни в деревню,

выступали в качестве распространителей толков и слухов. Они ораторствовали на сходках, собирали вокруг себя толпу на ярмарке, обостряли спор, возникший в кабаке. В годы проведения реформы проезжая дорога, ярмарка, кабак сделались, по меткому выражению В. Г. Базанова, своеобразным дискуссионным клубом для временнообязанных мужиков.

Завязка некрасовской эпопеи — спор семи временнообязанных «на столбовой дороженьке» — отражала типичнейшую ситуацию пореформенных лет и таила в себе неисчерпаемые возможности Для изображения самых существенных сторон общественной жизни эпохи. Вопросом, взволновавшим мужиков, заставившим их затеять горячий спор и странствие по Руси, стал вопрос о том, «кому живется весело, вольготно на Руси». Так определив предмет спора, Некрасов дает понять читателю, что перед ним — не бытовая повесть в стихах, а своеобразная «философия народной жизни».

В азартном «диспуте» высказано шесть различных мнений. Встречи мужиков с попом, помещиком, чиновником, «купчиной толстопузым», министром, царем и должны были составить сюжетную канву эпопеи. Уже самые

ранние наброски к ней говорят о том, что канву эту автор хотел расшить и расцветить самыми разнообразными картинами народного быта, народной жизни.

Благодаря удачно найденному сюжетно-композиционному приему, вся жизнь современной Некрасову России, изображенная в столкновении контрастных взглядов, понятий и идеалов различных общественных групп, предстает в видении, восприятии ее народными героями. По остроумному выражению П. Н. Сакулина, «мужички производят генеральный смотр России» *(Сакулин П. Н.* Н. А. Некрасов. М., 1922, с. 58) и всему дают свою оценку. Представители всех сословий, по воле автора, держат перед странниками, олицетворяющими «мнение народное», ответ, исповедуются, раскрывают свою душу, свои идеалы, свои представления о счастье, в результате чего повествование получает ту или иную, сатирическую или драматическую, окраску.

Стержневым вопросом, помогающим автору стянуть эпически широкое повествование в «один крепкий узел» (слова П. Н. Сакулина — там же, с. 57), стал вопрос о счастье. В понятии «счастье» органически слито социальное и нравственное, политическое и этическое содер-

жание. Для Некрасова это прежде всего вопрос об отнятом народном счастье и путях к нему, о социально-нравственных основах жизни народа и господствующей верхушки и в то же время — о понимании счастья человеком, о том, во имя чего он должен жить. И поэму он строит так, что проблема счастья в процессе развертывания сюжета раскрывается то со стороны социального, то со стороны нравственного ее содержания.

Исследователи «Кому на Руси...» не раз отмечали, что именно рост народного сознания является идейно-художественной доминантой некрасовской эпопеи. Этот процесс раскрывается автором в двух аспектах. Первый — появление в поэме героев из народной среды с относительно высоким уровнем социального сознания (Яким Нагой, Ермил Гирин) и введение автором во многие массовые сцены (главы «Сельская ярмонка», «Пьяная ночь») реплик, свидетельствующих о пробуждении этого сознания в широких слоях крестьянства. Второй аспект — эволюция образа странников-правдоискателей. По мере странствий в поисках ответа на волнующий их вопрос меняются их представления, глубже и острее становится их реакция на происходящее. В момент спора «на столбовой дороженьке» представления

мужиков о счастье элементарны, не идут дальше понятия о материальном достатке. Но в главе «Поп», рисуя встречу странников с сельским священником, Некрасов придает вопросу о сущности и основах человеческого счастья совершенно неожиданный для странников поворот. Своим рассказом поп наталкивает на мысль о невозможности «единичного» счастья в обстановке всенародного горя, на мысль, что одного «пирога с начинкою» для истинно человеческого счастья мало. И странники начинают понимать это. Не проходит бесследно для правдоискателей и посещение ярмарки, где они слушают речь Якима Нагого и узнают о судьбе Ермила Гирина. Все это подготавливает мужиков к встрече с помещиком Оболтом-Оболдуевым, в рассказе которого, резком контрасте с высокими нравственными идеалами народа (тема Ермила Гирина), предстает жизнь одного из тех, кто превратил русские деревни в Разутово и Неелово. И теперь, слушая исповедь Оболта-Оболдуева, мужики не испытывают ничего, кроме презрения к бездуховному и основанному на бессовестной эксплуатации крестьянского труда идеалу помещичьего счастья. Этот процесс пробуждения народной мысли, роста народной активности последовательно

раскрывается автором эпопеи и в последующих ее частях, вплоть до «Пира на весь мир».

3

Стиль «Кому на Руси жить хорошо» имеет глубокие народные истоки и представляет собой сплав литературного языка, элементов фольклора и разговорной речи русского крестьянства. Народное поэтическое творчество и живая народная речь были для Некрасова средством проникновения в образ мыслей и в чувства героев эпопеи, средством художественного воссоздания типических сторон народной жизни.

В поэтическую ткань поэмы вплетено, чаще в художественно трансформированном виде, более семидесяти народных пословиц в тридцати загадок, тексты, мотивы и фрагменты народных песен, свадебных и похоронных причитаний; в ней слышатся отзвуки былин и народных легенд, завязка сюжета непосредственно связана с использованием сказочных мотивов. Рисуя народный быт, раскрывая основы крестьянского миросозерцания, Некрасов часто упоминает и о бытовавших в народе обычаях, приметах и поверьях, иногда даже указывая на это читателю в подстрочных примечаниях к тексту (о работе

Некрасова над фольклором см.: *Беседина Т. А.* Народные пословицы и загадки в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Учен. зап. Вологодск. гос. пед. ин-та, 1953, т. 12; *Чуковский К.* Мастерство Некрасова. М., 1959, глава «Работа над фольклором»; свод сопоставлений текста «Кому на Руси жить хорошо» с его народно-поэтическими источниками см. в кв.: Истоки великой поэмы. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Ярославль, 1962, с. 61–115 (в дальнейшем — Истоки)).

Связь поэмы «Кому на Руси жить хорошо» с фольклором не исчерпывается использованием в ней отдельных фольклорных жанров. В основе всей образно-эмоциональной системы некрасовского произведения лежат законы народной поэтики. Это проявляется и характере изобразительных средств, особенно сравнений (см.: *Беседина Т. А.* Прием художественного сравнения в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Некр. сб., III, с. 113–140), и в ритмической организации стиха.

Опираясь на меткую образную народную речь не только в ее устно-поэтической, но и в живой, разговорно-бытовой форме, Некрасов широко вводит в поэму просторечную лексику, чисто

народные речевые обороты, фразеологизмы, что придает произведению неповторимый национально-самобытный колорит. Но еще большую роль в создании этого колорита играет умелое использование Некрасовым в ритмо-мелодических целях некоторых морфологических и фонетических особенностей северно-русских говоров, в частности пристрастия к употреблению уменьшительно-ласкательных суффиксальных форм, придающих речи, за счет дактилизации окончаний слов, напевность и мягкость (см. об этом названную выше работу К. И. Чуковского).

Глубокое знание народной поэзии Некрасов приобрел, общаясь в течение многих лет с крестьянами Ярославской, Костромской и Владимирской губерний. В то же время он с неослабевающим интересом читал и перечитывал, изучал выходившие при его жизни фольклорные сборники Афанасьева, Даля, Рыбникова, Барсова и другие. Рукописи Некрасова пестрят выписками-заготовками из этих сборников. Ниже, в реальном комментарии, при указании фольклорного источника того или иного стиха или фрагмента текста «Кому на Руси жить хорошо» ссылки на сборники Барсова (Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, т. I. М., 1872) и Рыбникова (Песни,

собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I. М., 1861; ч. И. М., 1862; ч. III. Петрозаводск, 1864; ч. IV. СПб., 1867) будут свидетельствовать о прямом использовании Некрасовым материала этих сборников, отсылки же к сборникам Афанасьева *(Афанасьев А.* Народные русские сказки. М., 1855), Даля *(Даль В. И,* Пословицы русского народа. М., 1862), Шейна (Русские народные песни, собранные П. В. Шейном, т. I. М., 1870), Садовникова *(Садовников Д. Н.* Загадки русского народа. СПб., 1901) и др. — лишь подтверждают факт существования сходного фольклорного текста, известного Некрасову либо по печатным источникам, например по сборнику Даля или журнальным публикациям, либо из непосредственного общения с народом.

4

При подготовке данного тома перед редакцией встал вопрос о выборе источника текста поэмы «Кому на Руси жить хорошо». «Пролог», первая часть, «Последыш», «Крестьянка» печатаются по Ст 1873–1874, последнему прижизненному авторизованному изданию произведений Некрасова, с внесением в текст некоторой правки, сделанной на основе изучения рукописных источников (все исправления оговорены в комментарии к

главам). Сложнее оказалось решение вопроса о выборе источника текста «Пира на весь мир».

Глава «Пир на весь мир» (цензурную историю ее см. в комментарии к главе, с. 671–674), подготовленная Некрасовым к печати и уже вошедшая в ноябрьский номер «Отечественных записок» за 1876 г. (в дальнейшем — Оттиск 76; хранится в ИРЛИ б, отдел автографов; дата: «Сентябрь-октябрь 1876 г.», место завершения работы: «Ялта», подпись: «Н. Некрасов»), была вырезана из журнала, почти все оттиски уничтожены, до нас дошли лишь единичные их экземпляры. Но, желая все-таки увидеть главу напечатанной, Некрасов продолжал, видимо, до марта 1877 г. работу над рукописью. К сожалению, до нас не дошли автографы с правкой, сделанной Некрасовым после того, как «Пир...» был вырезан из ноябрьской книжки «Отечественных записок»,[18] и мы располагаем лишь косвенными свидетельствами: показаниями современников и текстом, опубликованным М. Е. Салтыковым-Щедриным во втором номере «Отечественных записок» за 1881 г. (в дальнейшем — ОЗ 81). Но и на основании этих данных можно сделать вывод что даль-

[18] Примечания: 18

Исключение составляет гранки «Эпизода из поэмы „Кому на Руси жить хорошо“» объемом в 300 строк (см. об этом ниже, с. 672–673).

нейшая работа Некрасова над «Пиром...» шла в двух направлениях. Первое направление — «порча» текста, приспособление его к требованиям цензуры, «жертвы» (выражение самого поэта), принесенные цензуре, на которые Некрасов, по свидетельству А. А. Буткевич, шел «со скрежетом зубов». Второе — творческая доработка текста, редактирование некоторых его фрагментов. Эта новая редакция текста, по всей вероятности, и легла в основу издания ОЗ 81.

Оттиск 76 — последний печатный авторизованный текст главы — не свободен от автоцензурных искажений, но они легко могут быть устранены с помощью сохранившейся его наборной рукописи. С другой стороны, ОЗ 81 имеет то неоспоримое достоинство, что текст несет на себе следы последующей дополнительной работы Некрасова. Но «Пир...» вышел в ОЗ 81 в очень искаженном я урезанном виде. Восстанавливать цензурные купюры по другим источникам (Оттиск 76, наборная рукопись 1876 г.), как это делалось в ПСС, т. е. становиться на путь контаминации, редакция не считает возможным. Кроме того, текст ОЗ 81 мы не можем рассматривать как авторизованный, так как из-за отсутствия автографа нельзя отделить в нем некрасовской правки от правки,

осуществлявшейся другими лицами (см. об этом ниже, с. 670–671).

Поскольку речь идет о незавершенном произведении мы не располагаем текстом, выражающим последнюю авторскую волю, редакция пришла к выводу: печатать «Пир…» по Оттиску 76 как единственному источнику, авторизованность которого может быть документально подтверждена. Варианты ОЗ 81 воспроизводятся в разделе «Другие редакции и варианты» (см. с. 590–591).

* * *

Одной из сложных текстологических проблем, возникающих при издании поэмы «Кому на Руси жить хорошо», является проблема расположения ее глав, вызвавшая в некрасоведении дискуссию, затянувшуюся на шесть десятков лет. «Кому на Руси жить хорошо» — произведение незаконченное, все написанные главы которого автору при жизни напечатанными увидеть не удалось, и потому текстологи не могут в полной мере руководствоваться понятием «авторская воля».

Некрасов писал и публиковал поэму со значительными временными интервалами; авторские обозначения глав в рукописях в процессе работы менялись. Но в 1873–1874 гг., включив

написанные главы поэмы в собрание своих стихотворений (которое оказалось последним прижизненным, а потому каноническим для дальнейших изданий), Некрасов дал им следующие обозначения: «„Кому на Руси жить хорошо“. Пролог. Часть первая»; «Последыш (Из второй части „Кому на Руси жить хорошо“)»; «Крестьянка (Из третьей части „Кому на Руси жить хорошо“)». Обозначения свидетельствуют о том, что первую часть автор считал завершенной, а по отношению к «Последышу» и «Крестьянке» предлогом «из» указывал на возможность в будущем каких-то дополнений, на то, что работа над поэмой продолжается.

В 1876 г. тяжело больной Некрасов возвращается к работе над «Кому на Руси жить хорошо» и пишет главу «Пир на весь мир», соединив ее местом и временем действия, а также общностью персонажей с главой «Последыш». На наборной рукописи «Пира…» Некрасовым сделано подстрочное примечание к заглавию: «Из второй части „Кому на Руси жить хорошо“. Настоящая глава следует за главою „Последыш“, помещенною в „Отечественных записках“ 1873 г., № 2 и в отдельном VI-м издании „Стихотворений“ Некрасова: часть 6, стр. 9-70». Но о том, какое

место после этой композиционной перестройки должна занять в поэме глава «Крестьянка», поэт никаких указаний не оставил. Может смутить тот факт, что в шестом издании «Стихотворений» Некрасова после названных автором страниц 9-70, со страницы 71 начинается текст главы «Крестьянка». На этом основании В. В. Гиппиус в свое время пришел к выводу, что «Пир…» должен стоять между «Последышем» и «Крестьянкой» (см. ниже).[19] Но, думается, такое толкование слишком категорично. Оно было бы правильным, если бы, указывая место публикации «Последыша» («…часть 6, стр. 9-70»), Некрасов добавил: «перед главой „Крестьянка“». Но этих слов в его примечании нет.

В ОЗ 81 некрасовское примечание было дано уже от имени редакции, а помета «Из второй части» по невыясненным причинам исчезла. В посмертных изданиях сочинений Некрасова, выходивших при непосредственном участии сестры поэта А. А. Буткевич, вместо некрасовской пометы «Из второй части» и цитированного выше примечания к тексту «Пира…» появилась помета «Из четвертой части», повторенная затем

[19] Примечания: 19
Ныне эту точку зрения отстаивает М. В. Теплинский.

во всех последующих дореволюционных изданиях поэмы. А. И. Груздев считал, что обозначение «Пира…» как главы «Из четвертой части» исходило от А. А. Буткевич, которая, по его мнению, руководствовалась каким-то устным указанием Некрасова о необходимости такого обозначения (см. статью А. И. Груздева «О композиции „Кому на Руси жить хорошо“ (порядок частей)» в кн.: Истоки). М. В. Теплинский весьма убедительно оспаривает это утверждение (см.: *Теплинский М. В.* К истории публикации «Пира на весь мир». — РЛ, 1967, № 1). Как бы то ни было, помета «Из четвертой части» ничего не решает в проблеме композиции «Кому на Руси…», и мы располагаем четырьмя фрагментами, или частями, незавершенного целого: I — «Пролог и первая часть» (1865), II — «Последыш» (1872), III — «Крестьянка» (1873) и IV — «Пир на весь мир» (1876–1877), окончательный порядок расположения которых не санкционирован автором.

Во всех дореволюционных изданиях поэмы главы печатались в указанном выше порядке, т. е. в порядке их появления на свет: I–II–III–IV.

В 1920 г., готовя первое советское издание сочинений Некрасова, К. И. Чуковский обратил внимание на примечание Некрасова в рукописи

«Пира…» и, желая выполнить авторскую волю, соединил «Пир…» с «Последышем», в результате чего получился следующий композиционный вариант: I–II–IV–III. Как будто бы воля автора была учтена, но «Пир…» (1876) оказался в середине произведения а обрывалось оно теперь мрачной притчей о потерянных ключах от счастья женского (1873), которая никак не могла бы играть роль финала эпопеи. На это указал в 1922 г. К. И. Чуковскому П. Н. Сакулин *(Сакулин П. Н.* Н. А. Некрасов. М., 1922) и предложил свой вариант расположения глав (I–III–II–IV), который К. И. Чуковский принял и которому далее следовал во всех редактированных им изданиях сочинений Некрасова вплоть до 1965 г.

Этот вариант имел то неоспоримое достоинство, что «Пир…» был соединен с «Последышем», чем выполнялось указание автора; поэма получала идейный финал, она как бы завершалась появлением Григория Добросклонова и песней «Русь», т. е. ответом па поставленные в ней вопросы, причем это была глава, написанная в последний год жизни Некрасова, его последнее слово к читателю. Такое расположение глав создавало видимость завершенности произведения и облегчало восприятие его сюжета читателем:

от главы «Последыш» он переходил к событиям главы «Пир...», разыгравшимся в ту же ночь, в той же деревне Большие Вахлаки. Правда, при этом несколько нарушалась хронология творческого процесса («Крестьянка», написанная в 1873 г., шла раньше «Последыша», датируемого 1872 г.), да на смену августу («Крестьянка») в «Последыше» приходил июнь. Но эти «потери» были незаметнее, чем нарушение единства времени, места и действия при разрыве «Последыша» и «Пира...».

В 1934 г. В. В. Гиппиус (см.: *Гиппиус В. В.* К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: К сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934), руководствуясь тем, что поэма «рассчитана по сельскохозяйственному календарю», предложил фактически тот порядок расположения глав (I–II–IV–III), которого придерживался в издании 1920 г. и от которого затем отошел К. И. Чуковский. Точка зрения В. В. Гиппиуса и Е. В. Бетаневской (см.: *Базилевская Е. В.* Из творческой истории «Кому на Руси жить хорошо». (Возникновение основного замысла и общей композиционной схемы). — Звенья, V. М.-Л., 1935) не нашла поддержки в некрасоведческих кругах, и споры как будто стихли.

Мнение, что глава «Пир…» должна быть в поэме финальной, было закреплено третьим томом ПСС в 1949 г. Но именно в 1949 г. споры вспыхнули вновь и продолжаются до сих пор. Инициатором возобновления спора был Н. Г. Дмитриев (см. его кандидатскую диссертацию «Поэма Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“» — ГБЛ, ДК 48/2620, Ф ф-75/5194), предложивший вернуться к тому порядку расположения глав поэмы, который был принят в дореволюционных изданиях. Н. Г. Дмитриева поддержали И. Ю. Твердохлебов *(Твердохлебов И. Ю.* Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1954) и И. В. Шамориков *(Шамориков И. В.* О расположении частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Вопросы текстологии. М., 1957). В последние годы наиболее обстоятельно эту точку зрения аргументировал и активно отстаивал А. И. Груздев *(Груздев А. И.* 1) О композиции «Кому на Руси жить хорошо» (порядок частей). — В кн.: Истоки. 2) Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». (К проблеме композиции произведения). — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1967, т. 321; 3) О месте «Пира на весь мир» в составе поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971).

В пользу композиционного варианта I–II–III–IV его сторонники выдвигают ряд текстологических аргументов: подвижность помет Некрасова на рукописях поэмы, важность его обозначений в Ст 1873–1874, предположение, что помета к «Пиру…» «Из второй части» исчезла в журнальном издании главы (ОЗ 81) не без ведома автора, а последующее обозначение «Из четвертой части» исходило от А. А. Буткевич, лучше всех знавшей последнюю волю поэта, и др. Существенно, что при таком композиционном варианте строго выдерживается хронология работы автора над поэмой и порядок появления в печати ее глав. Выдерживается и «сельскохозяйственный календарь» по отношению к первым трем фрагментам: апрель, 9 мая, 29 июня, август. Но не надо забывать, что при варианте I–II–III–IV игнорируется примечание Некрасова к «Пиру…»; нарушается цельность сюжетного развития: глава «Крестьянка» разрывает события, происшедшие в деревне Большие Вахлаки 29 июня («Последыш») и в ночь с 29 на 30 июня («Пир…»); глава «Пир…» нарушает хронологическое развитие событий, возвращая читателя от августовской уборки хлеба («Крестьянка») к июньскому сенокосу.

В 1971 г. Л. А. Евстигнеева *(Евстигнеева Л. А.*

Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. 1821–1971. М., 1971) предложила еще один вариант расположения глав некрасовской поэмы. Л. А. Евстигнеева исходит из того, что «Кому на Руси жить хорошо» — произведение незавершенное, место последней из написанных глав, главы «Пир...», в общем замысле эпопеи автором не определено, каноническим текстом «Пира...» мы не располагаем. Чтобы читатель почувствовал эту «недостроенность» произведения и особое место в нем «Пира...», Л. А. Евстигнеева предлагает печатать «Пир на весь мир» сразу же после завершенных автором глав, но с отбивкой, самостоятельным заглавием и подзаголовком: «Из второй части поэмы „Кому на Руси жить хорошо“» (I–II–III. IV). Редакция не считает возможным принять предложение Л. А. Евстигнеевой: «Пир...» не может иметь самостоятельного заглавия, не может быть отделен от основного массива поэмы, в которой он составляет органическую часть.

Подтверждением того, что спор о расположении глав поэмы продолжается, может служить статья Б. Я. Бухштаба *(Бухштаб Б. Я.* О конструкции поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хоро-

шо». — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1981). Справедливо говоря о «невозможности признать какой бы то ни было вариант композиции авторским», исследователь подчеркивает: необходимость остановиться на каком-либо одном из возможных вариантов построения поэмы не должна быть связана с уверенностью в том, что «избранная конструкция запрограммирована самим Некрасовым». Предпочтительным Б. Я. Бухштабу представляется вариант I–III–II–IV.

Итак, в силу незаконченности поэмы найти единственно верный порядок размещения ее глав невозможно. В пользу каждого композиционного варианта можно привести убедительные аргументы, которым могут быть противопоставлены не менее убедительные контраргументы. Поэтому, «учитывая незаконченность поэмы, мы должны признать невозможность реконструирования композиции произведения в целом. <…> Следовательно, нам остается рассматривать написанные Некрасовым части поэмы как разрозненные части, как фрагменты произведения и расположить их в том порядке, в котором они были созданы поэтом» *(Твердохлебов И. Ю.* Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 59).

Знаменательно, что К. И. Чуковский, который, как уже говорилось, печатал поэму в 1920 г. по варианту I–II–IV–III, а с 1927 г. по варианту I–III–II–IV, 20 декабря 1960 г. писал А. М. Гаркави: «Я мечтаю о строго научном издании, где, например, части „Кому на Руси жить хорошо“ не были бы искусственно перетасованы, а были бы даны в порядке их написания, без всяких притязаний на то, чтобы фрагменты ощущались как нечто монолитное» (письмо хранится в архиве А. М. Гаркави, поступившем в ИРЛИ). Именно такой порядок расположения глав «Кому на Руси жить хорошо» (I–II–III–IV), принятый редколлегией настоящего издания, способствует правильному пониманию творческой истории эпопеи, существа и эволюции авторского замысла.

* * *

Спорным в некрасоведении является вопрос и о месте «Пролога» в составе поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: рассматривать ли его как вступление к первой части или как пролог ко всему произведению в целом?

Содержание «Пролога» несомненно выходит за пределы одной части, определяет движение сюжета произведения в целом, и в этом смысле

это пролог ко всей поэме. Однако во всех прижизненных изданиях поэмы он неизменно печатался в составе ее первой части. Так, в отдельном издании Ст 1873, ч. 5 на шмуцтитуле (с. 5) обозначено: «Кому на Руси жить хорошо. Часть первая», а заглавие «Пролог» проставлено уже на следующем листе — перед самым началом текста (с. 7). В оглавлении пятой части находим ту же последовательность заглавий: «Кому на Руси жить хорошо. Часть первая: Пролог» (далее следует перечень остальных глав: «Глава I: Поп» и т. д.). В последнем прижизненном издании поэмы Ст 1873, т. III, ч. 5–6, куда вошли также «Последыш» и «Крестьянка» («Пир на весь мир» к этому времени еще не был написан), сохранена указанная последовательность обозначений, которая еще раз подтверждена также в оглавлении шестой части третьего тома: «Кому на Руси жить хорошо. Часть первая: Пролог. — Поп. — Сельская ярмонка. — Пьяная ночь. — Счастливые. — Помещик». В настоящем издании «Пролог» также печатается в составе первой части поэмы.

Тексты и варианты подготовили и комментарии к ним написали: О. В. Алексеева — текст, варианты, другие редакции главы «Пир на весь мир», текстологический и реальный коммента-

рий к ней; текст раздела «Наброски к поэме и ее неосуществленным главам» и текстологический комментарий к нему; Т. А. Беседина — текст и варианты главы «Последыш»; комментарий к главам «Последыш» и «Крестьянка»; историко-литературную часть комментария к главе «Пир на весь мир» и разделу «Наброски к поэме и ее неосуществленным главам»; фольклорную часть реального комментария к первой части поэмы; параграфы второй, третий и четвертый преамбулы к комментариям; А. И. Груздев — параграф первый преамбулы к комментариям; И. Ю. Твердохлебов — текст, варианты первой части поэмы и комментарий к ней; Т. С. Царькова — текст и варианты главы «Крестьянка».

Часть первая[*]

Печатается по Ст 1873, т. III, ч. 5, с. 7–153, с восстановлением ст. 465 в соответствии с окончательной авторской правкой той же формулы с названиями деревень в «Прологе», «Помещике» и «Крестьянке», ст. 604, 1147, 1151–1153, 1490, 2430–2432 — по тексту наборной рукописи, включением ст. 2549 по тексту наборной рукописи и ОЗ (1870, № 2) и исправлением ст. 2552–2554 по окончательной редакции того же перечня деревень в тексте «Пролога» и главы «Поп».

Впервые опубликовано: «Пролог» — С, 1866, № 1, с. 5–16, с подписью: «Н. Некрасов» и обозначением в конце текста: «Продолжение впредь»; «Поп» (вместе с текстом «Пролога») — ОЗ, 1869, № 1, с. 208–220, с подписью: «Н. Некрасов» и примечанием: «„Пролог“ был уже напечатан в 1866 году»; «Сельская ярмонка» — ОЗ, 1869, № 2, с. 567–577; «Пьяная ночь» — там же, с. 577–590, с подписью: «Н. Некрасов»; «Счастливые» — ОЗ, 1870, № 2, с. 563–582, с подстрочной сноской: «„Пролог“ и первые три главы напечатаны в „Отеч<ественных> зап<исках>“ 1869 года, №№ 1 и 2»; «Помещик» — там же, с. 582–598, с подписью: «Н. Некрасов» и датой: «1885 год» в конце текста.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, ч. 5, с. 7- 147, с заголовком: «Кому на Руси жить хорошо. Часть первая» и датой: «1865 год» в конце текста.

Известны следующие автографы «Пролога» и глав первой части.

1) Автограф ИРЛИ А — ИРЛИ, ф. 203, № 12, л. 1–2. Представляет собой двойной лист (4 страницы) тонкой писчей бумаги с четверной нумерацией: в верхнем правом углу, рыжеватыми чернилами, первоначальная архивная нумерация двойного листа (цифра «15») и правее, карандашом, после-

дующая архивная нумерация одинарных листов (цифры «25» и «26»); там же окончательная архивная нумерация одинарных листов, принятая за основу (цифры «1» и «2» в кружке); в нижнем правом углу, чернилами, еще одна архивная нумерация одинарных листов (цифры «18» и «19»). Все виды нумерации листов не соответствуют хронологической последовательности авторских записей. Содержит первоначальные карандашные наброски к главам «Поп» и «Сельская ярмонка» (фрагменты, частично вошедшие затем в главу «Пьяная ночь»), черновую сводную запись (карандашом) начала главы «Поп» (ст. 394–411), а также прозаические заметки, рыжеватыми чернилами, — планы к задуманным и неосуществленным эпизодам поэмы (см.: Другие редакции и варианты, с. 592).

Впервые опубликован (выборочно): ПСС, т. III, с. 470, 473; прозаические записи — там же, с. 648–650; Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. III. М.-Л., 1952, с. 29; выборочно сводом — ПССт 1967, т. III, с. 351–352.

2) Автограф ИРЛИ Б — ИРЛИ, № 21200, п. 1, л. 57–59. Представляет собой двойной лист (4 страницы) писчей бумаги (последняя страница — чистая) с архивной нумерацией одинарных ли-

стов в верхнем правом углу (цифры «57» и «59»). Содержит разрозненные наброски к «Прологу» (чернилами) и «Сельской ярмонке» (карандашом; строки, вошедшие впоследствии в главу «Пьяная ночь»), а также прозаические записи (карандашом и чернилами; планы к задуманным и неосуществленным эпизодам — см.: Другие редакции и варианты, с. 592). Здесь же, на развороте листа (чернилами), строки из стихотворения «Балет» («Будешь во мраке ночей» и т. д.) и денежные расчеты, среди которых дата: «20 июля 1865 год».

Впервые опубликован (выборочно): ПСС, т. III, с. 477 (с ошибочным обозначением источника: ГБЛ); прозаическая запись — там же, с. 649; Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. III, с 29–30; ПССт 1967, т. III, с. 351.

3) Автограф ИРЛИ В — ИРЛИ, ф. 203, № 12, л. И. Представляет собой одинарный лист тонкой писчей бумаги (оборотная сторона-чистая) с тройной архивной нумерацией: в верхнем правом углу, карандашом, первоначальная архивная (цифра «24»); левее последняя архивная, принятая за основу (цифра «11» в кружке); в нижнем правом углу, чернилами, цифра «21». Содержит отдельные наброски (рыжеватыми чернилами) к главам «Пьяная ночь» и «Счастливые». На том

же листе стихотворные записи, теми же чернилами: строки о горе крестьянина, сдавшего сына в рекруты и возвращающегося в опустевший дом («Свезешь и выпьешь в меру ты…»), тематически примыкающие к заключительной части стихотворения «Балет» (см.: наст. изд., т. II, с. 239–241).

Впервые опубликован (выборочно): ПСС, т. III, с. 482, 483; Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. III, с. 30; ПССт 1967, т. III, с. 358–359.

4) Автограф ИРЛИ Г — ИРЛИ, ф. 203, № 12, л. 22. Представляет собой одинарный лист плотной желтоватой писчей бумаги с тройной архивной нумерацией: в верхнем правом углу, карандашом, первоначальная (цифра «20») и последняя, принятая за основу (цифра «22» в кружке); в нижнем правом углу, чернилами, цифра «21». Содержит карандашные наброски к главе «Счастливые»; на обороте листа стихотворные наброски и прозаические записи, карандашом и чернилами, относящиеся к стихотворению «Явно родственны с землей…» (см.: наст. изд., т. II, с. 155).

Впервые опубликован (выборочно): Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. III, с. 31.

5) Автограф ИРЛИ Д — ИРЛИ, № 21200, п. 2, л.

161–162. Представляет собой двойной лист (4 страницы) тонкой писчей бумаги с пятерной нумерацией: в верхнем правом углу, рыжеватыми чернилами, первоначальная авторская нумерация двойного листа (цифра «10»), относящаяся к ранней редакции первой части (ст. 1048–1567); последующая авторская нумерация одинарных листов, черными чернилами (цифры «12» и «13»), продолжающая нумерацию наборной рукописи «Сельской ярмонки»; последняя архивная нумерация одинарных листов, карандашом, принятая за основу (цифры «161» и «162» в кружке); в нижнем правом углу первоначальная архивная нумерация одинарных листов, полустертым карандашом (цифры «162» и «163»), правее соответственно цифры «69» и «70». Текст написав рыжеватыми черпилами, последняя авторская правка — черными чернилами и карандашом. Содержит текст ранней редакции главы «Сельская ярмонка», использованный затем для начала главы «Пьяная ночь» (ст. 1260–1366). Заголовок черными чернилами: «Глава III „Пьяная ночь“».

Впервые опубликован (выборочно): ПСС, т. III, с. 483–484; ПССт 1967, т. III, с. 355–356.

6) Автограф ИРЛИ Е — ИРЛИ, ф. 203, № 12, л. 3-10. Представляет собой 8 одинарных листов (16

страниц) тонкой писчей бумаги со вставочными листами (последний слой правки) плотной желтоватой (2 страницы — чистые) с четверной нумерацией: в верхнем правом углу первоначальная авторская нумерация двойных листов, рыжеватыми чернилами (цифры «8» и «9»), относящаяся к ранней редакции первой части; окончательная авторская нумерация каждой страницы, черными чернилами и карандашом (цифры «1-14»), в которую в процессе работы вносились изменения (сначала она кончалась цифрой «11» (продолжение ее см. на листах с первоначальным вариантом текста главы «Пьяная ночь» автографа ИРЛИ Д), затем, когда эти листы были исключены, цифрой «12» была обозначена оборотная сторона листа «11», наконец, на последнем этапе, после добавления в рукопись «Сельской ярмонки» вставочного листа, на каждой странице после листа «10» проставлена окончательная нумерация (цифры «11–14»), при этом прежнее обозначение на листах «И» и «12» зачеркнуто (чистые страницы не нумеровались)); последняя архивная нумерация одинарных листов, карандашом, принятая за основу (цифры «3-10» в кружке); в нижнем правом углу первоначальная архивная нумерация одинарных листов,

карандашом (цифры «10–15»), не соответствующая их действительной последовательности. Текст написан рыжеватыми чернилами, последняя авторская правка — черными чернилами и карандашом. Содержит текст главы «Сельская ярмонка» — наборная рукопись. Заголовок черными чернилами: «Кому на Руси жить хорошо. Глава II. „Сельская ярмонка“». Затем название главы было вычеркнуто и вместо него написано: «Базарный день». При окончательной правке карандашом и это название вычеркнуто, а выше надписано еще раз: «Сельская ярмонка». На следующем листе, бывшем сначала первым, заголовок рыжеватыми чернилами: «Глава III», относящийся к тексту ранней редакции первой части (ст. 869-1259) и вычеркнутый при окончательной правке главы. На листах рукописи — пометы Некрасова для типографии. На первом листе в верхнем левом углу карандашом: «От<ечественные> з<аписки> № 2. Отд. 1-е»; в самом тексте: «Набирай с 6 и 7 страницы», «к 4 странице». На 8 страницах — подписи наборщиков и их пометы.

Впервые опубликован (выборочно, сводом): ПСС, т. III, с. 475–477; ПССт 1967, т. III, с. 353–355.

7) Автограф ИРЛИ Ж — ИРЛИ, ф. 203, № 12, л. 12–21. Представляет собой 1 двойной и 8 одинар-

ных листов (20 страниц) тонкой писчей бумаги со вставочными листами плотной желтоватой (последняя страница — чистая) с четверной нумерацией: в верхнем правом углу первоначальная авторская нумерация двойного листа, рыжеватыми чернилами (цифра «11»), относящаяся к тексту ранней редакции главы «Сельская ярмонка»; последующая авторская нумерация двойного и двух одинарных листов, коричневыми чернилами (цифры «15» и «16»), относящаяся к тексту эпизода «У столбика дорожного» из главы «Счастливые»; окончательная авторская нумерация одинарных листов, черными чернилами (цифры «40», цифрой «5» обозначена оборотная сторона листа, так как на лицевой весь текст при правке был вычеркнут); первоначальная архивная нумерация одинарных листов, карандашом (цифры «3», «5», «7-14»), не соответствующая их действительной последовательности; последняя архивная нумерация одинарных листов, карандашом, принятая за основу (цифры «12–21» в кружке); в нижнем правом углу еще одна архивная нумерация одинарных листов, черными чернилами (цифры «2–9»), не соответствующая действительной их последовательности. Текст написан рыжеватыми, коричневыми и черными чернилами, а

также карандашом. Последняя авторская правка — черными чернилами и карандашом. Содержит текст главы «Пьяная ночь» — наборная рукопись. Заголовок черными чернилами: «Глава III. Пьяные». Затем слово «Пьяные» переправлено на «Пьяная ночь». В верхнем левом углу авторская помета карандашом для типографии: «Наберите скорее и пришлите ко мне по 1-ой корректуре. Некрасов»; далее в самом тексте: «Чисто», «На обороте» (со знаком отсылки). На двух страницах — подписи наборщиков и их пометы.

Впервые опубликован (выборочно, сводом): ПСС, т. III, с. 484–485; ПССт 1967, т. III, с. 355–360.

8) Автограф ГБЛ А — ГБЛ, ф. 195, М 5745, л. 1–7. Представляет собой 1 двойной и 6 одинарных листов (14 страниц) тонкой писчей бумаги с тройной нумерацией: в верхнем правом углу — авторская нумерация двойных листов, рыжеватыми чернилами (цифры «1–4»), относящаяся к тексту ранней редакции; последняя архивная нумерация одинарных листов, карандашом, принятая за основу (цифры «1–7»); в верхнем левом углу первоначальная архивная нумерация каждой страницы, фиолетовым карандашом (цифры «2-14»). Текст написан рыжеватыми чернилами и карандашом. Последняя авторская правка —

черными чернилами. Содержит текст «Пролога» — наборная рукопись. Заголовок рыжеватыми чернилами: «Кому на Руси жить хорошо». Ниже заголовка цифра «1». При окончательной правке цифра зачеркнута черными чернилами и вместо нее вписан новый заголовок: «Пролог», а в конце текста проставлена подпись: «Н. Некрасов». На последней странице рукописи — начало главы «Поп» в ранней редакции (см. автограф ГБЛ Б).

Впервые опубликован (выборочно, сводом): ПСС, т. III, с. 467–470; ПССт 1967, т. III, с. 351.

9) Автограф ГБЛ Б — ГБЛ, ф. 195, М 5745, л. 7-10. Представляет собой 2 двойных листа (8 страниц) тонкой писчей и плотной бумаги желтоватого оттенка с двойной нумерацией: в верхнем левом углу первоначальная архивная нумерация каждой страницы, фиолетовым карандашом (цифры «14–20»); в верхнем правом углу последняя архивная нумерация одинарных листов, карандашом, принятая за основу (цифры «8-10»). Текст написан рыжеватыми чернилами и карандашом. Последняя авторская правка — карандашом. Содержит текст начала главы «Поп» в ранней редакции (ст. 394–439) — на одном листе с окончанием «Пролога». Заголовок рыжеватыми чернилами: «Глава II». На втором двойном листе — черновые записи

к главе «Поп» (ст. 444–644).

Впервые опубликован (выборочно, сводом): ПСС, т. III, с. 470–471; ПССт 1967, т. III, с. 351–352.

10) Автограф ГБЛ В — ГБЛ, ф. 195, М 5745, л. 11–29. Представляет собой 9 двойных и 1 одинарный лист (38 страниц) тонкой писчей бумаги (8 страниц — чистые) с архивной нумерацией в верхнем правом углу одинарных листов, карандашом, принятой за основу («11–29»), но не везде соответствующей их действительной последовательности. Текст написан рыжеватыми чернилами и карандашом. Последняя авторская правка — черными чернилами и карандашом. Содержит текст начала главы «Сельская ярмонка» (ст. 841-1041) — черновая рукопись. Заголовок рыжеватыми чернилами: «Глава III». Далее другие материалы, также предназначавшиеся для главы «Сельская ярмонка»: наброски и сводная черновая рукопись сцен на «пьяной дороженьке», включенных впоследствии в главу «Пьяная ночь»; черновой и перебеленный тексты эпизода «У столбика дорожного»; лист с первоначальной концовкой «Сельской ярмонки» (авторская нумерация — «12», продолжающая нумерацию листов ранней редакции). На полях одного из листов — прозаические записи-планы к неосуществлен-

ным эпизодам поэмы (см.: Другие редакции и варианты, с. 592).

Впервые опубликован (выборочно, сводом): ПСС, т. III, с. 474, 477–482; ПССт 1967, т. III, с. 353–354.

11) Автограф ГБЛ Г — ГБЛ, ф. 195, М 5745, л. 30–39. Представляет собой 4 двойных и 2 одинарных листа (20 страниц) тонкой писчей бумаги (один двойной лист — сильно пожелтевший; 4 страницы — чистые) с архивной нумерацией в верхнем правом углу одинарных листов, карандашом, принятой за основу (цифры «40–47»). Текст написан рыжеватыми чернилами и карандашом. Последняя авторская правка — черными чернилами. Содержит текст главы «Счастливые» — черновая рукопись и сводный перебеленный текст начала главы (ст. 1732–1783).

Впервые опубликован (выборочно, сводом): ПСС, т. III, с. 485–490; ПССт 1967, т. III, с. 360–362.

12) Автограф ГБЛ Д — ГБЛ, ф. 195, М 5745, л. 40–47. Представляет собой 4 двойных листа (16 страниц) тонкой писчей бумаги (последняя страница — чистая) с архивной нумерацией в верхнем правом углу одинарных листов, карандашом, принятой за основу (цифры «40–47»). Текст написан рыжеватыми чернилами (одна строка на полях

— карандашом). Содержит наброски и черновые записи отдельных эпизодов к главе «Помещик», а также сводный текст черновой рукописи начала главы (ст. 2495–2767).

Впервые опубликован (выборочно, сводом): ПСС, т. III, с. 495–496; ПССт 1967, т. III, с. 362–363.

13) Автограф ЦГАЛИ А — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 13, л. 4-11. Представляет собой 8 одинарных листов (16 страниц) тонкой писчей бумаги со вставочными листами плотной желтоватой (одна страница — чистая) с тройной нумерацией в верхнем правом углу: первоначальная авторская нумерация двойных листе рыжеватыми чернилами (цифры «5–7»), относящаяся к ранней редакции и продолжающая авторскую нумерацию автографа ГБЛ А; окончательная авторская нумерация одинарных листов, черными чернилами (цифры «1–8»); несколько выше архивная нумерация одинарных листов, карандашом, принятая за основу (цифры «4-11»). Текст написан рыжеватыми и коричневыми (на вставочных листах) чернилами. Последняя авторская правка — карандашом и черными чернилами. Содержит текст главы «Поп» — наборная рукопись. Заголовок коричневыми чернилами: «Кому на Руси жить хорошо? Глава 1-ая». На трех листах

подписи наборщиков.

Впервые опубликован (выборочно, сводом): ПСС, т. III, с. 472–473. ПССт 1967, т. III, с. 352–353.

14) Автограф ЦГАЛИ Б — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 13, л. 12–28. Представляет собой 17 одинарных листов (34 страницы) тонкой писчей бумаги со вставочными листами плотной желтоватой (4 страницы — чистые) с тройной нумерацией в верхнем правом углу: первоначальная авторская нумерация двойных и двух одинарных листов, коричневыми чернилами (цифры «13», «14», «17–20»), продолжающая нумерацию ранней редакции главы «Сельская ярмонка» (на последнем листе с первоначальной концовкой «Сельской ярмонки» — цифра «12»); окончательная авторская нумерация одинарных листов, полустертым карандашом (цифры «1-16»; вставочный лист после л. 6 обозначен добавочной нумерацией: «к 6-ой странице»); архивная нумерация одинарных листов, карандашом, принятая за основу (цифры. «12–28»). Текст написал рыжеватыми, коричневыми чернилами и карандашом. Последняя авторская правка — карандашом (две строки — черными чернилами). Содержит текст главы «Счастливые» — наборная рукопись. Заголовок коричневыми чернилами: «Глава IV. „Счастли-

вые“». Сверху карандашом надписано: «Кому на Руси жить хорошо», а к цифре «IV» сделано подстрочное примечание: «Пролог и первые три главы напечатаны в „О<течествеиных> зап<исках>“ 1869 года, №№ 1 и 2». На 5 листах пометы Некрасова для типографии; «См. вставку», «Чисто», «Следует набрать. Чисто», знаки отсылок при перестановке текста. На 7 листах — подписи наборщиков и их пометы.

Впервые опубликован (выборочно, сводом): ПСС, т. III, с. 490–494; ПССт 1967, т. III, с. 361–362.

15) Автограф ЦГАЛИ В — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 18, л. 29–39. Представляет собой И одинарных листов (22 страницы) тонкой писчей бумаги со вставочным листом плотной желтоватой (последняя страница — чистая) с четверной нумерацией в верхнем правом углу: первоначальная авторская нумерация двойных и одного одинарного листов, рыжеватыми чернилами (цифры «13–17»), относящаяся к ранней редакции и продолжающая нумерацию «Сельской ярмонки»; окончательная авторская нумерация одинарных листов, карандашом (цифры «17–26»), продолжающая авторскую нумерацию автографа ЦГАЛИ Б (вставочный лист — без нумерации, со знаком отсылки к предшествующему листу);

первоначальная архивная нумерация одинарных листов, карандашом, принятая за основу (цифры «29–39»). Текст написан рыжеватыми чернилами. Последняя авторская правка и текст на вставочном листе — карандашом. Содержит текст главы «Помещик» — наборная рукопись. Заголовок рыжеватыми чернилами: «Глава IV». Затем карандашом цифра «IV» зачеркнута и заменена на «V». В конце рукописи карандашом дата: «1865 г.» (проставлена позднее, при окончательной правке — см. об этом далее) и Подпись: «Н. Некрасов». Ниже на том же листе, карандашом, прозаическая запись относящаяся к неосуществленным эпизодам поэмы (см.: Другие редакции и варианты, с. 598–599). На 6 листах — подписи наборщиков и их пометы.

Впервые опубликован (выборочно, сводом): ПСС, т. III, о. 497–498; ПССт 1967, т. III, с. 363–364.

Точная дата начала работы над первой частью поэмы неизвестна, однако в конце рукописи (см. выше описание автографа ЦГАЛИ В) есть авторское обозначение: «1865 г.»; среди заготовок к «Прологу» находятся черновые записи к сатире «Балет» (автограф ИРЛИ В), относящиеся, видимо, тоже к 1865 г. (в феврале 1866 г. она была уже напечатана); на других листах имеется еще одна

помета, снова указывающая на 1865 г. (см. выше описание автографа ИРЛИ Б).

По свидетельству Г. Н. Потанина, начало работы Некрасова над поэмой относится к более раннему времени. Потанин, впоследствии рассказавший о своем посещении квартиры Некрасова на Литейном осенью 1860 г., видел у него на столике «листок почтовой бумаги», исписанный «тонко очинённым карандашом», с наброском поэмы «Кому на Руси жить хорошо» *(Потанин Г.* Воспоминания о Некрасове. — ИВ, 1905, № 2, с. 464).

Свидетельства Потанина в целом не отличаются большой достоверностью, и его датировке, казалось бы, противоречат встречающиеся в тексте «Пролога» и главы «Помещик» упоминания о «временнообязанных» крестьянах, «мировых посредниках» — т. е. явлениях уже пореформенной действительности, о которых Некрасов, естественно, не мог писать в 1860 г. Однако эти упоминания в рукописи принадлежат к более поздним слоям правки, и нет ничего неправдоподобного в том, что произведение, для которого поэт, по его собственному признанию, копил материал «по словечку» в течение двадцати лет, действительно могло быть начато в каких-то фрагментах и в 1860 г. В самых ранних рукописях первой

части сохранилось немало записей, сделанных на отдельных листах бумаги, карандашом, видимо, еще задолго до оформления связного текста. Причем записи эти свидетельствуют, что развитие замысла должно было осуществляться по двум направлениям: поиски предполагаемого счастливца среди названных кандидатов и одновременно «генеральный смотр» всем сторонам жизни пробуждающейся народной Руси, поиски мужиками «народного счастья».

При этом несомненно одно: хронология поэмы, ее подлинная жизненная основа решающим образом связаны с общественной атмосферой именно пореформенного времени. Поэма вся, начиная с первой части, пронизана веяниями этой бурной эпохи, дыханием жизни, откликами на разгоревшиеся в 1860-е гг. острейшие споры о поисках действительных путей развития народной России, о народном русском характере (см.: *Базанов Вас.* От фольклора к народной книге. Л., 1973).

Дата «1865 г.», о которой шла речь выше, относится не к окончательной редакции первой части, а к ранней ее редакции, и проставлена уже задним числом — при завершении главы «Помещик», во время последней правки наборной

рукописи, т. е., видимо, не ранее января-февраля 1870 г. Во всяком случае, не ранее того времени, когда в формулу перечня «смежных деревень» было добавлено упоминание о «Подтянутой губернии», также принадлежащее к последнему слою авторской правки. Строка эта еще отсутствовала в текстах 1865–1869 гг. — и в наборной рукописи «Пролога» (декабрь 1865 — январь 1866 г.), и в его первых журнальных публикациях (январь 1866 г. и январь 1869 г.). Она впервые появилась только в наборной рукописи главы «Помещик», при окончательной правке текста, а в «Прологе» была учтена Некрасовым позднее, при очередной перепечатке текста, в отдельном издании 5-й части «Стихотворений Н. Некрасова» 1873 г.

Законченная в 1865 г. рукопись первой части поэмы, т. е. ее ранняя редакция (она в виде цельного единого свода ныне уже не существует; реконструированный ее текст см.: Другие редакции и варианты, с. 239–257), состояла из 16 двойных и одного одинарного листов (66 страниц) тонкой писчей бумаги (с тиснением «Троицк, фаб. Говарда, № 6» и с гербовым тиснением). 2 страницы — чистые. В верхнем правом углу листов авторская нумерация двойных листов,

рыжеватыми чернилами (цифры «1-17»). Текст написан рыжеватыми чернилами. Авторская правка — теми же чернилами и карандашом.

Первая часть в ранней редакции включала всего четыре главы («I», «Глава II», «Глава III», «Глава IV»), которые тогда не имели названий.

В процессе дальнейшей работы прежние двойные листы с текстом ранней редакции были разделены на одинарные, переставлены местами, частично исключены, частично вошли с новой нумерацией в состав позднейших наборных рукописей. Прежний текст сохранился в составе новых глав в сильно перекроенном виде: добавления, вычерки, перестановки делались на старых и еовых вставочных листах уже применительно к другому составу глав, к изменившемуся содержанию, к новому поэтическому контексту.

Переработка коснулась отдельных глав ранней редакции в разной степени. Глава I сохранилась почти без изменений, хотя при ее создании в текст внесены существенные дополнения: введена ночная сцена с филинами, дописан новый финал главы — эпизоды с говорящей пеночкой и волшебной скатертью-самобранкой. При подготовке текста к журнальной публикации (январь 1866 г.) Некрасов переименовал главу I

в «Пролог».

Вследствие этой замены в нумерации прежняя глава II получила в окончательном тексте рукописи обозначение «Глава 1-ая», название «Поп» она обрела еще позже — только в тексте журнальной публикации (январь 1869 г.). При доработке главы из прежней рукописи был вынут двойной лист с началом текста и заменен Двумя вставочными листами. При этом в характеристике попа добавлены строки, подчеркнувшие его совестливость, озабоченность крестьянскими нуждами и непричастность к взяткам с раскольников. В рассказе попа исключен отрывок, в котором он сетовал на упадок религиозного чувства в народе и отсутствие «рвения» к православию. В переработанном тексте главы в перечне «окольных деревень» сохранился первоначальный вариант рукописи ранней редакции, в котором отсутствовало упоминание о «Подтянутой губернии». Эту строку Некрасов дополнительно ввел в текст той же формулы в «Прологе», «Помещике» и «Крестьянке», но в журнальной публикации главы «Поп» и во всех последующих ее публикациях она осталась неучтенной.

Текст главы III (впоследствии — «Сельская ярмонка») подвергся особенно значительной

перестройке. В процессе работы, проходившей в несколько этапов, Некрасов настойчиво развивал мотив поисков народного счастья. Задумав новую главу, посвященную «счастливцам» из народа, он на промежуточном этапе (когда еще не существовало отдельной главы «Пьяная ночь») переделал прежний финал «Сельской ярмонки» и связал ее уже не с «Помещиком», как было в ранней редакции, а с новой главой «Счастливые»; таким образом действие поэмы было выведено за рамки сюжетной схемы, предначертанной завязкой «Пролога». В новой концовке, главы странники оставляют поиски названных ими же в «Прологе» возможных кандидатов в счастливцы и решают немедленно вмешаться «в толпу — искать счастливого» («Не там ли он скрывается, Кто счастливо живет?..»).

Затем Некрасов прерывает временно работу над главой III («Сельская ярмонка») и создает новую главу, назвав ее «Счастливые» и обозначив «Глава IV». Сюжетно-композиционный прием путешествия позволял Некрасову вовлечь в действие широкий крут народных персонажей, число которых в процессе работы последовательно увеличивалось (см.: *Червяковский С. А.* Из творческой работы Некрасова над поэмой «Кому

на Руси жить хорошо». — В кн.: О Некр., вып. I). Сцена с проворовавшимся лакеем, которого секут, перенесена в главу «Счастливые» из рукописи ранней редакции «Сельской ярмонки». Там еще не было упомянуто, что проворовавшийся лакей — это и есть княжеский дворовый: тогда это был просто «лакей пьяный» (в более раннем варианте — «солдатик», а еще ранее — «крестьянин»). В «Счастливых» оба персонажа идентифицированы: в лакее странники узнают того самого дворового, — который перед тем хвастался своим «счастьем». В рукопись «Счастливых» вставлен был на двух двойных листах и эпизод «У столбика дорожного», тоже написанный ранее, в период создания ранней редакции главы III («Сельская ярмонка»), но тогда в ней не использованный.

На этой стадии работы у Некрасова возник план создания еще одной главы первой части («Пьяная ночь»), в связи с чем он вернулся к доработке главы III ранней редакции, содержавшей материал, необходимый для новой задуманной главы. Только на этом этапе, при подготовке главы III к публикации в журнале (февраль 1869 г.), она получила окончательное обозначение «Глава II» и название «Сельская ярмонка» (первоначальный вариант — «Базарный день»). От прежней

ранней редакции в переработанной рукописи сохранилось лишь три одинарных листа — меньше половины прежнего их объема. Остальные листы были перенесены в рукопись новой главы («Пьяная ночь»), а последний лист с прежней концовкой «Сельской ярмонки», служивший ранее переходом к главе «Счастливые», вовсе исключен из состава рукописи и заменен другим, впоследствии тоже исключенным. На одном из новых вставочных листов Некрасов написал введение к главе с описанием холодной весны («Недаром наши странники…»), на другом — введение к эпизоду в балагане («И рад бы в рай…»). Кроме того рукопись были вставлены два старых одинарных листа с текстом эпизода с Вавилой в обувной лавочке, написанного еще в период работы над ранней редакцией этой главы, но тогда не включенного в нее. На этих листах вписан также эпизод в книжной лавочке (со строками «Эх! эх! придет ли времечко…»), а на других старых листах сделаны значительные композиционные перестановки.

Последней Некрасов создавал главу, получившую название «Пьяная ночь» и тогда же, т. е. при подготовке ее к журнальной публикации (февраль 1869 г.), обозначенную в рукописи как

«Глава III». Она была образована в основном из материала двух соседних, ранее написанных глав. Для начала «Пьяной ночи» Некрасов использовал старый двойной лист с текстом ранней редакции «Сельской ярмонки» и при доработке перебелил его на двух новых вставочных листах. Сцены с описанием «стоголосой дороги» и «народной молвы» перенесены сюда на двух одинарных листах также из рукописи ранней редакции «Сельской ярмонки»[20]. Два старых двойных листа с эпизодом «У столбика дорожного» перенесены в «Пьяную ночь» из рукописи главы «Счастливые», после чего начало эпизода перебелено на новом вставочном листе. При доработке текста фамилия доброго «барина» Рыбникова (ранее просто «барин тихонький») переделана (сначала — Хлебников, затем — Веретенников). В облике Якима Нагого, который первоначально назывался «фабричным из Бурмакина»[21], затем

[20] Примечания: 20

Первоначальные варианты и наброски текста, которые перешли из «Сельской ярмонки» в главу «Пьяная ночь», приводятся в наст. томе в материалах «Сельской ярмонки», для которой они, собственно, и предназначались (см.: Другие редакции и варианты.

[21] Примечания: 21

Образ этот был подсказан поэту фактами ярославской действительности: в Бурмакинской волости был широко развит кузнечный, слесарный и другие промыслы и присутствие фабричного на ярмарке — явление вполне реальное.

последовательно «крестьянином из Вурмакина», «мужиком из Новоселова» и «Якимом Петровым из Пьянова», Некрасов в процессе работы усиливал черты народного трибуна. С этой целью были исключены, например, строки о нем как об одном из тех «приросших к сохе» мужиков, к которым фабричные относятся с насмешкой. В итоге был создан образ типичного представителя земледельческого крестьянства нового типа — мужика-пахаря, выступающего с пламенной речью от лица всего трудового народа (ср.: *Тарасов А. Ф.* О местных источниках поэмы. — В кн.: Истоки, с. 36). После эпизода «У столбика дорожного» в рукопись «Пьяной ночи» был вставлен старый лист с текстом ранней редакции «Сельской ярмонки» — строки об «удалой» песне молодчиков и отрывок «Ой! ночка, ночка пьяная…». Для финала главы была использована прежняя концовка «Сельской ярмонки».

На завершающем этапе работы над первой частью поэмы, когда Некрасов готовил к журнальной публикации две последние главы — «Счастливые» и «Помещик» (февраль 1870 г.), он вернулся к окончательной отделке «Счастливых». Несмотря на то что при перестройке двух начальных глав первой части в их нумерации

произошла передвижка на единицу в сторону уменьшения, глава «Счастливые» сохранила свою первоначальную нумерацию («Глава IV»), так как число глав после создания «Пьяной ночи» на единицу же увеличилось. В текст главы был добавлен драматический рассказ надорвавшегося каменщика, помещенный после эпизода о каменотесом-олончанином. Использованный при этом художественно-композиционный прием сопоставления позволил высветить в рассказе молодого каменотеса всю иллюзорность его надежд на счастливое будущее. В начале рассказа о Ермиле Гирине добавлено упоминание о его бескорыстии и строгих, но честных порядках, заведенных им на мельнице. Дописан новый финал главы, имеющий ключевое значение в повествовании о Гирине: рассказ о взбунтовавшихся Столбняках, о мужественном поступке Гирина и последовавшем за этим его заточении в острог. Фамилия владельца взбунтовавшегося селения помещика Столбинского (ранее Наказова) изменена в ходе работы (он назван Обрубковым). Для концовки «Счастливых» Некрасов использовал старый лист рукописи ранней редакции «Сельской ярмонки» с текстом, служившим там переходом к главе IV («Помещик»), которая тогда

следовала за «Сельской ярмонкой», а теперь, после окончательной доработки, получила новое обозначение — «Глава V» (название «Помещик» впервые появилось уже в журнальной публикации). К старым листам рукописи ранней редакции при доработке главы «Помещик» добавлен новый вставочный лист с описанием разоренной помещичьей усадьбы. В характеристике Оболта-Оболдуева (в ранней редакции — «Долгов-Абалдуев», еще ранее — «Брыков-Оболдуев») усилено сатирическое освещение, подчеркнут антагонизм между ним а мужиками, резче выявлен контраст между прежней «вольготной» жизнью помещиков и теперешним их неустойчивым положением. Завершив доработку рукописи, Некрасов по ошибке (ошибка эта перешла также в текст журнальной и всех последующих публикаций главы) оставил неисправленными первоначальные варианты названий «смежных деревень» — «Несытово», «Горелки», «Голодухино», которые, однако, в «Прологе» и в главе «Поп» он своевременно успел исправить и заменить другими: «Разутово», «Знобишино», «Горелово».

Окончательная композиция глав первой части, свободная, емкая, придающая произведению характер широкого поэтического обозрения, как

нельзя лучше отвечает основной авторской задаче — показать родную страну, обозреть ее всю, заглянуть во все уголки, воспеть Русь народную, пробуждающуюся и заклеймить проклятьем Россию помещичье-крепостническую, рушившуюся, обреченную.

Работая над рукописью первой части, Некрасов предугадывал возможные столкновения с цензурой, подыскивал более приемлемые для нее варианты и смягчал наиболее рискованные места. Так, в рассказе о взбунтовавшихся Столбняках он вычеркнул строки, вносившие явно сатирический оттенок в портрет важничающего флигель-адъютанта, который, стараясь нагнать страх на крестьян, выпячивал перед ними «грудь с крестами царскими». Во многих случаях к самоцензуре Некрасов прибегал уже на заключительном этапе работы, во время печатания текста в типографии. В главе «Поп» он смягчил строки о бранно-пренебрежительной кличке, которой народ честит духовенство («Кому вдогон, как мерину, Кричите: го-го-го?..»), хотя, видимо, дорожил ими, так как трижды вписывал их в рукопись, подыскивая подходящее место; из главы «Сельская ярмонка» исключил упоминания о «плюгавом» генерале и вельможных особах, у

которых «Грудь с гору, глаз навыкате, Да чтобы больше звезд»; из главы «Пьяная ночь» — строки о трех «дольщиках» («Бог, царь и господин!»). Вполне вероятна автоцензура и в речи солдата в главе «Счастливые», рассказывающего о себе, что он даже в мирное время «не ел по трои суточки» и нещадно бит палками «раз сто за службу верную», и в заменах фамилий князя Шереметьева на Переметьева, а Орлова на Юрлова, чтобы, очевидно, несколько завуалировать явный намек в одном случае на широко известный в России графский род, отпрыски которого занимали высшие посты на государственной службе и стояли близко к царскому двору, в другом — на генерал-адъютанта, шефа жандармов и начальника III Отделения графа (затем князя) А. Ф. Орлова, действительного владельца «Адовщины», описанное в главе «Счастливые».

Время, когда Некрасов публиковал первую часть, в цензурном отношении оказалось особенно неблагоприятным: «Пролог» печатался в январском номере «Современника!» за 1866 г., а судьба журнала, получившего совсем незадолго До того — в ноябре и декабре 1865 г. — одно за другим два предостережения, висела тогда на волоске. Вынужденный соблюдать величайшую

осторожность, Некрасов не решился сразу вслед за «Прологом» печатать последующие главы; объявленного в «Современнике» при публикация «Пролога» «продолжения впредь» так и не последовало, хотя после этого вышло еще три номера журнала и был подготовлен четвертый. Эта была одна из жертв, принесенных Некрасовым цензуре в надежде спасти свой журнал в сложнейшей обстановке: 4 апреля 1866 г. прозвучал выстрел Д. В. Каракозова, начался разгул реакции, усилились преследования демократической печати.

9 апреля Некрасов предпринял отчаянную попытку доказать «безвредность» журнала и свою собственную «благонамеренность»: он выступил в Английском клубе с чтением оды в честь «спасителя» царя — Комиссарова. В этот же день поэт, как выяснилось недавно, намеревался с той же целью читать на вечере у члена Главного управления по делам печати цензора В. Я. Фукса еще не опубликованную главу своей поэмы (вероятно, главу «Поп» — наиболее безопасную в цензурном отношении). По словам Б. М. Маркевича, сообщившего об этом 8 апреля М. Н. Каткову, Некрасов должен был читать «новую свою вещь „Кто ныне счастлив на Руси?“, вещь тем более замечательную, что она написана в *хорошем*

духе» *(Теплинский М. В.* Н. А. Некрасов в апреле 1866 года. — РЛ, 1972, № 1, с. 103).

Печатание глав первой части Некрасов возобновил лишь через три года, и сразу подтвердились его давние опасения: даже глава «Поп» не прошла не замеченной цензурой.

В донесении цензора С.-Петербургского цензурного комитета Н. Е. Лебедева от 11 января 1869 г. говорилось: «В означенной поэме, подобно прочим своим произведениям, Некрасов остался верен своему направлению; в ней он старается представить мрачную и грустную сторону русского человека с его горем и материальными недостатками <...> В общем своем содержании и направлении означенная первая глава этой поэмы не заключает в себе ничего противного цензурным постановлениям, так как собственно сельское духовенство представляется униженным вследствие необразованности мужика, бедным вследствие окружающей его среды, которая сама ничего не имеет, так что в этой поэме выливается только гражданская скорбь на беспомощность сельского населения н его духовенства. Но тем не менее в ней встречаются три резкие по своему неприличию места, на которые цензор считает нужным обратить внимание комитета

с тем — не сочтет ли он нужным заявить об них Главному управлению по делам печати…» (ГМ, 1918, № 4–6, с. 84–85). Недопустимыми цензор посчитал высказывание о «жеребячьей породе» (ст. 586–589), уже смягченные Некрасовым строки о презрительном отношении народа к духовенству (ст. 596–603) и упоминание об «иудейском племени» помещиков (ст. 686–689).

В докладе того же цензора, составленном 26 ноября 1869 г. в ответ на запрос Главного управления по делам печати о направлении «Отечественных записок», отмечалось, что направление это «состоит в постоянной гражданской скорби о меньшей братии, т. е. о простолюдинах и о неимущих, с выставлением напоказ обществу тех язв, которые кроются, по мнению редакции, в современном административном и социальном порядке».

В этом докладе среди перечисленных «неблагонадежных» произведений фигурировали главы «Кому на Руси жить хорошо», напечатанные в январской и февральской книжках журнала, т. е. «Пролог», «Поп», «Сельская ярмонка», «Пьяная ночь». Цензор отмечал, что крестьянство изображено поэтом «в незавидном положении», а участь сельского попа — «в самых мрачных и

грустных красках, с его бедностью, отчуждением от общества и почти презрением со стороны окружающих» (там же, с. 86).

11 мая 1888 г. решением Московского цензурного комитета поэма Некрасова была исключена из сборника «Наши родные поэты», предназначенного для народного чтения (Центральный гос. архив Москвы, ф. 31, оп. 3, ед. хр. 2179).

Одним из первых на публикацию первой части поэмы отозвался член совета Главного управления по делам печати Ф. М. Толстой, наблюдавший за «Отечественными записками», — музыкальный критик, чьи статьи Некрасов вынужден был изредка помещать в журнале. В письме от 29 января 1869 г. он, отстаивая перед Некрасовым свои собственные авторские интересы (его музыкальное обозрение, сокращенное Некрасовым, было напечатано в той же книжке журнала, где опубликованы главы из «Кому на Руси жить хорошо»), тем не менее совершенно справедливо оценил одну из характерных поэтических особенностей поэмы — многократные повторения в тексте строк ее зачина («Роман сказал: помещику, Демьян сказал: чиновнику…»). Он отметил художественно-эстетическую оправданность этих повторений и писал по этому поводу: «Усердному

вычеркивателю могло бы показаться это повторение излишним, а между тем это не что иное, как усиление *аккорда* и развитие гармонии, т. е. прием, употребляемый во всех художественных музыкальных произведениях, что необходимо и в поэме, так как поэтическая форма, известная под названием поэмы, есть нечто среднее между музыкой и словом. В поэме сочетается *гармония звуков с мыслью;* и если нечуткий человек выкинет из нее хоть одну строку, то он может, и не догадываясь о том, нарушить весь гармонический строй» (ЛН, т. 51–52, с. 598). Через год Толстой снова напомнил Некрасову о его поэме и за несколько дней до публикации заключительных глав первой части («Счастливые» и «Помещик») отметил, что для него «весь интерес сосредоточен теперь на продолжении *поэмы* „Кому *вольготно* жить на Руси“» (12 февраля 1870 г. — там же, с. 604).

В это время Некрасов уже обдумывал план дальнейшей работы над поэмой. Сразу по завершении публикации первой части, 96 февраля 1870 г., он обратился к поэту А. М. Жемчужникову, рассчитывая получить поддержку своим творческим намерениям: «Напишите мне, пожалуйста, Ваше мнение о последних главах „Кому на Руси жить

хорошо“ во 2 № „От<ечественных> з<аписок>“. Продолжать ли эту штуку? Еще впереди две трети работы».

В ответном письме из Висбадена от 25 марта (6 апреля) Жемчужников с восторгом отозвался о напечатанных главах и горячо поддержал замысел Некрасова: «Две последние главы Вашей поэмы „Кому на Руси жить хорошо“ и в особенности „Помещик“ — превосходны. Поверьте, что я не желаю расточать перед Вами учтивости и комплименты. Вы желаете узнать мое мнение, и я сообщаю Вам его правдиво и серьезно. Эта поэма есть вещь капитальная и, по моему мнению, в числе Ваших произведений она занимает место в передовых рядах. Основная мысль очень счастливая; рама обширная, вроде рамы „Мертвых душ“. Вы можете поместить в ней очень много. *Продолжайте;* без всякого сомнения *продолжайте* И не торопитесь окончить, и не суживайте размеров поэмы. Как из Вашего вопроса: продолжать ли поэму, так и из разных других современных литературных признаков, я заключаю, что Вы не находите вокруг себя несомненной, энергичной поддержки. Не обращайте на это внимания и делайте свое дело <…> В первый раз я не мог прочесть всего без остановки, спокойно. Я несколько

раз вскакивал со стула и прерывал чтение в избытке удовольствия. Глава „Помещик“ мне понравилась особенно, как я уже сказал. Не буду перечислять тех мест в обеих главах, которые, по моему мнению, в особенности хороши, но укажу только на одно превосходное место; а именно на три стиха: *удар искросыпительный* и проч., именно потому, что я прочел неодобрительный отзыв об этих трех стихах. Рецензент высказал здесь, по моему убеждению, поразительное непонимание. Этот крепостнический пафос, до которого незаметно для самого себя дошел Ваш помещик; эта лирическая высота, на которой он очутился так неожиданно и так некстати и с которой, опомнившись, сейчас же поспешил сбежать вниз, — это великолепно!..» (ЛН, т. 51–52, с. 284).

О продолжении поэмы Жемчужников справлялся спустя некоторое время у М. Е. Салтыкова-Щедрина, который ответил ему 25 ноября 1870 г., что он уже «вопрошал Некрасова насчет продолжения „Кому на Руси“», но тот «только улыбается», и что «работа идет у него урывками» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 2, с. 58).

В отзывах прессы на первую часть поэмы, подчас пристрастных и несправедливых, отразилась сложная и противоречивая обстановка лите-

ратурной борьбы конца 1860-начала 1870-х гг., характеризовавшаяся заметным спадом теоретического уровня революционно-демократической мысли и усилением антидемократических и антиреалистических тенденций в литературной критике. В начале 1870-х гг. застрельщиком в нападках реакционно-охранительной критики на демократическую литературу и Некрасова выступил В. Г. Авсеенко. Поэму «Кому на Руси жить хорошо» он презрительно называл «длинной и водянистой вещью» (Очерки текущей литературы. — РМ, 1872, 13 мая, № 122; подпись: А. О.), со злорадством отмечая, будто «даже ревностнейшие друзья и поклонники г. Некрасова отнесли ее к числу неудачнейших произведений их любимого поэта» (РМ, 1873, 21 февр., № 49).

В рецензии на только что вышедшее отдельное издание «Стихотворений Н. Некрасова» 1873 г. (ч. 5), где все главы первой части поэмы впервые были напечатаны вместе, тот же критик заявлял, что поэзия Некрасова служит лишь отголоском «идей петербургского журнализма» и в изображении жизни слепо следует «quasi-народной литературе — литературе г. Решетникова, гг. Успенских и пр.» (Поэзия журнальных мотивов. Стихотворения Н. Некрасова. Часть пятая. С.-Петербург, 1873. — РВ,

1873, № 6, с. 908–909; подпись: А.).

К позиции Авсеенко тесно примыкал также критик «Нового времени» В. П. Буренин. Снисходительно он отнесся лишь к «Последышу», а главы первой части считал «слабыми и прозаичными в целом, беспрестанно отдающими пошлостью и только местами представляющими некоторые достоинства». Критик не понял и не принял оригинальность стихотворной формы поэмы, его возмущали «рубленые стихи», которые «режут ухо прозаичностью» (Журналистика. — СПбВ, 1873, 10 марта, № 68).

Другая часть критики в своих отзывах о первой части поэмы подошла к ее оценке более объективно. Обозреватель «Киевского телеграфа» в 1869 г. с неодобрением писал о разгоревшейся тогда кампании нападок на Некрасова, а поэму «Кому на Руси жить хорошо», публикация которой только начиналась, расценил как бесспорную творческую удачу поэта и как очевидное опровержение злопыхательских домыслов ряда фельетонистов.

Рецензент отмечал редкую правдивость изображения народной жизни в главе «Сельская ярмонка»: «…поэт перестал бы быть верным истине, потому что светлые явления в простонародье чрезвычайно редки, а поэзия, по справедливому

выражению одного нашего писателя, заключается в *правде жизни* <…> мы в настоящее время не можем найти никого, заслуживающего больше прав называться поэтом, кроме Некрасова, поэтом — в том значении, в котором мы понимаем это слово». Далее автор рецензии приводил отрывки из речи Якима Нагого и по этому поводу писал: «Сколько здравого смысла и жизненной правды заключается в этих немногих словах и сколько снисходительности и сочувствия могут вселить эти строки к простому и незатейливому горю крестьянина, которое, однако, вследствие его невежества, находит исход только в пьянстве <…> Даже немногих строк, выписанных нами, достаточно для того, чтобы читатель мог видеть, как Некрасов в последнем своем произведении остался верен всегдашней своей идее: возбуждать сочувствие высших классов к простому люду, его нуждам и потребностям» *(Белинский М.* «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова («Отечественные записки» 1867 года). — Киевский телеграф, 1869, 19 мая, № 57).

Положительной оценкой была также встречена публикация глав «Счастливые» и «Помещик». Правда, критика не сумела в достаточной мере оценить своеобразие «открытой» композиции

поэмы, не уловила внутренней связи отдельных сцен, внешне между собой не связанных. Художественно оправданную свободу организации поэтического материала один из рецензентов расценил как недостаток произведения: «Поэма эта несколько растянута, в ней вы встречаете многие сцены совершенно излишние, мешающие общему впечатлению, напрасно утомляющие читателя и тем немало вредящие цельности впечатления. Но при всем том поэма Некрасова имеет неотъемлемые достоинства; в ней столько чувства, столько глубокого понимания жизни, что как-то невольно забываются, изглаживаются все мелкие недостатки. Многие сцены этой поэмы прочувствованы и выражены так ярко и сильно, что невольно пробегаешь их по несколько раз и чем больше вчитываешься в них, тем прекраснее они кажутся…» (Русская журналистика. — Новое время, 1870, 22 апр., № 109; подпись: Л. Л.).

В отзыве на публикацию глав первой части поэмы в отдельном издании «Стихотворений Н. Некрасова» 1873 г. (ч. 5), где были помещены также стихотворения «Дедушка Мазай и зайцы» и поэмы «Дедушка», «Недавнее время», «Русские женщины», анонимный автор рецензии отмечал: «Во всех них, в разных местах, заметно довольно

искреннее чувство симпатии к простому человеку, видна любовь к „несчастному русскому народу“ и сочувствие поэта его страданиям» («Стихотворения Н. Некрасова. Часть пятая. С.-Петербург, 1873».-Сияние, 1873, № 17, с. 271).

Автор труда, посвященного изображению русского духовенства в художественной литературе (им являлся, видимо, Н. И. Варсов), в своей статье подробно рассматривал главу «Поп», о которой писал: «Довольно сочувственно, хотя и не без обычного юмора, отнесся к сельскому священнику наш присяжный печальник народных нужд и народного горя <…> Но, верный действительности, поэт не хочет оставить священника с этими одними — идеальными — чертами, не может утерпеть, чтобы не бросить несколько штрихов юмористического и сатирического свойства». Автор обзора обращал внимание читателя на близость приведенных в поэме насмешливо-презрительных отзывов о духовном сословии (замечания о «жеребячьей» породе и т. д.) известным строкам письма Белинского к Гоголю: «„Поп“ поэмы буквально повторяет те прозвища, какие, по словам критика, усвояет священнику народ» (Мнения и отзывы нашей светской литературы о русском духовенстве. — Христианское чтение,

1874, март, отдел «Внутреннее обозрение», с. 494, 497–498; подпись: Н. В.).

С выходом каждой новой главы известность поэмы в читательских кругах заметно росла. В связи с публикацией «Крестьянки» в январском номере «Отечественных записок» за 1874 г. даже официозная газета «Journal de St.-Petersbourg» сочла необходимым ознакомить публику с поэмой и напомнить содержание предыдущих глав. Автор обозрения русских журналов писал, что поэма «Кому на Руси жить хорошо» — «обширное произведение, начатое г. Некрасовым несколько лет назад, первая часть которого наделала в свое время много шума». По словам рецензента, поэма «представляет, собой довольно фантастическую эпопею» и «является бесспорно ценнейшим вкладом в русскую поэзию» (Journal de St.-Petersbourg, 1874, 27 janv., № 25).

В одном из критических разборов, посвященных Ст 1873, т. III, ч. 5, обозреватель особо выделил из числа произведений Некрасова о народе поэму «Кому на Руси жить хорошо», о которой писал: «…эта по силе гения, по массе жизни, в нее заключенной, небывалая в литературе ни одного народа поэма…» *(Григорьев П.* Новая поэзия. Стихотворения Некрасова. III тома. Издания 1873

года. — Библиотека дешевая и общедоступная, 1875, № 4, с. 5 третьей пагинации).

В 1870-1880-х гг. деятели революционного народничества широко использовали поэму в своей агитационной работе; отрывки из нее постоянно включались в состав нелегальных изданий.

Большой фрагмент из главы «Пьяная ночь» под заглавием «Ночь после праздника» с текстом зажигательной речи Якима Нагого был напечатан в «Сборнике новых песен и стихов», изданном в 1873 г. в Женеве кружком «чайковцев» и снабженном обманными пометами об издании книги в Москве и о цензурном разрешении. Этот нелегальный сборник в течение ряда лет распространялся в народе участниками нашумевшего вскоре «процесса пятидесяти» (в том числе известными революционерами П. А. Алексеевым и С. И. Бардиной), а также участниками судебного дела о «Южнорусском рабочем союзе».

В тексте этого сборника в отрывке о «трех дольщиках» впервые печатно был воспроизведен ст. 1490 (правда, в несколько измененном варианте: «Царь, поп и господин!»), имевшийся только з черновой и наборной рукописях поэмы и исключенный Некрасовым при публикации главы по цензурным соображениям (см. об этом в статье

А. М. Гаркави «Поэма Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“ и революционное движение 1870-х годов», напечатанной в кн.: Истоки, с. 24–26).

В следственных делах участников «хождения в народ» фигурировали в качестве вещественных доказательств антиправительственной деятельности списки с текстами из глав «Сельская ярмонка» и «Пьяная ночь» (см.: *Пинаев М. Т.* Поэзия Некрасова в следственных делах революционных народников 70-х годов XIX в. — Некр. сб., V, с. 256–257).

У петербургского слесаря И. И. Медведева, члена кружка «чайковцев», жандармами была отобрана тетрадь с отрывками из глав «Сельская ярмонка» и «Пьяная ночь» под названием «Ярмарка». В отрывке, начинающемся словами «Эх! эх! придет ли времечка», после имен «Белинского и Гоголя» в тексте списка находим имена популярных в то время в среде народнической интеллигенции публицистов «Флеровского и Миртова», т. е. В. В. Берви-Флеровского и П. Л. Лаврова (см.: *Пищулин Ю. П.* Поэзия Н. А. Некрасова в революционно-народническом движении 1870-х годов. — РЛ, 1971, № 4, с. 75–76).

Народовольцы 1880-х гг. также использовали текст первой части поэмы в своей пропаган-

дистской деятельности. В чернопередельческом издании для рабочих (Зерно, 1881, № 6, ноябрь) снова был перепечатан монолог Якима Нагого и опять со строкой о «трех дольщиках», которая отсутствовала во всех легальных изданиях поэмы (см.: *Пищулин Ю.* Поэзия Некрасова и «Народная воля». — Некр. сб., V, с. 295–296).

Народоволец М. П. Орлов впоследствии вспоминал, что из всех произведений Некрасова, которые читал тогда местным крестьян нам его товарищ Н. Л. Зотов, им особенно нравилась поэма «Кому на Руси жить хороша». Спустя некоторое время эти крестьяне, будучи на сенокосе, прислали на село к Зотову записку. «На клочке махорочной бумаги какими-то бледно-желтыми чернилами, очень неразборчиво, было написано: „Н. Л., пришлите, пожалуйста. Подтянутой губернии, страсть хочется почитать“. Мы полюбопытствовали узнать, какими чернилами и пером была написана записка. Оказалось, что мужик расцарапал себе ногу до крови и какой-то палочкой написал этой кровью свою просьбу» *(Орлов М. П.* Воспоминания о Н. Л. Зотове. — Каторга и ссылка, 1929, № 8–9, с. 264). Точно неизвестно, какая именно часть поэмы пришлась так по душе крестьянам, однако запомнившееся им название

«Подтянутая губерния» скорее всего указывает на первую часть, в тексте которой эта поэтическая формула повторена трижды: «Семь временно обязанных, Подтянутой губернии. Уезда Терпигорева, Пустопорожней волости, Из смежных деревень».

Участники революционного движения 1870-1880-х гг., шедшие «в народ» и воодушевленные поэмой Некрасова, много сделали для ее популярности в массах, для того, чтобы она стала действительно «народной книгой», как об этом мечтал ее автор.

Пролог

Семь временнообязанных… — Согласно «Положениям» о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, утвержденным 19 февраля 1861 г., крестьяне после отмены крепостного права обязывались нести определенные повинности в пользу своих бывших владельцев и считались «временнообязанными» до момента выкупа земли, после чего переходили в разряд «крестьян-собственников». Этот процесс всецело зависел от воли помещиков и затянулся более чем на 20 лет. «Пресловутое „освобождение“, — писал В. И. Ленин, — было бессовестнейшим грабежом

крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними» *(Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 173).

Подтянутой губернии ~ Неурожайка тож… — Давно отмечено (см.: *Кубиков И. Н.* Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1933, с. 13), что поэтика географических названий имеет в эпопее Некрасова социальный смысл. Но при всей публицистической заостренности названия эти созданы по типу реально существовавших. Так, в Ярославской губернии можно было встретить деревни Горелово, Погорелово, Пожарово, Гари, Горелки, более пяти Погорелок, Голодухино, Дымоглотово. В справочнике Нижегородской губернии (за 1863 год) указаны и описаны деревни Горелова, Заплатино, Дырино, Несытово. См. об этом: *Яковлев К. Ф.* От конкретных фактов — к художественному обобщению. — В кн.: О Некр., вып. I, с. 236–249; *Краснов Т. В,* Изображение народа в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» — там же, с. 106–108; *Розанова Л. А.* Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий. Л., 1970, с. 49–50. «По-видимому, как раз обилие деревень с такими названиями, особенно плотно сосредоточенных по Волге, и подсказало Некрасову путь

социальной символической характеристики пореформенной Руси» *(Яковлев К. Ф.* Указ. соч., с. 246). Этот прием мог быть подсказан также и фольклором, в частности поговорками. В «Пословицах русского народа» В. И. Даля, в разделе «Достаток — убожество», приведена поговорка: «Обыватель Голодалкиной волости, села Обнищухина» (Даль, с. 66). Аналогичная поговорка («Голодухиной волости села Обнищухина») внесена в «Список пословиц и поговорок» В. А. Слепцовым (ЛН, т. 71, с. 433).

Сошлися — и заспорили… — Еще в 1878 г. О. Ф. Миллер (см.: *Миллер О.* Публичные лекции. Изд. 2-е, СПб., 1878, с. 332–337) обратил внимание на близость «Пролога» поэмы к сказке о Правде и Кривде, где мужики, заспорив, чем лучше жить, правдой или кривдой, в поисках ответа отправляются на дорогу спрашивать встречных. Эта сказка была напечатана в сборнике А. Н. Афанасьева, к которому Некрасов обращался во время работы над поэмой «Мороз, Красный нос». Вероятно, ориентация Некрасова на этот сказочный сюжет имела следствием привлечение в поэму и других фольклорных элементов. Так, с нормами сказочной поэтики связаны зачин поэмы («В каком году — рассчитывай, В какой земле — угадывай»),

формулы типа «Шли долго ли, коротко ли…,», широкое использование эпического числа «семь»; из народных сказок пришли в поэму говорящая птичка, скатерть-самобранка, мотивы отыскивания волшебной коробочки, интереса животных к спору мужиков.

Мужик, что бык: втемяшится ~ Всяк на своем стоит! — Стихи представляют собой контаминацию пословиц и поговорок: «Мужик, что бык, — упрется, не своротишь» (см.: Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960, с. 187), «У упрямого на голове хоть кол теши!», «Хоть кол на голове теши — он все свое», «Ему в башку этого не вдолбишь (и клином не вобьешь),» (Даль, с. 205, 206, 488).

Ой тени! тени черные! ~ Нельзя поймать — обнять! — Стихи основаны на народных загадках про тень: «Что с земли не подымешь?», «Что глазами видеть можно, а руками взять нельзя?», «Чего не догонишь?» (Садовников, № 1884, 1885, 1887).

Ну! леший шутку славную Над нами подшутил! — Ср. народное поверье: заблудился — значит леший закружил. У Даля: «Леший пошутит — домой не пустит» (с. 969).

Косушка — полбутылки, или четверть штофа,

сороковая часть ведра.

А эхо вторит всем, ~ Без языка — кричит! — Художественная переработка народной загадки про эхо (отголосок): «Живет без тела, говорит без языка, плачет без души, смеется без радости; никто его не видит, а всяк слышит» (Даль, с. 1063).

Сова — замоскворецкая Княгиня… — традиционно-поэтический образ, характерный для былин-старин (например, «Каково птицам жить на море»), где встречается аллегорическое уподобление представителей различных социальных групп и сословий птицам: княгиня — лебедушка, купецкая женка — утушка, воевода — орел, воеводша — сова, игумен — ворон, стряпчий — ястреб, холопы — воробьи и т. п. Замоскворечье — чисто купеческая часть старой Москвы, отличавшаяся своеобразием жизненных нравов и бытового уклада. Замоскворецкая княгиня — купчиха.

И молвил: «Пташка малая, А ноготок востер!» — Перефразировка народной пословицы «Невеличка птичка, да ноготок остер» (Даль, с. 593).

Глава 1. Поп

Широкая дороженька, Березками обставлена… — В описании «дороженьки», с которой

начинается странствие семерых мужиков, запечатлены приметы хорошо знакомого Некрасову с детства, проходившего через Грешнево столбового почтового тракта — так называемой «низовой» Ярославско-Костромской дороги. В названиях упомянутых в первой части поэмы деревень (Иваньково, Босово и др.) узнаются действительные наименования известных Некрасову деревень и сел (см.: *Попов А. В.* Топография поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Н. А. Некрасов и Ярославский край. Ярославль, 1952; *Тарасов А. Ф.* О местных источниках поэмы. — В кн.: Истоки).

Пришла весна — сказался снег! ~ Когда умрет, тогда ревет. — В основе этого образа лежит народная загадка про снег: «Летит — молчит, сядет — молчит, а помрет да сгинет, так и заревет» (Даль, с. 1064) или «Летит — молчит, лежит — молчит, Когда умрет, тогда заревет» (Садовников, № 1964).

…строит вас Не лишняя копеечка, А кровная беда!.. — Смысл намека на «кровную беду» яснее раскрыт в тексте черновой рукописи, где далее следовали строки: «Ой вы! пожары лютые; Что вы пустили на ветер Крестьянского труда…» (см.: Другие редакции и варианты, с. 259). О частых

деревенских пожарах, разорявших крестьян, см. главы «Пьяная ночь», «Пир на весь мир», а также стихотворения Некрасова «Деревенские новости», «Пожарище», «Ночлеги. II. На погорелом месте» (см.: наст. изд., т. II, с. 95, 160, т. III, с. 159).

Солдаты шилом бреются, Солдаты дымом греются… — народная пословица. Ср. у Даля: «Солдат шилом бреется, дымом греется» (с. 784).

Лука похож на мельницу со Небось, не полетит. — Творческая переработка народной загадки про мельницу: «Птица-юстрица на девяти ногах стоит, на ветер глядит, крыльями машет, а улететь не может» (Садовников, № 1117); «Птица-юстрица на ветер глядит, крыльями машет, сама ни с места» (Даль, с. 591). Сравнение Луки с мельницей перенесено Некрасовым в главу «Поп» из ранней редакции главы «Помещик», где оно встречается не в авторской речи, а в речи самих мужиков и адресовано не Луке, а Роману.

Живу… а как? Послушайте! — Одним из источников сведений о незавидной жизни рядового сельского священника Некрасову могла послужить запрещенная, но получившая широкую известность в России книга И. С. Беллюстина «Описание сельского духовенства» (Париж, 1858).

Как достается грамота Поповскому сынку… — Обучение в духовных училищах и семинариях было основано на муштре и бессмысленной зубрежке, режим был очень суровым, провинившихся подвергали телесным наказаниям. Об истязаниях бурсаков Некрасов упоминал ранее в стихотворной пьесе «Забракованные» (1859; наст. изд., т. VI). В 1860-х гг. на невыносимо тяжелое положение обучающихся в бурсе указывали И. С. Никитин («Дневник семинариста»), Д. И. Писарев («Погибшие и погибающие»), Н. Г. Помяловский («Очерки бурсы»). О последней книге, появление которой стало значительным событием, упоминается в набросках к главе «Пир на весь мир» (см.: Другие редакции и варианты, с. 515; ср. в той же главе строки 1430–1441, 1519–1520 о пребывании в семинарии Гриши Добросклонова — наст. том, с. 225, 227).

Какой ценой поповичем Священство покупается… — До 1869 г. существовало правило, по которому место священника передавалось окончившему семинарию претенденту только в том случае, если он женился на дочери или наследнице своего предшественника.

Кого вы называете Породой жеребячьею? — О насмешливо-презрительном отношении русско-

го народа к духовенству говорил В. Г. Белинский в известном «Письме к Гоголю»: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: *дурья порода, колуханы, жеребцы?* — Попов…,» (Белинский, т. X, с. 215).

С кем встречи вы боитеся, Идя путем-дорогою? — Ср. народное поверье: «Встретил попа — нехорош выход» (Даль, с. 53).

Смеется солнце красное, Как девка из снопов. — Художественная переработка народной загадки про солнце: «Красная девушка в окошко глядит» (Даль, с. 1061).

Как племя иудейское, Рассеялись помещики… — Намек на расселение еврейского народа по многим странам Европы, Азии и Америки.

Законы, прежде строгие К раскольникам, смягчилися… — Члены религиозных сект, не признававших учения официальной церкви, подвергались жестоким притеснениям со стороны правительства и находились под надзором местного духовенства, которое смотрело на них как на весьма доходную статью. С 1864 г. надзор за раскольниками был передан гражданским властям и их положение стало улучшаться.

Никто не вышьет воздухов… — Воздухи — лег-

кие вышитые покрывала, употреблявшиеся для покрытия «святых даров» при совершении церковных обрядов.

За *требу воздаяние...* — Речь идет о плате священнику за обряды и молебствия, совершаемые по просьбе прихожан: крещение, венчание, отпевание, освящение дома, колодца и т. п.

Дворяне колокольные ~ Поповы терема... — В основе образа — народные речения и поговорки о попах, например: «Из высоких дворян, чьи терема под небеса ушли», «Из колокольных дворян» (Даль, с. 782).

Так с бородой козел ~ И посейчас козел!.. — Контаминация народных загадок про козла («Кто с бородой роднялся?» — Садовников, № 899) н барана («Кто прежде родился: баржа или Адам?» — Садовников, № 2210).

Глава 2. Сельская ярмонка

А тут — хоть волком вой! — Ср. народные поговорки: «Хоть песни пой, хоть волком вой», «Хоть волком выть» (Даль, с. 86. 132).

Земля не одевается ~ Печальна и нага. — Художественная переработка образа, взятого из народной загадки: «Ни хилела, ни болела, а саван надела (земля, снег)» (Даль, с. 1064).

Лишь на Николу вешнего… — Весенний Николин день праздновался 9 мая ст. стиля (Никола зимний — 6 декабря). В пословицах говорилось: «Два Николы: один с травой, другой с моровом», «Никола зимний лошадь на двор загонит, Никола вешний лошадь откормит» (Даль, с. 898, 983).

Замок — собачка верная ~ А не пускает в дом! — Ср. народную загадку про замок: «Черненькая собачка свернувшись лежит: не лает, не кусает, а в дом не пускает» (Даль, с. 656).

Плот ходит ходенем — народный фразеологизм. У Даля: «Так ходенем и ходит» (с. 115).

И праздник храмовой. — Храмовой праздник — местный церковный праздник в день памяти того святого, в честь которого построен в данном селе храм.

«Пойдем в село Кузьминское. Посмотрим праздник-ярмонку!» — В описании ярмарки отразились впечатления Некрасова от посещения Нижегородской ярмарки в 1863 г., а также других ярмарок в Ярославской и соседних с ней губерниях.

Шлык — остроконечная шапка.

Штофная лавочка — питейная. Штоф — четырехугольная бутыль, емкостью равная 1/10 части ведра.

…«ренскового погреба»… — Имеется в виду

лавка русских и иностранных («рейнских») виноградных вин с продажей на вынос.

Подол не *обручах!* — Так названа имитация кринолина, модного в 1860-х гг.: в пышную юбку для поддержания ее формы вшивали полосы из китового уса (или металла).

Стоит до Петрова! — В Петров день (29 июня ст. стиля) праздновались проводы весны. С этого дня наступало «красное лето» и начинался покос. «На Петров день солнышко играет», «С Петрова дня красное лето, зеленый покос» (Даль, с. 987).

Косуля — соха с одним лемехом, отваливающая землю только на одну сторону.

Там шла торговля бойкая, С божбою, с *прибаутками…* — Ср. народную поговорку: «Без божбы не продашь» (Даль, с. 572).

«Подлец ты, не топор! со *А ласков не бывал!»* — В этих стихах использована народная загадка про топор: «Кланяется, кланяется: придет домой, растянется» (Даль, с. 589).

Изделье кимряков. — Село Кимры Тверской губернии издавна славилось кустарным кожевенно-обувным промыслом.

Павлуша Веретенников… — Образ этого «народного заступника» из дворян носит обобщающий характер и в то же время вызывает ассоциации

с реальными деятелями демократического движения 1860-х гг., прежде всего с известными фольклористами и этнографами Павлом Якушкиным и Павлом Рыбниковым. Это сходство проступало в первоначальной редакции эпизода (см.: Другие редакции и варианты, с. 285, 298) еще отчетливее: там «добрый барин» прямо назван Рыбниковым. Высказывалось предположение, что в окончательной редакции текста Некрасов воспользовался фамилией журналиста П. Ф. Веретенникова, посещавшего несколько лет подряд Нижегородскую ярмарку и известного своими публикациями-отчетами о ней в «Московских ведомостях» (см.: *Лебедев Ю. В.* Об истоках образа Павлуши Веретенникова в поэме «Кому на Руси жить хорошо». — Некр. сб., VII, с. 133–134).

Так рады, словно каждого Он подарил рублем! — Ср. народные поговорки: «Что слово молвит, то рублем подарит», «Что взглянет, рублем подарит» (Даль, с. 445, 827).

С Лубянки — первый вор! — В Москве, вблизи Лубянской площади и Никольской улицы, находился Никольский книжный рынок — центр сбыта лубочных книг и картинок, где офени и коробейники покупали у купцов товар оптом.

Блюхер Г.-Л. (1742–1819) — прусский генерал-

фельдмаршал, отличившийся в сражении при Ватерлоо в 1815 г.: своими решительными действиями, способствовал окончательной победе союзных армий над войсками Наполеона. Портрет Блюхера распространялся в виде лубочных картинок (см.: *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки, т. II. СПб., 1900, с. 459).

Архимандрит Фотий (1792–1838) — настоятель новгородского Юрьева монастыря, ханжа и религиозный фанатик, имевший значительное влияние на Александра I.

Разбойник Сипко — ловкий авантюрист, один из членов шайки, занимавшейся подделкой денежных документов. Выдавая себя то за австрийского графа Мошинского, то за подпоручика Скорнякова, то за богатого каменец-подольского помещика и капитана в отставке И. А. Сипко, он в 1859 г. обосновался в Петербурге, затем женился на дочери тверской помещицы и выманил у жены капитал. В марте 1860 г. был арестован. Похождения «героя-мошенника» возбудили любопытство петербургской публики, которая толпами стекалась к зданию, где велись допросы. «Дело Сипко» широко освещалось в печати. В журнале «Современник» о нем писал И. И. Панаев в фельетонах «Петербургская жизнь. Заметки

Нового Поэта» (1860, № 3 и 5). Вскоре вышла в свет книжке «Мнимый капитан Сипко» (СПб., 1860).

…книги: «Шут Балакирев» и «Английский милорд»… — *И.* А. Балакиреву (1699–1763), приближенному слуге Петра I, при императрице Анне Иоанновне произведенному в шуты, приписывали многочисленные остроумные выходки и смелые шутки. В 1836 г. вышла в свет изданная К. А. Полевым книга «Полные избранные анекдоты о придворном шуте Балакиреве, любимце Петра I», содержавшая разнообразные истории и остроты, в большинстве своем переводные, но приспособленные к русскому быту и нравам петровского времени. Через некоторое время книжный рынок оказался наводненным дешевыми изданиями «Анекдотов о Балакиреве», рассчитанными на невзыскательный вкус малокультурного читателя.

Книга Матвея Комарова «Повесть о приключении аглицского милорда Георга и о брандебургской маркграфине Фридерике Луизе» вышла в свет в 1782 г., а затем многократно появлялась на книжном рынке в качестве лубочного издания.

Эх! эх! придет ли времечко… — Эти строки о «желанном времечке» цитировал в 1912 г. В. И. Ленин в статье «Еще один поход на демократию». Говоря

о широком распространении в народе в период русской революции 1905 г. демократической литературы, Ленин писал: «Демократическая книжка стала *базарным* продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана сплошь эта новая базарная литература…» (*Ленин В. И.* Полн. собр. *соч.*, т. 22, с. 83). В рукописи Некрасова рядом с именами Белинского и Гоголя стояло также имя Пушкина (см.: Другие редакции и варианты, с. 287).

«И рад бы в рай, да дверь-то где?» — Перефразировка народной пословицы: «Рад бы в рай, да грехи не пускают» (Даль, с. 918).

Комедию с Петрушкою, С козою с барабанщицей… — Непременной принадлежностью ярмарок и народных гуляний в России в середине XIX в. были кукольные представления («Петрушка») и медвежья потеха, обязательным персонажем которой была коза-барабанщица (ряженый). «Коза» била в ложки или в барабан, что сопровождалось забавными, нередко сатирическими рифмованными пояснениями раешного «деда» или вожака дрессированных животных (см.: *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки, т. II, с. 360–365, а

также: *Савушкина Н. И.* Русский народный театр. М, 1976, с. 124–125).

Хожалому, квартальному Не в бровь, а прямо в глаз! — Ср. народную поговорку: «Не в бровь, а прямо в глаз» (Даль, с. 132). Хожалый — рассыльный при полиции.

Глава 3. Пьяная ночь

Этапное здание — дом для ночлега арестантов, которых партиями доставляли под конвоем к месту ссылки «по этапу», от одного пункта к другому.

Победные головушки — горемычные, несчастные претерпевшие много бед.

Ночь тихая спускается ~ Ни глупым не прочесть. — Художественная переработка народной загадки про небо и звезды: «Написана грамотка По синему бархату, И не про честь этой грамотки Ни попам, ни дьякам, Ни умным мужикам» (Садовников, № 1852).

Куда же ты, Оленушка? ~ Погладить не делась! — Стихи построены на контаминации народных загадок про блоху: «Мала, а проворна; Где бывает — Там повелевает...» и «Пои корми, а погладить не дается» (Садовников, № 1678 о, 1681 а).

«Добра ты, царска грамота, Да не при нас ты писана...» — «Манифест» 19 февраля 1861 г. даровал прежним крепостным крестьянам «права состояния свободных сельских обывателей», но одновременно крестьянство было отнесено к «податному сословию» и его зависимость от помещиков не уничтожалась. Уставные грамоты, введенные в действие по «Положениям» 19 февраля 1861 г. и определявшие размер земельного участка и повинности крестьян, составлялись самими помещиками под наблюдением мировых посредников из числа местных дворян. Крестьяне отказывались подписывать такие грамоты, отвечали на них массовыми волнениями. Критическое отношение народа к официальны. документам, «грамотам» (грамота — «всякое царское письмо, писание владетельной особы» — Даль, Словарь, т. 1, с. 400) нашло отражение в пословице «При нас читано, да не при нас писано (там же, т. III, с. 398).

Акцизные чиновники... — В губерниях и уездах имелись акцизные управления, которые осуществляли надзор за продажей спиртных напитков, отвечали за сбор питейного и некоторых других налогов.

И веник дрянь, Иван Ильич ~ Куда как напылит!»

— В основе этой сентенции, содержащей, видимо, оценку той же «царской грамоты», лежит народная загадка про веник: «Ни велик мужичок, Ножки жиденьки, Подпоясан коротенько, А по избе пройдет — Так пыль столбом» (Садовников, № 300 а).

Сотский — низший чин сельской полиции; выбирался на сельских сходках от каждых ста дворов и находился в подчинении станового пристава, в руках которого была сосредоточена местная полицейская власть.

Не веретенце, друг! ~ Пузатее становится. — Перефразировка народной загадки про веретено: «Чем больше я верчусь, Тем больше я толстею» (Садовников, № 576).

«Умны крестьяне русские, Одно нехорошо, что пьют до одурения... — Проблема народного пьянства широко обсуждалась в публицистике 1860-х гг. В противоположность либеральной версии, утверждавшей, что бедность народная есть следствие пьянства *(Халютин Л.* Мысли о возможности улучшения быта и нравственности низшего сословия в России посредством уничтожения винокурения из хлеба. — С, 1859, № 7; *Шипов С.* О трезвости в России. СПб., 1859 и др.), революционеры-демократы считали, что не

бедность есть следствие пьянства, а, наоборот, что у крестьян „нет другого выхода, как затопить свою тоску в вине…“; что пьянство — зло, но для устранения его нужно изменить „условия быта низших классов“ *(Добролюбов Н. А.* О трезвости в России. Соч. Сергея Шипова. СПб., 1859. — Добролюбов, т. V, с. 297; *Чернышевский Н. Г.* Вредная добродетель, — Чернышевский, т. V, с. 571–575). В речи Якима Нагого отчетливо выражена гражданская позиция Некрасова, подошедшего в главе „Пьяная ночь“ к острой и злободневной проблеме с позиций, близких революционерам-демократам. Вопрос о народной трезвости и пьянстве продолжал широко освещаться и позднее — в статьях и очерках Г. З. Елисеева, Ф. П. Еленева-Скалдина („В захолустье и в столице“), привлекая к себе пристальное внимание современников (см.: *Гин М.* От факт» к образу и сюжету. О поэзии Н. А. Некрасова. М., 1971, с. 68–71),

Весь век пила железная Жует, а есть не ест! — В основе образа — народная загадка про пилу: «Скоро ест и мелко жует, сама не глотает и другим не дает» (Даль, с. 589).

Да брюхо-то не зеркало… — Ср. народную пословицу: «Брюхо не зеркало: что попало в него, то и чисто» (Даль, с. 639).

А есть еще губитель-тать ~ Всё слопает один! — Намек на частые пожары в деревнях, разорявшие крестьян; тать — вор, злодей, грабитель.

Иной угодья меряет ~ По пальцам перечтет… — Проведение реформы 1861 г. сопровождалось деятельностью многих специальных комитетов по сбору самых разнообразных статистических материалов.

Зажорины — рытвины и ложбины, образовавшиеся на местах скопления талой весенней воды.

Плетюха — высокая плетеная корзина для травы или сена.

Как липочка ободранный… — народный фразеологизм. У Даля: «Облупили как липку» (с. 133).

Рука — кора древесная, А волосы — песок. — Создавая портрет Якима Нагого, Некрасов шел от народного творчества: в духовном стихе «О Егории Хоробром» устойчиво повторяется образ, выражающий мысль о слитности человека с природой («Волоса у них яко кавыл трава, Тело на них — кора яловая» (вариант: «кора дубовая») — *Безсонов П. А.* Калики перехожие, вып. II. М., 1861, с. 464, 421 и др.). С. А. Есенин цитирует вариант этого духовного стиха: «У них волосы — трава,

Телеса — кора древесная» *(Есенин С. А.* Собр. соч. в 6-ти т., т. V. М., 1979, с 170).

А свиньи ходят п_о_ земи — Не видят неба век!.. — Перефразировка народной загадки про свинью: «По земле ходит, Неба не видит» (Садовников, № 881).

Привстал — и *бабу за косу, Как редьку* за *вихор!* — В основе стиха — загадка про редьку: «Кто ни подошел — всяк меня за вихор» (Даль, с. 1069).

Иван кричит: «Я спать хочу» ~ А Марьюшка: «Угреемся!» — фрагмент свадебной величальной песни. Близкий некрасовскому текст песни опубликован в 1861 г. в «Тульских губернских ведомостях» (перепечатан в «Этнографическом сборнике», вып. VI. СПб., 1864, № 8, с. 12). Возможно, что Некрасов слышал и другой, идентичный введенному в поэму вариант этой песни.

Глава 4. Счастливые

Пажити — пастбища (устар.), здесь: земельные угодья.

Весь вертоград Христов! — здесь: весь божий мир (вертоград — сад; вертоград Христов — рай).

Каменотес-олончанин... — Многие жители Олонецкой губернии (район Онежского озера), богатой залежами мрамора, песчаника, извест-

няка, занимались добычей и обработкой камня.

Не узнаю я Трифона! — Ниже (ст. 1860) тот же каменщик назван Трофимом.

Пеуны — петухи.

Трюфель — род подземных грибов, употреблявшихся в качестве приправы к изысканным блюдам.

Кострика (костра, костерь) — отходы при трепке льна, конопли, а также род полукормовой травы.

Досыта у Губонина… — П. И. Губонин (1827–1894) — крупнейший подрядчик, сын крепостного крестьянина-каменщика, в 1858 г. приписался к московскому купечеству и быстро разбогател, занявшись постройкой шоссейных и железных дорог. Он старался поддерживать репутацию человека, участливого к бедному люду (пожертвования, участие во многих благотворительных обществах). В 1868 г. добился звания потомственного почетного гражданина, а в 1875 г. был возведен в потомственное дворянство.

А вам бы, други милые, Спросить Ермилу Гирина… — Образ честного и неподкупного «заступника народного» Ермила Гирина и рассказ об Адовщине навеяны воспоминаниями Некрасова о его давней поездке в село Фоминка Влади-

мирской губернии — некогда вотчину князей Одоевских (называвшуюся также Одоевщиной, а по меткому крестьянскому словоупотреблению — «Адовщиной»), в то время уже имение графини О. А. Орловой, супруги генерал-адъютанта А. Ф. Орлова. Имением по доверенности управлял крестьянин Алексей Дементьевич Потанин (1797–1853), отличавшийся необычайной честностью и справедливостью и отменивший однажды решение односельчан сдать в рекруты вместо его сына вне очереди сына вдовы-крестьянки (см.: *Некрасов Н. К.* По их следам, по их дорогам. Н. А. Некрасов и его герои. Изд. 2-е. М., 1979, с. 158–161). «Адовщину» и бурмистра-правдолюбца Потанина Некрасов уже описывал в повести «Тонкий человек», отметив в подстрочном примечании, что «факт этот не сочинен» (ПСС, т. VI, с. 376). В ранней редакции главы сохранилось упоминание, что Гирии (как и Потанин) жил под Владимиром (см.: Другие редакции и варианты, с. 321). Однако вместо черт смирения и покорности Некрасов в образе Гирина выдвигает на первый план твердость и скрытое бунтарство.

…сиротскую Держал Ермило мельницу На Унже. — Т. е. мельницу, сданную в аренду Сиротским судом, ведавшим делами опеки и попечи-

тельства. *Унжа* — река в Костромской губернии, приток Волги.

В палату на торги. — Казенная палата находилась в губернском городе и состояла в ведении министерства финансов; одно из наиболее бюрократических учреждений царской России, В котором процветало взяточничество. Наряду с другими делами, казенная палата устраивала публичные торги, на которых вещь доставалась лицу, объявившему наивысшую сумму. Переторжка — вторичные торги, когда устанавливалась окончательная цена.

Присутствие — правительственное учреждение (в данном случае — Казенная палата), а также исполнение служебных обязанностей в нем.

На площадь на торговую Пришел Ермило… — Сцена на базарной площади и рассказ о «щедроте народной», как отметил К. И. Чуковский, основаны на подлинной, происшедшей с нижегородским купцом П. Е. Бугровым истории, описанной П. И. Мельниковым-Печерским в «Отчете о современном положении раскола» (1854) и впоследствии использованной им в романе «В лесах», гл. 1 (см.: ПСС, т. III, с. 658).

Целковиков, лобанчиков… — Целковик — рубль; лобанчик — пятирублевая золотая монета с изоб-

ражением головы царя, полуимпериал.

Не волчий зуб, так лисий хвост… — Ср. народную поговорку: «И волчий рот (зубы), и лисий хвост» (Даль, с. 726).

Тот ни строки без трешника, Ни слова без семишника… — Трешник — копейка серебром (три с половиной копейки в переводе на бумажные ассигнации); семишник — двухкопеечная монета (семь копеек на ассигнации).

Кутейник (от слова «кутья») — насмешливое прозвище семинаристов и вообще лиц духовного звания. Кутья — блюдо (рис с изюмом или медом), которое подавалось на поминках; традиционная символическая деталь похоронного обряда.

Так слова не выкидывай Из песни… — Ср. народную пословицу: «Из песни слова не выкинешь» (Даль, с. 751).

Ценник — сарай, навес, хлев.

Мирволить — потакать, давать поблажку.

Земский исправник — начальник уездной полиции.

Сам государев посланный… — На объявление «Манифеста» 19 февраля 1861 г. крестьянство ответило небывалым по силе и массовости взрывом возмущений: бунтами было охвачено в 1861 г. около двух тысяч имений. Для сохранения «по-

рядка спокойствия» Александр II командировал в губернии флигель-адъютантов и генерал-майоров свиты, которым предоставил право «действовать именем высочайшей власти». «Земля вся нам, леса, луга, господские строения — все наше, а барину нет ничего, господ, попов бей, души» — таково было настроение крестьян во время проведения реформы (Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих. М. — Л., 1949, с. 142).

Глава 5. Помещик

Соседнего помещика Гаврилу Афанасьича… — Одним из возможных прототипов Оболдуева (помещики с такой фамилией действительно существовали, например, во Владимирской губернии), с его страстью к псовой охоте, мог быть А. С. Некрасов, отец поэта (см.: *Яковлев Е.* От конкретных фактов — к художественному обобщению. — В кн.: О Некр., вып. I. с. 45, 249).

Венгерка с бранденбурами… — куртка для верховой езды и охоты, расшитая шнурами, как у венгерских гусар.

Он пистолетик выхватил ~ И дуло шести-

ствольное На странников навел... — Аналог такого редко встречающегося типа пистолета, в котором шесть стволов собраны в одно дуло, обнаружен в фондах Вологодского краеведческого музея. Сделан этот пистолет французскими оружейниками в начале XIX в (см.: Веч. Ленинград, 1982, 16 авг., № 188).

А ты, примерно, яблочко С того выходишь дерева?.. — Подтекст реплики мужиков раскрывают пословицы «Каково деревце, таковы и яблочки», «Яблоко от яблоньки недалеко откатывается» (Даль, с. 796).

Как у Христа за пазухой... — народный фразеологизм: у Даля: «Как у бога или Христа) за пазухой» (с. 79).

Пойдешь лесными дачами... — участками леса, являвшегося собственностью помещика-землевладельца.

Борзовщики-разбойники ~ Варили варом гончие. — В примечаниях к стихотворению «Псовая охота» (наст. изд., т. I, с. 54) Некрасов объясняет, наряду с другими, и эти охотничьи термины: «Обязанность борзовщика — стеречь зверя с борзыми близ острова, переменяя место по направлению движения стаи»; «Варом варит — техническое выражение — употребляется, когда

гонит вся стая дружно, с неумолкающим лаем и заливаньем, что бывает, когда собаки попадут на след только что вскочившего зайца (называемый горячим следом) или когда зверь просто у них в виду». *Выжлятники* — охотники, напускающие стаю гончих на след зверя, понуждающие собак криками и звуками рога.

Бывало, нас по осени ~ На что кавалерийская дивизия твоя! — Здесь Оболт-Оболдуев с помещичьей точки зрения рассуждает на тему, к которой Некрасов возвращался в своем творчестве многократно (см.: *Прийма Ф. Я.* «Псовая охота» Некрасова и ее место в историко-литературном процессе. — В кн.: Наследие революционных демократов и русская литература. Саратов, 1981, с. 181–194).

Напуск — спуск с привязи своры (или свор) охотничьих собак на войск или травлю зверя.

Пред каждым почитаемым Двунадесятым праздником… — Двенадцать главных праздников православной церкви: Рождество, Крещение, Благовещение, Вознесение и т. д.

Крестьяне всё подрядчики… — т. е. подряжавшиеся на работы в поисках заработка, уходившие в отхожий промысел.

Небось не к Кривоногову… — Я. А. Кривоногов

— петербургский купец-виноторговец (50-е гг. XIX в.).

Коптил я небо божие... — Этой критической самооценке героя соответствуют народные сентенции: «Без дела жить — только небо коптить», «У бога небо коптит, у царя земного землю топчет» (Даль, с. 543, 261). «Коптителем неба» называет Н. В. Гоголь в «Мертвых душах» (ч. II, гл. 1) помещика Тентетникова.

Последыш[*]

Печатается по Ст 1874, т. III, ч. 6, с. 7–70.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1873, № 2, с. 521–556, с заголовком: «Кому на Руси жить хорошо. Часть вторая. Глава I. Последыш», посвящением А. М. У<нковско>му, подписью: «Н. Некрасов» и подстрочной сноской к словам заглавия «Часть вторая»: «Первую часть смотри в „Отеч<ественных> зап<исках>“ 1869 года. №№ 1 и 2, и 1870: № 2. И в отдельном издании: „Стихотворения Н. Некрасова“, ч. V, 1873 г.».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874, т. III, ч. 6, С. 7–70, с заголовком: «Последыш (Из второй части „Кому на Руси жить хорошо“)» и датой: «1872» на шмуцтитуле.

Известны четыре автографа главы,

1) Автограф ИРЛИ А — ИРЛИ, ф. 203, № 12, л.

23–24. Представляет собой двойной лист (четыре страницы) тонкой писчей бумаги (оборот второго листа — чистый) с двойной нумерацией листов (карандашом) в правом верхнем углу: цифры «23» и «24» обведены карандашом (видимо, архивная нумерация, принятая за основу), а под ними — цифры «21» и «22». Текст написан черными, выцветшими от времени чернилами. Первый лист был залит водой или чаем, текст расплылся, но поврежден мало. Автограф содержит отдельные первоначальные наброски к главе.

Впервые опубликован (выборочно): ПСС, т. III, с. 537–540.

2) Автограф ИРЛИ Б — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 37. л. 1-36. Представляет собой 36 листов (72 страницы) плотной писчей бумаги (16 страниц — чистые) с двойной нумерацией: в правом нижнем углу относящаяся к 1949 г. (см.: ПСС, т. XII, с. 301–341) нумерация каждой содержащей текст страницы («1-72»); в правом верхнем углу принятая за основу архивная нумерация (л. «1-36»), Текст — черновые наброски и отдельные фрагменты главы — написан карандашом (кроме двух слов на с. 29). Обрывы последовательно идущего повествования свидетельствуют о неполноте автографа; попытка разложить листы в соответ-

ствии с логикой текста не дает положительных результатов, так как листы заполнялись автором не только последовательно, но и параллельно.

Впервые опубликован: ПСС, т. XII, с. 301–341 (с ошибочным указанием, принадлежащим редактору тома К. И. Чуковскому, места хранения автографа: Центральный гос. литературный архив вместо частного собрания В. Е. Евгеньева-Максимова).

3) Автограф ИРЛИ В — ИРЛИ, Р. I, on. 20, К 36. л. 1-12. Представляет собой 6 двойных листов (24 страницы) плотной писчей бумаги с тройной нумерацией: в правом нижнем углу (цифры «57–80»; перенумерована каждая страница) нумерация, относящаяся к 1949 г. (см.: ПСС, т. XII, с. 301–341); в правом верхнем углу нумерация двойных листов с допущенной ошибкой (цифра «2» пропущена, второй двойной лист обозначен цифрой «3», поэтому общее число двойных листов указано неверно: 7 вместо 6); в правом же верхнем углу принятая за основу архивная нумерация одинарных листов (цифры «1-12»). Текст — написан карандашом, многочисленные исправления — также карандашом. Является сводной черновой, существенно отличающейся от окончательной, редакцией главы, начиная со ст. 612 («Что у вдовы

Терентьевны»).

Впервые опубликован: ПСС, т. XII, с. 301–341 (с ошибочным указанием, принадлежащим редактору тома К. И. Чуковскому, места хранения автографа: Центральный гос. литературный архив вместо частного собрания В. Е. Евгеньева-Максимова).

4) Автограф ИРЛИ Г — ИРЛИ, Р. I, он. 20, № 35, л. 1-20. Представляет собой 10 двойных листов (40 страниц) плотной писчей бумаги с двойной нумерацией: авторской нумерацией двойных листов («1-10») и принятой за основу архивной нумерацией одинарных листов («1-20,»). Текст написан черными чернилами с исправлениями чернилами и карандашом (последняя авторская правка). На полях семи страниц — пометы для набора и фамилии наборщиков. Заголовок чернилами: «Кому на Руси жить хорошо. Глава VI Последыш». После заголовка «Кому на Руси жить хорошо» карандашом вписан подзаголовок: «Часть вторая», а римская цифра «VI» исправлена на «V,». К подзаголовку относится подстрочное примечание: «Первую часть смотри в „От<ечественных> з<аписках>“ 1869-70 и 71 годов, №№ и в отдельном издании: Стихотворения Н. Некрасова, часть 5. 1873 г.». В конце автографа дата: «5

янв. 1873 г.». Является наборной рукописью.

Впервые опубликован: ПСС, т. III, с. 339–342.

Есть основания утверждать, что сюжет главы «Последыш» сформировался в творческом сознании Некрасова еще в период работы его над первой частью поэмы, т. е. не позднее 1869 г.: бумага и чернила автографа ИРЛИ А, уже содержащего узловые моменты повествования о самодуре-крепостнике, от которого скрывают факт освобождения крестьян, идентичны бумаге и чернилам наборной рукописи «Пьяной ночи», а сам автограф находится среди рукописей первой части «Кому на Руси жить хорошо».

После опубликования «Последыша» реакционная критика упрекала поэта в том, что сюжет этой главы построен «на совершенно невероятном и, можно сказать, вполне бессмысленном анекдоте» (Реальнейший поэт. — РВ, 1874, № 7, с. 440; подпись: А. <В. Г. Авсеенко>). Между тем случаи такого рода имели место в русской действительности. Декабрист А. В. Поджио в письме к доктору Н. А. Белоголовому сообщал о подобном факте. В селе Щуколове Дмитровского уезда Московской губернии владелица имения скрывала факт освобождения крестьян от своего разбитого параличом мужа и «ежедневно счастливый

еще помещик отдает по-прежнему приказания старосте: „Завтра — сгон, собрать баранов, баб не спускать“ и пр.» *(Белоголовый И. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 111). К. И. Чуковский, указавший в комментарии к поэме на этот факт, высказал предположение, что он мог быть известен Некрасову от Н. А. Белоголового и положен поэтом в основу сюжетной ситуации главы «Последыш». И. Н. Кубиков усомнился в справедливости гипотезы К. И. Чуковского на том основании, что, познакомившись с Н. А. Белоголовым в ноябре 1872 г., Некрасов не мог за полгода написать такую большую вещь *(Кубиков В.* Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1933, с. 91–92). Поскольку многие произведения Некрасова были созданы в очень сжатые сроки, К. И. Чуковский счел возражение И. Н. Кубикова неосновательным. Но датировка автографа ИРЛИ А доказывает, что сюжетная ситуация главы «Последыш» зафиксирована Некрасовым значительно раньше знакомства его с Н. А. Белоголовым. Может быть, поэт имел другой, более ранний источник информации о случае в селе Щуколове, может быть, отталкивался от какого-то другого реального факта. Известно, например, что отец Некрасова, по словам самого

поэта, «сошел в могилу <...> не выдержав освобождения, захворав через несколько дней поело подписания уставной грамоты.» (ЛН, т. 49–50, с. 142).

Опирался ли Некрасов при работе над «Последышем» на какой-то известный ему реальный факт или нет, важно, что сюжет главы подсказан ему сущностью социально-экономических отношений, сложившихся между пореформенным крестьянством и бывшими владельцами «крещеной собственности», когда «крестьяне *в большинстве* губерний коренной России остались и после отмены коепостного права в прежней, безысходной кабале у помещиков» *(Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 140). Сюжет главы «Последыш», построенный на резком столкновении интересов большого крестьянского коллектива и помещика-землевладельца, и отражает Факт кабальной зависимости «свободных» крестьян от помещика.

Хотя действие главы «Последыш», писавшейся в 1872 г., приурочено к лету того же года, когда семь временнообязанных мужиков начали свое странствие, она не уводила в прошлое. Подсказанная тревогами и надеждами 1870-х гг., она обращала внимание читателя-современника

к самым животрепещущим вопросам дня и главному из них — вопросу о положении и дальнейших судьбах крестьянства, ибо в течение всего пореформенного десятилетия продолжался процесс его разорения и обнищания. Показывая страшную силу инерции прошлого, пережитки крепостничества в социально-экономической жизни России 1870-х гг., поэт говорит и о тех сдвигах, которые произошли за десятилетие в народном сознании, о пробуждении мысли народной даже в самом глухом захолустье.

Глава «Последыш» намечает важный перелом в идейном движении всей поэмы. Не отказываясь от намерения рассказать о встречах странников с чиновником, министром, царем, автор «Кому на Руси жить хорошо» в 1872 г. выдвигает на первый план вопрос о поисках путей к народному счастью, определив этим в какой-то степени направление дальнейшего развития действия. Но на этом этапе работы главу «Последыш» Некрасов считал сюжетно завершенной и закончил ее эпилогом, из которого читатель узнавал, что крестьяне с наследниками Утятина «тягаются доднесь».

Цензор Н. Е. Лебедев писал о «Последыше» в феврале 1873 г. в своем докладе Главному управ-

лению по делам печати, что эта глава «отличается <…> крайним безобразием содержания и, не имея никакого литературного и художественного достоинства, носит характер пасквиля на все дворянское сословие», что здесь «поэт хотел представить в мрачном свете и отталкивающем виде не только прежних дворян, владельцев крепостными, но и настоящих, так как молодые наследники представлены им также бесчестными и не сдерживающими данного слова». На основании того, что «означенное стихотворение может служить возбуждением антагонизма между высшим и низшим классами общества и составляет оскорбление для дворянского сословия», цензор требовал изъятия этой главы поэмы из журнала «Отечественные записки» (ГМ, 1918, № 1–4, с. 90). После того как «Последыш» был все-таки опубликован, Цензурный комитет вторично обратился в Главное управление по делам печати, по-прежнему резко характеризуя это произведение и считая его типичным «для определения характеристики журнала» (там же, с. 91).

«Последыш» был встречен разноречивыми суждениями критики. Наряду с беглыми упоминаниями (так, «Биржевые ведомости» в № 78 за

1873 г. писали о «новом отрывке» из поэмы Некрасова: «При оригинальности склада он отличается выдержанностью и дышит чисто народным юмором, так что некоторая его растянутость почти не утомляет читателя»), появились развернутые рецензии.

Восторженно, по ее собственным словам (см.: ЛН, т. 49–50, с. 582), отозвалась о новой главе поэмы А. Г. Степанова-Бородина. Отметив оригинальность названия главы, она пишет о князе Утятине: «Все в характеристике Последыша <...> исполнено глубокой жизненной правды... Перед нами так и встает <...> фигура этого вымершего на Руси типа». А про отповедь Агапа Последышу замечает: «Тут старый князь в первый раз услышал вольную, непринужденную речь мужика» (Журналистика. — Новое время, 1873, J& 7; подпись: А. С).

Положительно оценил «Последыша» В. П. Буренин, назвав его лучшей главой «Кому на Руси жить хорошо» и увидев в нем «художественную правду в соединении с современной общественной мыслью». По мнению критика, анекдотичность сюжета не снижает впечатления, ибо анекдот здесь «возведен художником па степень события, имеющего широкое и глубокое

жизненное значение». Некрасов «превосходно обрисовывает, с одной стороны, тип замирающей крепостнической, „барской“ власти, а с другой, — отношение к этой отжившей власти крестьянства». Утятин — «это типический образ отжившего бесправия, которое называлось крепостным правом», которое «не хочет признать себя побежденным, в безумии отвергает естественный ход жизни и умирает, окруженное смехом и презрением народа...». Но в своих положительных оценках «Последыша» Буренин стремится представить дело так, что явления, изображенные Некрасовым в новой главе поэмы, всецело принадлежат прошлому России и не имеют никакого отношения к русской действительности 1870-х гг. (Журналистика. — СПбВ, 1873, № 68; подпись: *Z*).

В грубом и издевательском тоне писал о «Последыше» В. Г. Авсеенко. Авсеенко обвинял Некрасова в том, что поэт «никогда не поспевает со своей сатирой вслед за действительностью и обличает крепостное право ровно через 12 лет после его отмены»; приписывал Некрасову «водевильное отношение к народу» (русский мужик никогда «не станет забавляться бессмысленными фарсами, которые представляются столь

забавными петербургскому поэту»); не верил, что отношения крестьян к дворянам «до такой степени проникнуты злобного ненавистью, как это кажется г. Некрасову» (Реальнейший поэт. — РВ, 1874. № 7, с. 454, 441, 442; подпись: А.).

Петровки — см. комментарий на с. 635, 636.

Старо-Вахлацкой волости, Большие Вахлаки… — Слово «вахлак» наряду со значением «неуклюжий, грубый, неотесанный» имеет и другое: «сонный», «полусонный» (Даль, Словарь, т. I, с. 170).

Стоят «князья Волконские» ~ Родятся, чем отцы. — Перефразировка двух народных загадок: о снопах, копнах, зароде («Наперед отца и матери детки родятся») и стоге («Текушки текут, бегушки бегут, хотят Волынского князя сломать») (Даль, с. 1075, 1076). Л. А. Розанова предполагает, что «Волынские» на «Волконские» Некрасов заменил потому, что в Костромской губернии находились земельные угодья князей Волконских (см.: *Розанова Л. А.* Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий. Л., 1970, с. 207–208).

…шапка белая, Высокая, с околышем Из красного сукна — Так выглядела дворянская форменная фуражка.

Посредник — подразумевается мировой посред-

ник. В годы проведения в жизнь крестьянской реформы мировой посредник являлся тем должностным лицом, в обязанности которого входило урегулирование отношений между помещиками и их бывшими крепостными. Мировые посредники назначались губернатором из числа местных дворян.

Соринка — дело плевое ~ И море всё заплакало… — Художественная переработка народной поговорки «Это плевое дело» (Даль, с. 105) и загадки о соринке в глазу: «Пал дуб в море; море плачет, а дуб нет» (Садовников, № 1784).

Установили грамоту… — Речь идет об «уставной грамоте». См. комментарий на с. 638.

Явилось «Положение»… — «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» — законодательные акты, оформившие отмену крепостного права в России, подписанные Александром II 19 февраля 1861 г. и состоявшие из семнадцати документов: «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.»; положение об устройстве дворовых людей, о выкупе, о крестьянских учреждениях; четыре местных «Положения» и др. Им были предпосланы «Манифест о всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния

свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» и «Указ правительствующему Сенату» о проведении в жизнь «Положений» (см.: Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2, т. XXXVI, отд. I, с. 128–403). 5 марта «Манифест» и «Положения…» были прочтены после литургии во всех церквах столицы, отправлены со свитскими генералами и фельдъегерями начальникам всех губерний. С 6 марта их текст публиковался в «С.-Петербургских ведомостях», а затем и в других правительственных газетах.

В. И. Ленин писал о грабительском характере крестьянской реформы: «…„освободители“ *так* повели дело, что крестьяне вышли „на свободу“ ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам» *(Ленин, В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 140), «…безмерны были те бедствия, которые причинила она крестьянству» (там же, с. 167).

…гусем в пять коней… — Имеется в виду запряжка лошадей друг за другом (цугом или гуськом).

Фалетур — искаженное «форейтор», верховой, правящий передней лошадью при запряжке цугом.

Притолока — верхний брус в дверях, «у прито-

локи» — здесь: «у дверного косяка».

Последыш — самый младший в семье, последний ребенок у родителей. В прозвище Утятина — намек на вырождение дворянства как сословия.

С работы, как ни мучайся ~ А будешь ты горбат! — Перефразировка народной пословицы «От работы не будешь богат, а будешь горбат» (Даль, с. 557).

Как рукомойник кланяться Готов за водку всякому... — Сравнение построено на основе народной загадки о рукомойнике: «Один богомол — и всем кланяется» (Садовников, № 252 а).

Гнилой товар показывать С газового конца. — Хазовый (казовый) конец ткани, вытканный особенно тщательно, оставлялся в куске сверху, напоказ. Ср. народную поговорку: «Хаз (хазовый конец) Штуку красит» (Даль, с. 767).

Что «за погудку правую Смычком по роже бьют!» — Использована народная пословица «За правдивую погудку смычком по рылу бьют» (Даль, с. 193). *Смычок* — в охотничьей терминологии — веревка для связывания попарно гончих собак при отправке на охоту.

У *Клима совесть глиняна, а бородища Минина...* — Перефразировка народной пословицы

«Бородка Минина, асовесть глиняна» (Даль, с. 724). Минин (Кузьма Минич Захарьев-Сухорук), один из главных организаторов борьбы русского народа против польской интервенции в начале XVII в., носивший, по обычаю того времени, бороду, мыслится здесь как эталон честности, совестливости.

…икается, Я думаю, ему! — По народным приметам, «икается — на помин». «Икнулось — по добру ли вспомянулось?» (Даль, с. 337, 338).

Горда свинья: чесалася О барское крыльцо! — Контаминация народных пословиц типа «Где прошла свинья, там Я почесалась», «Напала на кошку спесь: не хочет с печи слезть» (Даль, с. 799, 807). Некрасов, вводя слова «барское крыльцо», насыщает пословицу социальным смыслом.

И правили тягло! — Тягло — при крепостном праве — группа крестьянских хозяйств или трудоспособная семья, принимаемая за единицу при обложении барщиной, оброком и государственными налогами; крепостная повинность, выполняемая такой единицей; участок земли, обрабатываемый такой единицей.

Сидел на губернаторстве ~ Что спятил он с ума! — Подразумевается генерал В. К. Бодиско, занимавший в 1860-е гг. должность якутского

губернатора. Сошел с ума и был освобожден от должности в связи с «расстройством умственных способностей».

Так вы в хомут охотою… — Перефразировка народной поговорки. У Даля в разделе «Неволя»: «Надеть на кого хомут» (с. 926).

Как муха неотвязная, Жужжит под ухо самое… — Стихи построены на основе народных речений «Неотвязчив, как муха», «Брюзжит, что осенняя муха» (Даль, с. 687, 965).

Хвали траву в стогу, А барина — в гробу! — Перефразировка народной пословицы «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу!» (Даль, с. 789).

А мир дурак — доймет! — Перефразировка народных пословиц «Мужик умен, да мир дурак», «С миром не поспоришь» (Даль, с. 433, 431).

…Георгия Победоносца крест. — Имеется в виду военный орден «Святого великомученика и Победоносца Георгия», которым награждались в основном офицеры за боевые заслуги и выслугу лет. В петлице сюртука носили Георгиевский крест 4-й степени.

Бедами упиваемся, Слезами умываемся… — Контаминация народных пословиц «Упился бедами, опохмелился слезами» и «И почище нас, да слезой умываются» (Даль, с. 125, 49).

Бояре — кипарисовыми гнутся-то, и тянутся… — Использована народная пословица «Бары кипарисовые, мужики вязовые (и гнутся и тянутся)» (Даль, с. 789).

Под мужиком лед ломится, Под барином трещит! — Переосмысление народной пословицы «Под кем лед трещит, а под нами ломится» (Даль, с. 32).

Придет пора последняя А мы дрова подкладывать! — Контаминация народной загадки о могиле «Заедешь в ухаб, не выедешь никак» (Садовников, № 2119) и народной сентенции «Знать, будем мы и на том свете на бар служить: они будут в котле кипеть, а мы дрова подкладывать» (Даль, с. 292).

Питерщик — крестьянин, уходивший на отхожие промыслы в Петербург.

Из дурака, родименький, И горе смехом прет. — *Перефразировка* народной пословицы «Из дурака и плач смехом прет» (Даль, с. 129).

Курьерская подорожная — документ, дававший право военным курьерам вне очереди получать лошадей на казенных почтовых станциях.

Б амбаре крысы с голоду Подохли… — Перефразировка народной поговорки «У него в анбаре и мыши перевелись» (Даль, с. 64).

Крестьянка[*]

Печатается по Ст 1874, т. III, ч. 6, с. 71–201, с перенесением, по аналогии со всеми другими главами, на соответствующие страницы текста авторских примечаний, которые в журнальной публикации и издании Ст 1874 были помещены в конце главы.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1874, № 1, с. 5–74, с заголовком: «Кому на Руси жить хорошо (Из третьей части). Крестьянка» и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874, т. III, ч. 6, с. 71–201, с заголовком: «Крестьянка (Из третьей части „Кому на Руси жить хорошо“)» и датой: «1873» на шмуцтитуле.

Известны следующие автографы главы.

1) Автограф ГБЛ — ГБЛ, ф. 195, карт. I, № 25, л. 3. Представляет собой черновой набросок карандашом ст. 17–43 на одинарном листе плотной писчей бумаги.

Впервые опубликован (выборочно): ПСС, т. III, с. 501–502.

2) Автограф ЦГАЛИ — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 13, л. 74. Представляет, собой первоначальный черновой набросок карандашом ст. 2138–2144. Хранится в конверте с надписью: «Дар Чуковско-

го. 6-19 окт. 1918».

Публикуется впервые.

3) Автограф ИРЛИ А — ИРЛИ, № 21200, п. 3-16, л. 66-166. Представляет собой 23 двойных и 12 одинарных листов (116 страниц) плотной писчей бумаги (22 страницы — чистые) с двойной нумерацией (не всегда соответствующей логическому порядку расположения текста) в правом верхнем и правом нижнем углах, причем нижняя нумерация, принятая за основу, на единицу опережает верхнюю. Содержит отдельные наброски (карандашом и черными чернилами) и черновую редакцию главы. Среди набросков, особенно сделанных карандашом, много выписок из фольклорных сборников. Черновой текст главы написан черными чернилами, авторская правка — теми же чернилами и карандашом. В автографе имеются иометы о времени и месте работы над главой: «Пролог» — «Висбаден, 1873, 17/29 июля»; «Песни» и «Савелий, богатырь святорусский» — «Диепп, 25 (может быть, „26“, дата неразборчива, — *Ред.)* июля»; «Демушка» — «Висбаден. Докончил *в* Париже. Июль»; «Волчица» — «Диепп, 30 июля-3 августа»; «Губернаторша» и «Бабья притча» — «Диепп, 4 августа. Кончил 7-го».

Впервые опубликован: два наброска («Пришла

в больницу женщина ~ В больницу» и «Как свечка в комнате ~ Спросили мужики») — *Гофман М. Л.* Два отрывка из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Некрасов. Памятка. Пб., 1921, с. 4–5; ряд записей и выписок из фольклорных сборников — *Гофман М. Л.* Некрасов и народная песня. — Там же, с. 17–19; варианты выборочно — ПСС, т. III, с. 498–537; выборочно сводом — ПССт 1967, т. III, с. 381–394.

4) Автограф ИРЛИ Б — Р1РЛИ, ф. 203, № 12, л. 25–28. Представляет собой 2 двойных листа (8 страниц) плотной писчей бумаги (одна страница — чистая) с тройной нумерацией: в правом верхнем углу нумерация авторская и архивная, в правом нижнем углу не совпадающая с ними нумерация, принятая за основу. Является наборной рукописью ст. 1-154 (начало «Пролога» главы). Текст написан черными чернилами, значительная авторская правка — чернилами и карандашом. На некоторых листах — фамилии наборщиков

Впервые опубликован: набросок «Тоска взяла их ~ Пошли ее смотреть» — *Гофман М. Л.* «Кому на Руси жить хорошо» (из рукописей Некрасова). — В кн.: Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Пб., 1922, с. 89; варианты

выборочно — ПСС, т. III, с. 531–532; выборочно сводом — ПССт 1967, т. III, с. 380–381.

5) Автограф ИРЛИ В — ИРЛИ, № 21200, п. 17, л. 122–160, 81. Представляет собой 15 двойных и 10 одинарных листов (80 страниц) плотной писчей бумаги (3 страницы — чистые) с тройной нумерацией: в правом верхнем углу (нумерация авторская и архивная), а правом нижнем углу нумерация, опережающая верхнюю на один номер и принятая за основу. Является наборной рукописью главы, начиная со ст. 155. Текст написан черными чернилами, правка — чернилами и карандашом. В верхней части некоторых листов обозначены фамилии наборщиков. На последнем листе рукописи дата: «12 ноября ночью».

Впервые опубликован: варианты выборочно — *Гофман М. Л.* «Кому на Руси жить хорошо» (из рукописей Некрасова), с. 89–104; ПСС. т. III, с. 499–537; выборочно сводом — ПССт 1967, т. III, с. 381–394.

Замысел «Крестьянки» (см. об этой главе: *Бесединa Т. А.* Крестьянка Матрена Корчагина. (О приемах типизации в творчестве Некрасова). — В кн.: Очерки но истории русской литературы. Л., 1966) относится к 1860-м годам — самому начальному этапу работы над поэмой, и зафиксирован

в перечне ее глав или эпизодов двумя записями: «Баба — конь в корене» и «Губернаторша» (см.: Другие редакции и варианты, с. 592). Видимо, поэт хотел нарисовать тип сильной женщины, на которой держится дом, хозяйство («Баба — конь в корене»). Не случайно действие главы с самых ранних набросков к ней развертывается в костромских местах: в связи с массовым уходом мужчин на отхожие промыслы женщины занимали там ведущее место в хозяйстве, отличались смелостью и инициативностью (см.: *Скатов Н.* О реальных источниках поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Литература в школе, 1964. № 4, с. 68–70). Первые же наброска, относящиеся к записи «Губернаторша», дают возможность утверждать, что речь должна идти о женщине, которая в поисках справедливости и защиты от каких-то семейных и административных притеснений идет в город и добивается помощи губернаторши. Возможно, что в основе замысла «Губернаторша» лежит какой-то реальный случай, о котором Некрасов слышал и который он зафиксировал, как это часто делал «одним словечком». Известно, например, что в 1864 г. городской голова Костромы А. А. Акатов на свои средства открыл богадельню на 10 мест

(Костромские губернские ведомости, 1864, № 10); С. В. Акатова (видимо, его жена) числилась в списках местных филантропов (Костромские губернские ведомости, 1863, № 17), Летом 1862 г. в Костроме построили новое здание городской больницы, но отделение для женщин и детей было очень маленьким и тесным. Может быть, этим фактом навеян один из ранних набросков к главе — «Пришла в больницу женщина…» (см.: Другие редакции и варианты, с. 395).

Толчком для реализации раннего сюжетного замысла о судьбе крестьянки, удостоившейся губернаторской милости, явилось для Некрасова знакомство с вышедшим в 1872 г. первым томом «Причитаний Северного края», собранных Е. В. Барсовым. Большую часть тома составляли похоронные плачи замечательной народной поэтессы, олонецкой вопленицы И. А. Федосовой; здесь же была опубликована автобиография ее, записанная Барсовым. Поэтическое богатство, глубокий психологизм и драматизм федосовских причитаний, своеобразие биографии сказительницы захватили Некрасова. Он читает сборник Барсовя, а также третью и четвертую части «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», где содержались, в числе других фольклорных материалов,

свадебные песий и причитания, делает из этих книг многочисленные выписки (л. 94, 95, 116, 118–119 автографа ИРЛИ А), рассматривая причитания как ценнейший поэтический документ о жизни русской деревни и русской женщины-крестьянки. Уезжая летом 1873 г. за границу, Некрасов берет эти сборники с собой. На основе творческой переработки народно-поэтических текстов сборников Барсова и Рыбникова, автобиографии И. А. Федосовой, громадного массива народных поговорок, загадок, песен и присловий, которыми было насыщено поэтическое сознание Некрасова, и строит он, в значительной мере, рассказ Матрены Корчагиной. Так, первая глава («До замужства») представляет собой своеобразную мозаику свадебных причитаний и отдельных моментов биографии И. А. Федосовой; само название второй главы («Песни») указывает на обилие введенных в нее народных бытовых и свадебных песен, прослаивающих повествование о судьбе Матрены и подчеркивающих ее типичность; словесная ткань главы четвертой («Демушка») в основном построена на материале федосовских плачей «О старосте», «О писаре», «Об убитом громом-молнией»; в главе шестой («Трудный год») в основе стихов, рисующих беззащитное

положение молодой многодетной бедной женщины-солдатки в чужой и враждебно настроенной семье, лежит главным образом «Плач по муже» И. А. Федосовой, на значительность которого обращал внимание читателя во введении к сборнику его составитель Е. В. Барсов. Связь текста главы с ее народно-поэтическими источниками особенно отчетливо прослеживается при чтении черновых рукописей, зафиксировавших промежуточные, между фольклорным и окончательным некрасовским текстом, варианты.

Глава «Савелий, богатырь святорусский» имеет, наряду с фольклорными, общественно-полемические истоки (см.; *Тарасов А. Ф.* — О местных источниках поэмы. — Истоки, с. 29–61). Патриотический подвиг костромского крестьянина И. Сусанина был издавна истолкован консервативно-правительственными кругами в монархическом плане, и эта фальсификация служила охранительным целям. 4 апреля 1866 г. революционер-террорист Д. В. Каракозов совершил неудачное покушение на Александра II. Спаситель царя *О* И. Комиссаров оказался костромичом, земляком Сусанина. В этой «параллели» Сусанин — Комиссаров монархический лагерь увидел доказательство тезиса о царелюбии русского

народа. «Поселив своего бунтарского героя — Савелия, богатыря святорусского — в костромскую „корёжину“, на родину Сусанина и Комиссарова, исконную вотчину Романовых, отождествив устами Матрены Тимофеевны Савелия с Сусаниным, Некрасов показал, кого в действительности родит костромская „корёжская“ Русь, каковы в действительности Иваны Сусанины, каково вообще русское крестьянство…» (там же, с. 59).

В широком повествовании о жизни крестьянки Матрены Корчагиной исходная сюжетная ситуация «Губернаторши» (так первоначально называлась глава) отходит на второй план, и в наборной рукописи глава обретает новое, обобщающее название: «Крестьянка».

Глава «Последыш», как уже говорилось, переключала внимание некрасовских правдоискателей на народную среду. Поиски народного счастья закономерно приводили мужиков в главе «Крестьянка» к «счастливице-губернаторше» Матрене Тимофеевне Корчагиной. На примере одной судьбы поэт дает яркое представление о глубоко трагических обстоятельствах жизни женщины-крестьянки и трудового крестьянства в целом в «освобожденной» России, развеивает легенду о возможности народного счастья при су-

ществующих социальных условиях, но при этом всем смыслом образов Матрены и Савелия, богатыря святорусского, утверждает, что в народной среде таятся живые источники нравственной красоты, стойкости, богатырской мощи и энергии и что ключи от народного счастья могут быть найдены только на верных путях всенародной революционной борьбы.

Среди других глав эпопеи «Крестьянка» выделяется целостностью драматического сюжета, глубоким психологизмом и лирической взволнованностью повествования, поднимающегося порой до трагического пафоса.

Появление «Крестьянки» (ОЗ, 1874, № 1) вызвало многочисленные отклики в печати. «Это полный чувства и мысли эпизод, описывающий невеселую жизнь русской крестьянки», — писала «Иллюстрированная неделя» (1874, № 9). Осторожной и расплывчатой была оценка новой главы некрасовской эпопеи «Сыном отечества». Отметив, что поэт нарисовал «несколько довольно ярких и живых картин, от которых веет прочувствованным горем», неизвестный автор, словно испугавшись собственной похвалы, спешит отметить имеющиеся, с его точки зрения, недостатки: «большие натяжки», недостаточную

гладкость и благозвучность стиха, грубые выражения и сравнения (СО, 1874, № 30).

Вскоре на «Крестьянку» с необычайной грубостью обрушилась Реакционная критика (В. Г. Авсеенко, П. Павлов, В. П. Буренин, Уже открыто порвавший с передовым лагерем). Особенным цинизмом и глумливостью отличались статьи В. Г. Авсеенко (Очерки текущей литературы. — РМ, 1874, № 57; подпись: А. О.; Реальнейший поэт. — РВ, 1874, № 7, с. 433–459; подпись: А), который проговорился о причинах столь яростной атаки, «…не будь г. Некрасов — пишет он, — выразителем известного направления в современно литературе, не представляй он в ней известного знамени <…> мы, конечно прошли бы новые стихотворные опыты г. Некрасова молчанием…» (РВ, 1874, № 7, с. 455). В. Г. Авсеенко пытается дискредитировать поэму Некрасова такими «определениями», как «литературное падение», он видит в ней произведение, стоящее «нижесамой снисходительной критики», чуть не каждую страницу которого украшают «кудреватые пошлости»; его шокируют «грязный и мнимо юмористический тон» повествования и обилие якобы непристойностей в «Крестьянке» и т. д. и т. п. При всем том Авсеенко проявляя полное незнание материала,

постоянно попадает впросак. Так, приведя рассуждение мужиков-правдоискателей о ржи и пшенице, он пишет: «Все это, конечно, придумал для мужичков поэт: самим крестьянам такой вздор в голову не полезет», не подозревая, что Некрасов перефразировал народную пословицу о ржи и пшенице. Бессмыслицей, отдающей «нестерпимым резонерством и фальшью», называет он суждение Матрены о рабочем коне и пустоплясе, опять таки не догадываясь, что это народная пословица. «Порождением какого-то отвратительного плотоядства» поэта кажется критику песня «Мой постылый муж…», народного происхождения которой он также не подозревает (РВ, 1874, № 7, с. 440, 445, 454; РМ, 1874, № 57).

П. Павлов упрекал Некрасова в сентиментально-слезливой фальши, хныканье и делал вывод: «В сущности не так горько живется Матрене, как поэту это доказать хочется» (Заметки досужего читателя. — Гражданин, 1874, № 10).

В. П. Буренин, за год до того одобрительно писавший о «Последыше», выступил со статьей, которая представляла собой странный конгломерат положительных оценок отдельных эпизодов и фрагментов «Крестьянки» («Пролога», сцены расправы с Фогелем, «Бабьей притчи», «поэтиче-

ской страницы» «Я пошла на речку быструю...») и обвинений Некрасова в «поэтизации рабской терпеливости» (!), «фальшивом, деланном простонародничанье» и почти полном отсутствии в произведении «настоящего народного склада», в том, что история Матрены «может быть так изобретена и, главное, так рассказана только в роскошном кабинете человека, имеющего барское представление о горечи крестьянской семейной жизни...». Как и Авсеенко, не подозревая фольклорного характера песни «Мой постылый муж...», Буренин иронизирует: «Чудесно и необыкновенно реально! Так реально, что такого грубого реализма не обнаружит сам народ в своих безыскусственных песнях» (Журналистика. — СПбВ, 1874, № 10; подпись: Z).

В защиту Некрасова против статьи Авсеенко в «Русском вестнике» выступила «Неделя». Разоблачая цинизм, грубость, пошлое глумление над поэмой Некрасова и искажение критиком фактов, неизвестный автор с большой теплотой говорит о том, что Матрена Корчагина — величественный образ русской крестьянки, «перед которым русский читатель, обладающий сердцем, родственным своему народу, готов преклониться с благоговением» (Русская литература в 1874 го-

ду. — Неделя, 1875, № 14, с. 470).

К 1878 г. относится высказывание о «Кому на Руси жить хорошо» О. Ф. Миллера. В «Крестьянке» он отмечает «много прекрасного, верного», но кое-где видит «изысканность», а эпизод с губернаторшей трактует как отголосок сентиментализма карамзинского периода *(Миллер О.* Публичные лекции. СПб., 1878, с. 332–337).

В цикле резко недоброжелательных статей о Некрасове Е. Л. Маркова в газете «Голос» за 1878 г., наряду с тенденциозными нападками и взаимоисключающими утверждениями (Некрасов «не хочет учиться у народа, у народной песни» (№ 42), Некрасов «не передает духа народной жизни» (№ 89), Некрасов «один из глубоких знатоков народной речи <…> народного сердца, народной мысли» (№ 46)), содержатся и верные суждения о «Кому на Руси жить хорошо» и «Крестьянке» как лучшей части этой поэмы. Автор отмечает насыщенность повествования «жемчужинами народной речи» и народно-поэтическим материалом: «Речь лучших мест его лучших поэм то звучит характерною мелодией настоящей русской песни, то бьет лаконическою мудростью русской пословицы», «а часто они и на самом деле народные поговорки, ловко обделанные и

помещенные к месту» (№ 46).

Два фрагмента главы «Крестьянка» (один из них — дважды) положены на музыку: «Ты скажи за что, молодой купец…» (А. И. Садовская, 1877); «Из города в деревню (Весна уж начиналася, Березка распускалася…)» (А. Т. Гречанинов, 1908), «Три хора (фрагмент „Весна уж начиналася, Березка распускалася…“)» (С. В. Полонский, 1954).

Пролог

Уж налились колосики ~ Головки золоченые… — Образ в этих стихах строится Некрасовым на основе народной загадки о колосьях ржи: «На поле Ногайском, на рубеже Татарском стоят столбы точеные, головки золоченые» (Даль, с. 1072).

Не столько росы теплые ~ Увлажили тебя!.. — Перефразировка народных пословиц «Не столько роса, сколько пот (удобряет нивы)», «Не столько роса с неба, сколько пот с лица» (Даль, с. 1009).

Ты тем перед крестьянином ~ На рожь, что кормит всех. — Художественная переработка народной пословицы «Матушка рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка по выбору» (Даль, с. 900).

Горох, что девку красную ~ На семьдесят дорог! — Контаминация народной пословицы

«Горох в поле — что девка в доме: кто ни пройдет, всяк щипнет» (Даль, с. 1014) и загадки про небо, звезды или град: «Рассыпался горох на двенадцать (на семьдесят) Дорог» (Садовников, № 1852в и 1938).

Такая свекла добрая! ~ Лежит на полосе. — Перефразировка народной загадки про свеклу: «Красненьки сапожки в земельке лежат» (Даль, с. 1071).

Заметив за селением ~ У холуя в зобу! — А Ф. Тарасов, автор книги «Некрасов в Карабихе» (Ярославль, 1977). Утверждает, что, описывая заброшенную помещичью усадьбу в «Прологе» главы «Крестьянка», Некрасов передавал свои впечатления от первых посещений Карабихи. Именно так выглядела в 1861 г. эта заброшенная хозяевами, князьями Голицыными, усадьба. *Девки каменные* — мраморные статуи.

Что церкви без священника ~ То саду без *помещика!* — Переработка текста похоронного причитания «Не дай свет да Богородица ~ Угоды без крестьянина» (Барсов, с. 55).

Глава 1. До замужества

А брат веселой песенкой ~ В лесу стучит топор! — Переработка текстов двух свадебных

причитаний (побудка невесты братом) из сборника Рыбникова: «Пора вставать да пробужатися ~ По часовенькам спасаются» (ч. IV, с. 110) и «По деревням печи топятся ~ В островах да секари секут» (там же с. 119).

Идет родная матушка ~ Лукошко набери!.. — Переработка фрагмента «Приходила желанная родитель-матушка ~ Во корзинку кинут корку обгорелую» свадебного причитания из сборника Рыбникова (ч. IV, с. 111).

Да не в лесу родилася, Не пеньям я молилася… — Перефразировка афоризма «Не в лисях родилась, не пням, богу молилась» из автобиографии И. А. Федосовой (Барсов, с. 318),

В день Симеона батюшка ~ По пятому годку… — *С* праздником Симеона Летопроводца («Семен лето провожает»), который отмечался 1 сентября ст. ст., был связан обычай «вывода из младенчества». У Даля; «Пбстриги и сажание на коня отрока при переходе из младенчества (по четвертому году)» (с. 995),

А на седьмом за бурушкой ~ Я смолоду была. — В автобиографии И. А. Федосовой читаем: «Шести год на ухож лошадь говяла и с ухожа домой пригоняла»; «Я знаю шить и кроить и коровушек доить и порядню водить»; «Шутить была масте-

рица, шутками да дурками всех расшевелю»; «Я *ж* была сурова; по крестьянству — куды какая: колотила, молотила, веяла и убирала» (Барсов, с. 314–319). Черновые варианты ст. 458–408 характеризует текстуальная близость к источнику (см.: Другие редакции и варианты, с. 413), которая в окончательном некрасовском тексте почти не ощущается.

Спасибо жаркой баенке ~ Студеному ключу… — Переработка текста свадебного причитания (похвала бане) «Спасибо тебе, теплопарная баенка ~ На свежей-то ключевой воды!» (Рыбников, ч. IV, с. 115). Первоначально (см.: Другие редакции и варианты, с. 413–414) Некрасов шел от другого, более традиционного причета — похвалы бане «Еще наша парна баенка ~ На край бережку поставлена» (Рыбников, ч. IV, с. 112).

На парней я не вешалась ~ А тихому шепну… — Черновой вариант этих строк (см.: Другие редакции и варианты, с. 414) текстуально близок следующему фрагменту автобиографии И. А. Федосовой: «Имя мне было со изотчиной; грубного слова не слыхала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу…» (Барсов, с. 315). В процессе творческой работы Некрасов все более отходил от источника. *Наян* — нахал.

Я личиком разгарчива, А матушка догадлива… — Общее место в народных песнях, например: «Мое личико разгарчивое, Моя матушка догадливая» (Народные русские песни из собрания П. Якушкина. СПб., 1865, с. 211).

Родительница плакала ~ И люди засмеют!.. — фрагмент построен на типичных мотивах свадебных причитаний. Стихи имеют параллель и в автобиографии И. А. Федосовой: «Чужая сторона не медом налита, не сахаром посыпана» (Барсов, с. 322), и в причетах сборника Рыбникова: «Как чужа дальна ознобна сторонушка ~ Не сахаром, злодейка, пересыпана» (ч. IV, с. 108), «Чтобы буйны ветры не обвеяли ~ Добры люди не смеялися» (там же, с. 114).

…Закручинилась, Всю ночь я не спала… — Ср. в автобиографии И. А. Федосовой: «Легла спать; не спится, а думается, в девушках сидеть али замуж идти» (Барсов, с. 317).

Ах! что ты, парень, в девице ~ Цвела, как маков цвет! — Переработка текста двух свадебных причетов сборника Рыбникова: «Ты скажи-ка, чужой чужбинин! ~ Мое бело личико разгорелося» (ч. III, с. 374–375) и «Скажи, где я прилюбилася ~ В лице кровь да разыгралася» (ч. IV, с. 145). *Святки* — церковные празднества с Рождества до Крещения (с

25 декабря по 6 января ст. ст.).

Ах! кабы знать! Послала бы ~ Меня бы промигал!.. — Переработка свадебного причитания невесты «Сокол-братец родименькой со У желанных родителей» (Рыбников, ч. III, с. 403–405). *Гарнитур* (правильно: гродетур) — плотная шелковая ткань.

Всю ночку я продумала... ~ Не стану обижать! — Ср. с рассказом И. А. Федосовой. Узнав, что ее приехали сватать, она отвечает свату: «Бог ли понесет с воли да в подневолье. — Нет уж, как хошь, надо идти, мы такую даль ехали». И далее — разговор с женихом: «Жених сел подле меня и говорит: идешь ли замуж? — Не знаю, — итти-ть ли. — Иди, говорит, не обижу; стал подбивать и подговаривать. — Век так ласкает ваш брат» (Барсов, с. 318).

Пал на сердце Филипп! — Ср. в автобиографии И. А. Федосовой: «Пал на сердце не молодой вдовец...» (Барсов, с. 316). В черновой рукописи (см.: Другие редакции и варианты, с. 388) Некрасов сделал выписку из этого фрагмента.

«Ты стань-ка, добрый молодец ~ Я вся тут такова!» — Переработка текста свадебного причитания «Становись-ка, млад отецкий сын со Мне-ка жить бы да не плакаться» (Рыбников, ч.

III, с. 374), сопровождавшего соответствующий момент свадебной игры: жених и невеста становились на одну половицу и глядели друг другу в лицо.

Велел родимый батюшка ~ С девичьей головы… — Переработка свадебного причитания «Повелел мой сударь-батюшко ~ Подрожали мои резвые ноженьки» (Рыбников, ч. III, с. 367).

Глава 2. Песни

У *суда стоять* со *Голова болит…* — Перефразировка заключительных строк «У суда ведь ноги ломит, Под венком голова болит» свадебной песни «Я не знала, не ведала» (Рыбников, ч. III, с. 402–403).

На широкий двор ~ Кто непряхою… — Незафиксированный вариант или контаминация нескольких вариантов широко распространенной песни о том, как молодую «От венчаньица везут К свекру-батюшке на двор» и как родня мужа встречает ее бранью. Варианты этой песни есть в сборниках Рыбникова (ч. III, с. 446–447), Студитского (Народные песни Вологодской и Олонецкой губернии, собранные Ф. Студитским. СПб., 1841, с. 159), Якушкина (Народные русские песни из собрания П. Якушкина. СПб., 1865, с.

143), Варенцова (Сборник песен Самарского края, составленный В. Баренцевым. СПб., 1862, с. 95), печатались в журнале «Русская беседа» (1870, № 1) и в «Ярославских губернских ведомостях» (1870, № 42). В своде А. И. Соболевского указано одиннадцать ее вариантов *(Соболевский А. И.* Великорусские народные песни, т. 2. СПб., 1896, с, 490–503, № 589–599). Наиболее близки некрасовскому тексту варианты, записанные П. В. Шейном (с. 333–335, № 63 и 64). Почти во всех вариантах этой песни есть отброшенное Некрасовым окончание: молодая жена отвечает на брань еще более грубой бранью, а на оплеуху мужа — оплеухой. *Деверь* — брат мужа. *Золовка* — сестра мужа.

Спится мне, младенькой, дремлется ~ Сонливая, дремливая, неурядливая! — Идентичный вариант народной песни (разночтение — отсутствие у Некрасова слова «мою» во второй строке) есть у Шейна (с. 336–337, № 66), менее схожий вариант — в своде А. И. Соболевского (Великорусские народные песни, т. 2, с. 488, № 586). Введя в поэму народную песню, Некрасов опустил ее последнюю, смягчающую драматизм ситуации строфу: «мил-любезный» утешает свою «загоненную, заброненную» жену.

Семья была большущая ~ А есть кому жу-

рить! — Рисуя картину жизни Матрены в мужниной семье, Некрасов опирался на рассказ И. А. Федосовой о ее втором замужестве: «Дядина да диверь — бранить стали, всю зиму бранили, привидла всего; Яков мой такой нехлопотной, а они базыковаты (бранчливы, сварливы, — *примечание Барсова),* обижали меня всячески. По весны Яков отправился к Соловкам, — а я все плакала да тосковала; все крестьянство у их вела» (Барсов, с. 321). В черновых набросках (см.: Другие редакции и варианты, с. 395, 420) эта связь с источником отчетлива, в окончательном тексте почти неощутима.

Не плюй на раскаленное Железо — зашипит! — Перефразировка народной пословицы «Шипит, как каленое железо, когда плюнешь» (Даль, с. 117).

Любить-голубить некому, А есть кому журить! — Перефразировка народного речения «Журить, бранить есть кому, а жаловать некому» (Даль, с. 34).

Надула в уши свекору… — «Надуть кому в уши» (Даль, с. 732) — просторечное фразеологическое выражение, имеющее смысл «наговорить».

Что рожь добрее родится Из краденых семян. — Народное поверье: «Краденые семена лучше

родятся» (Даль, с. 1010).

Поехал ночью Тихоныч... — Свекор, т. е. отец мужа Матрены Тимофеевны, ошибочно назван Тихонычем, хотя из текста главы ясно, что он — сын Савелия, богатыря святорусского, следовательно — Савельич.

Екатеринин день — 24 ноября ст. ст. У Даля: «Екатерининские гулянья; первое катанье на санях» (с. 1000).

Со *свечкой поискать*... — Ср. народную поговорку «Этого днем со свечою поискать (такое диво, редкость)» (Даль, с. 625).

Коты — женская обувь, род теплых полусапожек.

Корчага — большой глиняный горшок.

Мой постылый муж ~ Кровь пробрызнула. — Широко распространенная игровая хороводная песня. В своде А. И. Соболевского (Великорусские народные песни, т. 2, с. 439–451) дано четырнадцать ее вариантов в записях 1780-1890-х гг. Идентичный некрасовскому вариант был напечатан в «Современнике» *(Александров В.* Деревенское веселье в Вологодском уезде. — С, 1864, № 7, с. 179–193). Взяв народную песню, Некрасов отбросил ее начало: жена загуляла с дружком и виноватая возвращается домой, где ее встречает

разгневанный муж.

Благовещенье — церковный праздник в честь девы Марии, получившей «благую весть» о грядущем рождении Христа; отмечался 25 марта ст. ст. и считался праздником встречи весны: «На Благовещенье — весна зиму поборола» (Даль, с. 976).

Казанская — церковный праздник в честь иконы «Казанской божьей матери», отмечавшийся дважды в году: 8 июля и 22 октября ст. ст.

Как писаный был Демушка! ~ У сокола глаза! — Переработка текста свадебной величальной песни «Как у этого млада сына отэцкого ~ Черна соболя сибирского» из сборника Рыбникова (ч. III, с. 378–379).

Отстань, бесстыдник! ягодка, Да бору не того! — Перефразировка народной поговорки «Это нашего бора ягодка» (Даль, с. 502).

«Эй, не шути с огнем!». — В основе стиха — народное суждение «Не шути с огнем, обожжешься!» (Даль, с. 738).

Глава 3. Савелий, богатырь святорусский

По сказкам, сто годов… — т. е. по ревизским сказкам — официальным документам (спискам), в которых содержался перечень крепостных крестьян, принадлежавших помещику.

Аника-воин (или Оника-воин) — персонаж русских духовных стихов и былин. Он наделен огромной силой, но самоуверен, хвастлив («пустохвастишко», «пустохвалишко»), грозится Даже смерти голову отрубить; однако, встретившись с ней, проявляет робость и бессилие. По другой версии, хвастая, он пытается поднять «сумочку переметную» с тягой земной, в результате чего погибает (сюжет, обычно связанный с образом Святогора-богатыря). В сборнике Рыбникова есть былина об Онике-воине (ч. II, с 255–258).

Корёжина — Слово происходит от названия реки Корёги в Корёжской волости Буйского уезда Костромской губернии. Первоначально, в черновых вариантах главы (см.: Другие редакции и варианты, с. 424), родные места Савелия, богатыря святорусского, носили название «Ветлужины» (от реки Ветлуги). Заменив Ветлугу Корёгой, Некрасов связал место действия главы с северной, наиболее глухой и лесистой частью Костромской губернии (см. об этом: *Тарасов А. Ф.* О местных источниках поэмы. — Истоки, с. 39–40).

Я в землю немца Фогеля ~ Живого закопал… — Возможно, что импульсом для разработки этой сюжетной ситуации был для Некрасова сибирский очерк М. Л. Михайлова «Зеленые глазки»

(Дело, 1867, № 12, рубрика «Из прошлого», подпись: Л. Шелгунова), в котором рассказывается, как семь крепостных женщин в порыве гнева закопали живым в землю ненавистного барского управителя, циника и насильника (указано Г. А. Тишкиным). Сближать некрасовский текст с очерком Михайлова позволяет ряд деталей последнего: женщины по приказу управителя копают ров вокруг его сада (у Некрасова — Фогель «велел колодец рыть»); обороняясь от домогательств управителя, одна из женщин толкнула его в вырытую яму (у Некрасова — мужики стали подталкивать Фогеля к яме в ответ на его придирки); в очерке Мавра бросает гневные слова: «Засыпем его землей!», и все, точно «этого слова и ждали», схватились за лопаты и стали кидать землю, пока не сровняли яму с землей (у Некрасова — под слово «Наддай!» мужики так «наддали», «Что ямы словно не было — Сровнялася с землей!»).

Досюльвые — прежние, старинные. Например, в «Плаче о писаре» И. А. Федосовой: «Во досюльны времена Было годышки» (Барсов, с. 289).

Недаром есть пословица ~ Три года черт искал. — Перефразировка костромской пословицы «Буй да Кадуй черт три года искал» (Даль, с. 354).

Дорога скатерть-скатертью… — Просторечный фразеологизм. У Даля: «Дорога как скатерть — садись да катись!» (с. 283).

Травник — водка, настоенная на каких-либо травах.

Под подоплекою — в подкладке рубахи на плечах (под оплечьем).

Под Варною убит. — Варна — крепость на Черном море, взятая после упорных летних боев русскими войсками в сентябре 1828 г., во время русско-турецкой войны.

А деньги, сунь — отвалится ~ В собачьем ухе клещ. — Сравнение опирается на народную пословицу «Сколько ни дуйся клещ, а видно отвалится» (Даль, с. 743).

…Илья пророк ~ На колеснице огненной… — По библейской легенде (и народным представлениям), когда пророк Илия, живым вознесенный на небо, катается по нему в огненной колеснице, гремит гром.

И гнется, да не ломится… — Перефразировка народной пословицы «Лучше гнуться, чем переломиться» (Даль, с. 205).

Покамест тягу страшную ~ Не слезы — кровь течет! — В рассказе Савелия о богатырстве русского народа слышится отзвук былины о Свя-

тогоре и тяге земной. «Кабы я тяги нашел, Так бы всю землю поднял», — говорит Святогор. Но, попытавшись поднять суму переметную с тягой земной, «И по колена Святогор в землю угряз, А по белу лицу но слезы, а кровь течет...» (Рыбиков, т. I, с. 33).

Да наши топоры Лежали — до поры! — В рукописях Некрасова на листе с выписками из фольклорных сборников и восходящими к ним набросками (см.: Другие редакции и варианты, с. 396) есть двустишие «Есть у бога топоры, Да лежат до поры», которое, вероятнее всего, является контаминацией народных пословиц о божьем возмездии: «От божьей власти (или кары) не уйдешь», «Бог долго ждет, да больно бьет», «Рубят и топоры до поры» (Даль, с. 5, 229, 227). Позже, использовав эту заготовку, Некрасов радикально переосмыслил и переработал ее, превратив в афоризм о народном гневе.

Кабак.... острог в Буй-городе... — Буй — уездный город Костромской губернии. В черновых рукописях (см.: Другие редакции и варианты, с. 435) вместо Буя был назван Данилов — уездный город Ярославской губернии, расположенный недалеко от Грешнсва. Поскольку сюжетная ситуация главы «Крестьянка» связана с Костромой,

в окончательной редакции ярославский Данилов уступил место костромскому Бую (см. об этом: *Тарасов А. Ф.* О местных источниках поэмы. — Истоки, с. 33–35).

По манифесту царскому… — Имеется в виду амнистия в связи с коронацией Александра II в 1856 г.

Глава 4. Демушка

Зажгло грозою дерево ~ До белого утра!.. — В основе этой развернутой метафоры лежит народная пословица «Бор сожгли, а соловушек по гнездышку плачет» (Даль, с. 667).

Как зыкнула, как рыкнула… — И. А. Федосова рассказывала о своей матери: «…пекла и варила и везде поспела, не рыкнула, не зыкнула» (Барсов, с. 314). Некрасов в черновой рукописи «Крестьянки» записал, переосмысляя текст: «Как рыкнула, как зыкнула» (см.: Другие редакции и варианты, с. 410), в дальнейшем употребив эту формулу применительно к свекрови героини.

Трудненько было пахарю. Да весело жнее! — Высказанная Матреной мысль отражена в пословице «Пашешь — плачешь, жнешь — скачешь» (Даль, с. 545).

Телега хлеб домой везет, А сани — на базар!) —

Ср. с пословицей «Телега хлеб в дом возит, сани на базар» (Даль, с. 1018).

Заснул старик на солнышке, Скормил свиньям Демидушку. — Эпизод со смертью Демушки подсказан Некрасову фактами реальной жизни, когда дети становились жертвами безнадзорности. В печати тех лет постоянно мелькали сообщения о крестьянских детях, съеденных свиньями (см.: *Базаров Вас.* От фольклора к народной книге. Л., 1973, с. 254). О подобном же случае говорит поэт в стихотворении «Деревенские новости» («А у солдатки Аксиньи Девочку — было ей с год — Съели проклятые свиньи»). Возможно, что импульсом для разработки этого эпизода явился и плач И. А. Федосовой «О попе — отце духовном», в котором рассказывается о гибели ребенка от несчастного случая в страдное время.

Я клубышком каталася, Я червышком свивалася… — Этот мотив представляет собой общее место похоронных причитаний; ср., например: «У меня да у горюшицы Сердце клубышком катается, Оно червышком свивается…» (Рыбников, ч. III, с. 418) или «Стала клубышком во ноженьках кататися, Стала червышком победнушка свиватися…» (Барсов, с. 259).

Чу! конь стучит копытами ~ Знать, голод

разобрал!.. — Творческая переработка фрагментов «Как во ту пору теперь да в тое времечко ~ Из окошечка в окошечко кидалася…» и «Назад староста бежит да не оглядывает ~ Позаочь его бранят да проклинают» (Барсов, с. 286, 283–284) «Плача о старосте» И. А. Федосовой.

Молитвы Иисусовой ~ У земского стола… — Ср. фрагмент «Как найдет мировой когда посредничек ~ Не творит да тут Исусовой молитовкп» (Барсов, с. 282–283) «Плача о старосте» И. А. Федосовой.

Налой (аналой) — высокий столик с откосом для чтения богослужебных книг.

…Становой ее Как зверь в лесу порыкивал… — Ср. в «Плаче о старосте» И. А. Федосовой: «Он в походню по покоям запохаживае ~ Быдто зверь да во темном лесу порыкивав» (Барсов, с. 283). *Становой* (становой пристав) — чиновник уездной полиции, в обязанности которого входило взимание налогов и недоимок, проведение полицейских дознаний, наблюдение за благонравием жителей.

Как в стойле конь подкованный ~ Ударил кулаком… — Некрасовым переработаны строки «Да он резвыма ногама призатопае, Как на стойлы копь копытом призастукае» и «Он затопае ногама

во дубовый пол, Он захлопае рукама о кленовый стул» (Барсов, с. 284–285, 283) «Плача о старосте» И. А. Федосовой.

И тут я покорилася ~ Ребеночка предать! — Ср. сходный мотив федосовского «Плача об убитом громом-молнией» (Барсов, с. 250).

В груди у них нет душеньки ~ На шее — нет креста! — В основе текста фрагмент «Как у этых мировых да у посредников ~ Нет креста-то ведь у их да на белой груди…» (Барсов, с. 283) «Плача о старосте» И. А. Федосовой.

Из тонкой из пеленочки ~ Терзать и пластовать. — Аналогичная картина медицинского вскрытия нарисована И. А. Федосовой в «Плаче об убитом громом-молнией» (Барсов, с. 249).

Злодеи! палачи! ~ Злодея накажи!.. — Ср. с фрагментом «Вы падите-тко горюци мои слезушки ~ Прими, господи, ты слезы детей малыих!» (Барсов, с. 287–288) «Плача о писаре» И. А. Федосовой. Не случайно Некрасов сделал к этому фрагменту главы «Демушка» примечание: «Взято почти буквально из народного причитанья» (см. с. 156 наст. тома), акцентируя тем внимание читателя не только на близости своего текста к произведению народного творчества, но и на звучащих в причитаниях мотивах гнева.

Новина — кусок сурового домотканного холста длиной (в Ярославской губернии) в 30 аршин, т. е. около 21 метра.

Крестьяне настоялися ~ Ломал перстни злаченые… Стихи представляют собой творческий сплав фрагмента «У судебных-то мест да настоялася со Всем судьям, властям ведь я да накорилася» (Барсов, с. 16) «Плача по муже» и фрагментов «Настоялися ведь мы да надрожалися ~ Без Исусовой молитвы намолилися», «Во потай у недоростков он выведыват, Уже нет ли где корыстного делишечка», «На крестьян ты с кулакама не наскакивай <v> Не ломай-ко ты перстни свои злаченый» (Барсов, с. 286, 283, 285) «Плача о старосте» И. А. Федосовой.

Благочинный — священник, наблюдавший за несколькими приходами.

«Ой плотнички-работнички! ~ Ой, страшно будет спать!..» — Широко распространенный мотив похоронных причитаний. Ср. в «Плаче по сыне» И. А. Федосовой: «Ай же, плотнички-работнички! ~ Не услана перинушка пуховая» (Барсов, с. 100).

«Высоко бог, далеко царь…» — Ср. народную пословицу «Царь далеко, Бог высоко» (Даль, с. 6). Собиратель отмечает в скобках, что по-владимир-

ски произносили «высоко», «далёко».

Глава 5. Волчица

Спас — народное название трех церковных праздников, отмечавшихся 1 (Спас «медовый»), 6 (Спас «яблочный») и 16 (Спас «хлебный») августа ст. ст. и связанных с проводами лета и снятием урожая. На второй Спас освящали яблоки, до этого дня есть их считалось грехом: «Второй Спас яблочком разговляется», «Пришел Спас — яблочко припас» (см.: *Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Всенародный месяцеслов, т. I. СПб., 1901, с. 411).

Платочком обметала я ~ Скорее поросла… — Народный обычай. «Приходя на могилу, родные во многих местах Олонецкой губ. обыкновенно платком обметают и очищают могильный холм, чтобы свободнее вырастала на нем зеленая дуброва» (примечание Е. В. Барсова к первому тому «Причитаний Северного края» на листе «Дополнения и погрешности», вклеенном после брошюровки книги).

Тужила по родителям ~ У едем — заревешь! — Стихи текстуально близки народно-бытовой протяжной песне «Поблизешеньку солнце ходит

~ Я и поеду, ты взрыдаешь» (Шейн, с. 337–338, № 67) и, вероятно, являются ее переработкой. Ст. 1678–1679 имеют параллель в сборнике Рыбникова (ч. IV, С 126).

Песочный монастырь — Игрицкий, в просторечии — Песошный (по названию речки — Песошня), монастырь находился в шестнадцати верстах от Костромы по Ярославскому тракту.

Подкралось горе лютое ~ Позади летит — не останется… — В стихах закреплен устойчивый образ народных песен и причитаний, нашедший отражение еще в «Повести о Горе-злочастии» XVII в. и неоднократно встречающийся в сборнике Барсова, например: «Впереди да шло безсчастье ясным соколом ~ Позади оно злодийно не останется» (с. 8). В рукописях Некрасова набросок к этим стихам находится на листе с выписками из книги Барсова (см.: Другие редакции и варианты, с. 397).

За всё страдное русское Крестьянство я молюсь! — В черновых рукописях главы (см.: Другие редакции и варианты, с. 454) эти строки выглядели так: «Молюсь, молюсь, Матренушка! Молюсь за нищих, любящих, За всё священство русское И за царя молюсь», являясь перефразировкой заключительных строк автобиографии вопленицы

Анны Лазорихи: «Молюсь за царя и за всё священство, сколько есть на свете, за любящих, за нищих и бедных и за всё страдное крестьянство» (Барсов, с. 326). В окончательном тексте Некрасов использовал только колоритное выражение «страдное крестьянство», употребленное вопленицей.

Что на роду написано, Того не миновать! — Контаминация народных пословиц «Кому что на роду написано» и «Чему быть, тому не миновать» (Даль, с. 26).

Три петли: шелку белого ~ А третья — шелку черного… — Некрасов использует словесный образ «трех петелек шелковых» («Первую петелку шелка да красного <…> Вторую петелку шелку да белого <…> Третью петелку шелку да черного») из былины «О царе Саламане, царице Саламании и прекрасном царе Василье Окульевиче» (Рыбников, ч. II, с. 298).

Я пошла на речку быструю ~ Сердце гневное ношу!.. — Плач Матрены Тимофеевны написан Некрасовым по мотивам надмогильных причитаний, с опорой на конкретные поэтические тексты сборников Барсова и Рыбникова. Так, стихи «Я пошла на речку быструю со Зарыдала, сирота!» восходят к «Плачу по муже» И. А. Федосовой (Барсов, с. 13–14), стихи «Рано гостья бесподсудная

со Смерть родного унесла!» подсказаны строкой «Пришла смерть да бесподсудная» (Барсов, с. 45) «Плача дочери по отце» Анны Первенцевой. В сборнике Рыбникова несколько раз, варьируясь, встречаются строки «Ты денна моя заступница, Ты ночная богомолица», столь близкие некрасовскому тексту. Но они были известны поэту в устном бытовании еще до выхода третьего тома сборника Рыбникова и использованы в качестве эпиграфа к «Орине, матери солдатской». Стихи «Ты ушла в бесповоротную ~ Не дорыскивает зверь…» — переработка фрагмента «Туды ветрышки ведь е не провевывают ~ Не колодист туды путь — бесповоротной» (Барсов, с. 191) «Плача о брате двоюродном» И. А. Федосовой.

Черновые наброски ст. 1967–1970 находятся на листе с выписками из сборника Барсова (см.: Другие редакции и варианты, с. 397). Традиционная народная мораль требует: «Будь головушкой поклонлива, Будь сердечушком покорлива» (Рыбников, ч. III, с. 402). Гораздо реже встречается вариант: «Как ведь я, красна девушка, Головою не поклонлива, Я сердечком не покорлива…» (Рыбников, ч. III, с. 401). Осмысляя эти тексты, Некрасов дает свой идейно-художественный вариант: «Я потупленную голову, Сердце гневное

ношу!..» (ст. 1977–1978).

Глава 6. Трудный год

В тот год необычайная ~ Сбылось: пришла бесхлебица! — По народным представлениям, «Метлы (кометы) небо подметают перед божьими стопами» (Даль, с. 300) и предвещают войну или другие бедствия. «Звезда с хвостом — к войне» (Даль, с. 53).

Что я беду накликала ~ Надела в Рождество. — Некрасов в примечании к этим строкам (см. с. 171 наст. тома) ссылается на Даля. У Даля ни в «Пословицах русского народа» (раздел «Приметы»), пи в книге «О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа» такая примета не упоминается. Видимо, Некрасов знал ее независимо от Даля, но ошибся, указав источник по памяти.

Да правды из мошенника ~ Что тени из *стены!* — В основе сравнения — народная загадка о тени: «Чего из степы не вырубишь?» (Даль, с. 1062).

Не дума… бред… Голодные ~ Молчи, солдатка-мать! ~ Три озера наплакано ~ Поить, кормить, растить?.. ~ Собрала ужин; матушку ~ Не поплачь с тоски! ~ Куда обиду сбыть? ~ С собой ее по гроб! — Текст написан на основе «Плача

по муже» И. А. Федосовой. Ср. последовательно ст. 2058–2067, 2074–2087, 2103–2126, 2138–2144 с фрагментами плача: «Будут детушки на улочке дурливыи ~ В буйну голову сирот да поколачивать»; «У мня три поля кручинушки насияно, Три озерышка горючих слез наронено»; «Поклоню да свою буйную головушку ~ Не откиньте-тко вдову вы бесприютную»; «Была гордая ведь я да непоклонная ~ Што останусь, сирота, вдова безсчастная»; «Да как ростить-то сиротных малых детушек»; «Да я слажу им тут ужины вечерныя ~ Со работушки вдова да в дом пришатится»; «Как о светлом Христове воскресеньине ~ Напрасничка ведь е, как порог шумит»; «Стала хорошо ходить да одеватися, Стала до бела она да намыватися»; «Надо жить бедной горюшице умеючи ~ Буйну голову носить надо низешенько»; «Весела ходи горюшица — не смейся-тко, При тоскичушке — ты будь, слезно не плачь бедна»; «Мне куды с горя горюше подеватися? ~ Во сыру землю горюше наб вкопатися» (Барсов, с. 17–18, 12, 6–7, 41, 23, 21, 24, 17).

Теперь уж я не дольщица ~ Одеже и скоту. — Переработка фрагмента «Ты не дольщичка крестьянской будешь жирушки ~ Ты не пайшичка любимоей скотинушки» (Барсов, с. 220) «Плача

о дяде двоюродном» И. А. Федосовой.

Послали деток по' миру ~ Ты станешь нас бранить!.. — Ср. с фрагментами «Плача по родном брате» И. А. Федосовой: «Сиротать пойдут бесчастны малы детушки ~ Как голодный — придут оны — холодный», «Как походить станут сердечны мои детушки ~ По крестьянским домам да не воруйте-тко» и «Говорить станут родителю тут матушке ~ Може, огрубя нас грубыим словечушком» (Барсов, с. 154–155, 156, 157).

Пришла зима бессменная ~ С кем словом перемолвиться? — Этот мотив является общим местом похоронных причитаний. См., например, у Барсова, с. 203. Строка «Ни талой нет талиночки» близка федосовской «Нигде нету-то талой талиночки» (Барсов, с. 21), две заключительные строки также имеют фольклорную параллель: «Не с кем слова да промолвити. Не с кем думушки подумати» (Сказки и песни Белозерского края, собранные Б. и Ю. Соколовыми. М., 1915, № 338).

Нет мужа, нет заступника! — Перефразировка народной пословицы «Есть дружок — есть заступничек» (Даль, с. 820).

На горе стоит елочка ~ Леса темны, караулы есть. — Идентичный некрасовскому текст этой народной песни см.: *Сахаров И. П.* Песни

русского народа, ч. III. СПб., 1838. с. 9. Варианты встречаются в сборниках Шейна (с. 436–437, № 6) и Соболевского *(Соболевский А. И.* Великорусские народные песни, т. 4. СПб., 1898, с. 659–660, № 836).

Глава 7. Губернаторша

Рабочий конь солому ест, А пустопляс — овес! — Перефразировка народной пословицы «Рабочий конь на соломе, а пустопляс на овсе» (Даль, с. 39).

Колотырники — см. выше, с. 638.

«Чей памятник?» — Сусанина. — Памятник Ивану Сусанину (скульптор В. И. Демут-Малиновский) в Костроме был поставлен в 1851 г. У подножия шестиметровой колонны, увенчанной бюстом Михаила Романова, — коленопреклоненная фигура Ивана Сусанина. Бывая в Костроме, Некрасов не раз видел этот памятник. Проводя идейно-образную параллель Савелий — Сусанин, Некрасов в борьбе против фальсификации образа Сусанина дает свой «проект» памятника ему: о колонне с бюстом царя поэт не упоминает, а Сусанин, «из меди кованный», стоит в полный рост (см.: *Тарасов А. Ф.* О местных источниках поэмы. — Истоки, с. 59).

А силой тот не хвастайся, Кто сна не побо-

рал! — В основе стиха народные загадки про сон: «И рать и воеводу в один мах перевалял», «Кого не осилит ни князь, ни псарь, пи княжий выжлок?» (Даль, с. 564).

Глава 8. Бабья притча

У гроба Иисусова ~ В Иордань-реке купалася… — Город Иерусалим в Палестине, где, по евангельским легендам, находился гроб Иисуса Христа, и «святая гора» Афон в Греции (средоточие христианских монастырей) были излюбленными местами религиозного паломничества. Река Иордан, протекающая близ Иерусалима, считалась священной, потому что в ее водах, согласно евангельской легенде, крестился Иисус Христос. В издании Ст 1879 редактор С. И. Пономарев изменил слово «Афонские» на «Фаворские» (с горой Фавор в Палестине связан евангельский сюжет о преображении Христа). В поправке С. И. Пономарева была своя логика. Она, как верно заметил М. Е. Устинов в докладе «Текстологические заметки» на XXI Всесоюзной некрасовской конференции в Ленинграде в январе 1982 г., ограничивала странствие «святой старицы» пределами «святых мест» Палестины и устраняла фактическую ошибку: на Афон женщин не пускали. Но поскольку в

рукописях Некрасова слово «Фаворские» ни разу не упоминается, поправка С. И. Пономарева не может быть принята.

«Ключи от счастья женского ~ Гуляет — бог забыл!..» — В основе легенды о ключах лежит мотив «Плача о писаре» И. А. Федосовой. Во введении к «Причитаниям Северного края» (с. XVI–XVII) Е. В. Барсов дал краткий пересказ части этого плача: «Но особенно любопытно происхождение горя народного, общественного. В Окиян-море ловцы пригодилися, изловили оны свежу рыбоньку, точно хвост да как у рыбы лебединой, голова у ней вроде как козлиная; распололи как уловню эту рыбоньку, много множество песку у ей приглотано, были сглонуты ключи да золоченый; прилагали ключи ко божиим церквам и ко лавочкам торговым, но они приладились только к тюрьмам заключенныим. Не поспели отпереть дверей дубовых, как С подземелья злое горе разом бросилось, Черным вороном в чисто поле слетело...» и т. Д. Некрасов в несколько сокращенном виде переписал этот текст (см.: Другие редакции и варианты, с. 398), пометив внизу и те страницы (290, 80–84, 245), на которые указывал собиратель. Но из записанной легенды в дальнейшем поэт взял лишь мотив проглоченных рыбой ключей,

своеобразно его переосмыслив.

Пир на весь мир[*]

Печатается по Оттиску 76 с восстановлением по наборной рукописи ст. 175–176, 183–184, 191–192, 195–196, 199–200, 602–604, 633, 1269, 1584–1589, измененных Некрасовым для печати, и исключением предваряющих песню «Русь» шести строк, отсутствующих в ранней редакции, где песня «Русь» называлась «Песня Гришина». Предваряющие песню строки написаны Некрасовым исключительно по цензурным соображениям: они переадресовывают текст песни, скрепляют его с размышлениями царя о предстоящей войне:

Битву кровавую
С сильной державою
Царь замышлял.

«Хватит ли силушки?
Хватит ли золота?» –
Думал, гадал.

Впервые опубликовано: в нелегальном издании — Пир на весь мир. Соч. Н. Некрасова. (Глава из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», вырезанная цензурой из ноябрьской книжки

«Отечественных записок» за 1876 г., дополнена по рукописи автора). Изд. Петербургской вольной типографии. СПб., 1879 (отрывки (ст. 901–930, 1492–1579, 1737–1788) перепечатаны: Кому на Руси жить хорошо. Поэма и другие стихотворения, не вошедшие в цензурные издания Н. А. Некрасова. Geneve, 1892, с. 248–256); в легальном издании (в измененном виде) — ОЗ, 1881, № 2, с. 333–376.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1881 (по ОЗ 81). В настоящем виде в собрание сочинений включается впервые.

Известны следующие автографы «Пира...».

Запись (к ст. 298–299) чернилами вдоль нолей слева, рядом с текстом, озаглавленным «Гумбольт», — ИРЛИ, Р. I, on. 20, № 1, л. 1 об. (<1>); карандашная запись на чистом листе в 1/4 (к ст. 311) — ИРЛИ, ф. 203, № 42, л. 5 (<2>); запись (к ст. 1333–1340) чернилами в начале листа среди стихотворных и прозаических набросков — ИРЛИ, ф. 203, № 42, л. 8 (<3>).

Варианты начала ранней редакции поэмы на двух листах большого формата, чернилами (л. 2) и карандашом — ИРЛИ, № 21200, п. 18, л. 2–3 об. На л. 3, на полях слева, заметка: «Жид со стетоскопом. Каз<анский> собор. Ис<аакиевский> <?> соб<ор>. Петроп<авловская> Екат<ерининская>

<?> Гол<ландская> площадь».

Варианты набросков ст. 9-24, 1122–1136, 1140–1151, 1160–1166, 1187–1190, 1648–1650, 1669–1674, карандашом, на листах в 7–1 — ГБЛ, ф. 195, карт. I, № 9, л. 1–4. В верхнем правом углу л. 2 помета: «Май», на л. 4 — четыре плохо читаемые стихотворные строки.

Наброски ст. 536–600 и 767–774 карандашом — ИРЛИ, № 21200, п. 20, л. 33–33 об.

Наброски ст. 901–914, 1649–1660, 1710–1711 карандашом — ИРЛИ, № 21200, п. 25, л. 48. В верхнем левом углу листа обведенная запись адреса Селины Лефрен: «M. Lefrene, par Paris, Maison Lafitte (Seine-et-Oise)». В правом верхнем углу помета: «Лжеучения». В начале листа четыре строки текста стихотворения «Друзьям», датируемого 1876 г.: «Мне умереть ~ К ней проложили пути».

Первоначальная редакция песни «Голодная» (ст. 979-1010), карандашом, на одной стороне листа, в два столбца, с исправлениями и вычеркиваниями — ИРЛИ, № 21200, п. 22, л. 38–39 об. (л. 38 об. и 39 об. — чистые).

Наброски ст. 1104–1144, 1492–1515 на обеих сторонах листа, карандашом — ИРЛИ, № 21200, п. 26, л. 55–55 об. На обороте листа заметка: «Коня бы впрячь».

Набросок ст. 1419–1527, чернилами, рукой А. А. Буткевич, с правкой и дополнениями карандашом на полях Некрасова, на л. 54 об. черновой текст карандашом рукой Некрасова — ИРЛИ, № 21200, п. 27, л. 52–54 (л. 54 — чистый).

Набросок ст. 1419–1595, чернилами, рукою А. А. Буткевич, с правкой, дополнениями карандашом на полях и между строками Некрасова — ИРЛИ, № 21200, п. 28, л. 56. По отношению к предыдущему наброску, по всей вероятности, более поздний, доработанный.

Наброски ст. 1596–1600, 1635–1658, 1675–1713, 1728–1729, 1771, карандашом, с исправлениями, записями на полях и поверх первоначального текста на л. 61 об. — ИРЛИ, № 21200, п. 29, л. 60–61 об. (л. 60 об. — чистый).

Наброски ст. 1659–1685, 1714–1731 па одной стороне листа карандашом — ИРЛИ, № 21200, п. 30, л. 53 (оборот листа — чистый).

Первоначальная редакция песни «Русь» (ст. 1737–1770) и набросок ст. 1771–1786, карандашом, с незначительными исправлениями — ИРЛИ, № 21200, п. 31, л. 63–64 об. (л. 64–64 об. — чистый).

Связный текст переходит в отрывки; на л. 63 об. запись в два столбца, разделенных красной вертикальной чертой.

Первоначальная редакция ст. 1192–1221 и наброска ст. 1286 на одной стороне листа, карандашом (справа — текст вдоль полей) — ИРЛИ, № 21200, п. 23, л. 42–42 об., нижний правый угол листа оборван, поэтому текст вдоль полей полностью не читается. На обороте листа — одна строка. В верхней части листа вычеркнутая помета: «50 губ.».

Черновой автограф ст. 1-726 (связный текст) и набросков ст. 90–95, 663–683, 703–730, 1286–1288, 1293–1298,1322-1328, карандашом и чернилами, с исправлениями, вычеркиваниями и вставками на отдельных листах, с принадлежащей Некрасову нумерацией (цифры «1-14»), к которой им даются отсылки на вставках, — ИРЛИ, № 21200, п. 19, л. 4–6, 10–13, 17, 20–21, 28–30, 46 (л. 5 об., 11 об., 12 об., 17 об., 29 об. — чистые).

Писарская копия предыдущего чернового автографа (ст. 1- 584) на 10 листах, чернилами, с основательной карандашной правкой и вставками («Прибавлениями») на отдельных листах (л. 9,16, 24, 62) рукою Некрасова — ИРЛИ, № 21200, п. 21, л. 1, 7–9, 14–16, 18–19, 22–25, 62. В верхнем левом углу л. 29 вычеркнутая запись: «Дача Витковского, где жила семья графа Адлерберга»; на том же листе снова внизу: «Гуси. Свиньи».

Черновой автограф ст. 585-1387 на 15 листах, карандашом, являющийся фактическим продолжением предыдущей рукописи, с писарской нумерацией страниц, продолженной Некрасовым (с. 11–19, далее — без нумерации). — ИРЛИ, № 21200, п. 24, л. 26–27, 31–32, 34–37, 40–41, 43–45, 47, 49–50 (л. 36 об., 43 об., 50–50 об. — чистые). В верхнем правом углу л. 36 (с. 17) помета: «(Ялта)»; на л. 31 (с. 12) в правом углу внизу помета чернилами: «Май. Май»; на л. 35 (с. 15) на полях слева карандашная заметка: «Мусаил — Люнель Педро — Хоменес»; на перевернутом л. 43 об. набросок карандашом:

Не пост
А крышу на конюшне
Гвоздями заколачивает
Цепь <нрзб>

Наборная рукопись на 32 листах, заполненных с обеих сторон, с двойной нумерацией: не доведенной до конца первоначальной и архивной, являющейся частью общей пагинации рукописей, относящихся к «Кому на Руси жить хорошо», — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 13, л. 1-32 («41–72.»). На каждом листе штамп: «Из собрания Ю. А. Бахрушина. 164»; на полях фамилии наборщи-

ков. Рукопись в переплете с экслибрисом П. А. Ефремова. На листе, предваряющем рукопись, надпись рукой П. А. Ефремова: «От Н. А. Некрасова рукопись с его собственными поправками. По ней набиралась эта часть поэмы в „Отечественных записках“». Текст переписан рукой В. М. Лазаревского. Основательная правка Некрасова карандашом и чернилами. Рукою Некрасова на полях л. 68 вписан текст песни «Соленая», на нескольких других листах им же отмечены абзацы и сделаны другие указания наборщикам: «Это выноска — поместить внизу страницы» (л. 1(41)), «Набирай наравне С Другими строками» (л. 1 об. (41 об.)), «Крупно» (л. 3(43)), «Выдвинь» (п. 4(44)), «Вровень с первым» (л. 4(44)), «Надо крупно набирать, как заглавие» (л. 6(46,)), «Чисто, т. е. три строки, писанные чернилами» (л. 9 об. (49 об.)). На л. 26(66) в левом нижнем углу карандашная надпись: «Сентябрь. 1876. Ялта», зачеркнутая чернилами, над нею помета: «Окт<ябрь>», также зачеркнутая; под вычеркнутыми надписями помета: «9 окт.», в свою очередь зачеркнутая чернилами; на л. 32(72) в конце текста помета: «Сентябрь-октябрь 1876. Ялта». Рукопись, таким образом, датирована 1876 г. дважды. Кроме того, на первом листе в правом верхнем углу помета:

«6 окт.». Ю. А. Бахрушин замечает: «К чему относится это 6 октября — сказать трудно: то ли это дата начала окончательной авторской доработки поэмы, то ли это число, когда написанная набело рукопись попала в руки к Некрасову» *(Бахрушин Ю. А.* Первоначальный текст поэмы «Пир на весь мир». — В кн.: Звенья. V. М., 1935, с. 419). На указанных листах в их нижней части подпись: «Н. Некрасов», в первом случае зачеркнутая. Отдельные строки рукописи отчеркнуты сбоку красным или синим карандашом (см. ст. 633, 861–862, 1773–1774 основного текста, а также: Другие редакции и варианты, с. 572–574, 578–579: после 305, вм. 545–553, после 692, 1471–1472, 1707).

Корректурные листы Оттиска 76, без авторской правки, с исправлениями опечаток корректором (некоторые из строк, отмеченных в наборной рукописи красным и синим карандашом, отсутствуют или заменены другими) — ИРЛИ, № 21201. Текст корректурных листов незначительно отличается от текста оттиска. Исправления Некрасов, вероятно, вносил по другому, не дошедшему до нас экземпляру корректурных листов.

Корректурные листы отрывка «Доброе время — добрые песни», с заглавием: «Доброе время — добрые песни» и подзаголовком: «Эпизод из

поэмы „Кому на Руси жить хорошо“. 1861», датой: «Октябрь, 1876, Ялта», подписью: «Н. Некрасов» под текстом, с правкой карандашом рукой Некрасова, — ЦГАЛИ, ф. 191, собр. П. А. Ефремова, оп. 1, № 493.

Три корректурных листа ОЗ 81 с незначительной корректорской правкой — там же, № 494. Текст не совпадает с ОЗ 81 в четырех случаях.

Разночтения корректурных листов и журнальной публикации дают основания усомниться в том, что текст, помещенный в февральском номере «Отечественных записок» за 1881 г., полностью выражает авторскую волю. Судя по этим сохранившимся листам, совершенно очевидно вмешательство какого-то лица, вносившего после смерти Некрасова свои исправления в набранный на корректурных листах текст.

1

Основной текст «Пира…» создавался Некрасовым в 1876 г., работа была завершена уже тяжело больным поэтом в октябре 1876 г., отдельные наброски и отрывки, использованные в «Пире…», могли быть написаны раньше. Текст был набран в № 11 «Отечественных записок» за 1876 г. Последовал, однако, цензурный запрет, и «Пир…»

был вырезан из всех экземпляров тиража этого номера журнала. В донесении от 20 ноября 1876 г. председателя С.-Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова начальнику Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву говорилось: «…стихотворение Некрасова „Пир на весь мир“, которое вследствие изображенных в нем возмутительных сцен крепостного права, мученичества русского солдата и вообще народного безысходного горя до такой степени смущало цензуру, что мы готовились войти с представлением об аресте ноябрьской книжки…» (ЛН, т. 53–54, с. 221).

Судьба изъятого из ноябрьского номера «Отечественных записок» за 1876 г. текста становится ясной из донесения того же А. Г. Петрова В. В. Григорьеву от 18 февраля 1877 г.: «Вырезанные <…> из ноябрьской книжки „О<течественных> з<аписок>“ экземпляры все хранятся в целости под замком в типографии <…> У Краевского есть экземпляр корректурных листов; может быть, есть несколько экземпляров корректурных листов у Некрасова (не более 10), остальные же 8100 экземпляров вырезок целы в типографии. Краевский предлагает их сжечь. Чтобы это не было исполнено келейно, я могу командировать к

присутствию при этом помощника секретаря комитета» (ЛН, т. 53–54, с. 222). Оттиски, хранящиеся в типография, были таким образом уничтожены. До нашего времени, однако, дошло по крайней мере два их экземпляра. Один из них, дефектный, хранится в рукописном отделе ИРЛИ АН СССР, другой, полный, в библиотеке ИРЛИ АН СССР среди книг, принадлежавших А. Ф. Кони.

Некрасов пытался пробить цензурный заслон и добиться опубликования «Пира…». По свидетельству Н. А. Белоголового, больной поэт «несколько раз принимался за переделки поэмы, пользуясь короткими промежутками между страшными болями и записывая стихи на отдельных листах бумаги» *(Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 451). На основании заметки, сделанной А. Н. Пыпиным в записной книжке от 15 января 1877 г., можно было бы полагать, что Некрасов после цензурного запрета сделал попытку поместить «Пир…» в декабрьском номере «Отечественных записок»: «У Некрасова <…> Он рассказывал, что делается с его стихотворением „Пир на весь мир“. Его вынули из дек<абрьской> книжки» (ЛН, т. 49–50, с. 191). Всего вероятнее, однако, что Пыпин имел в виду изъятие текста из ноябрьской книжки «Отечественных записок»,

ошибочно называя ее декабрьской. Прямыми же документами, подтверждающими намерение Некрасова поместить «Пир…» в декабрьском номере «Отечественных записок», мы не располагаем.

Введенный в заблуждение переданными ему словами В. В. Григорьева о якобы возможном напечатании «Пира…», Некрасов пытается поместить свое произведение в январской книжке «Отечественных записок» за 1877 г. В связи с этим поэт в конце декабря 1876 г. посылает В. В. Григорьеву письмо, где, в частности, говорится: «…теперь прибегаю к Вашему превосходительству с просьбою ускорить решение по этому делу, так как поэма моя предназначена в 1 № „Отеч<ественных> записок“, срок выхода которого приближается». Далее Некрасов указывает на те изменения («жертвы»), которые он был вынужден внести в текст: «Я принес некоторые жертвы цензору Л<ебедеву>, исключив солдата и две песни, но выкинуть *историю о Якове*, чего он требовал под угрозою ареста книги журнала, не могу — поэма лишится смысла <…> Я же, признаюсь, жалею и тех мест, на исключение которых согласился, — я это сделал против убеждения».

Январский номер журнала за 1877 г. вышел без «Пира…». В нем было помещено лишь небольшое

объявление: «Печатание поэмы Н. А. Некрасова „Пир на весь мир“ отложено по нездоровью автора» (ОЗ, 1877, № 1, с. 3 обложки). М. Е. Салтыков-Щедрин, имея в виду, что «Пир…» был вырезан из № 11 «Отечественных записок» за 1876 г. и не был разрешен для публикации в составе № 1 журнала за 1877 г., в письме к А. М. Жемчужникову (март 1878 г.) упоминал, что «„Пир на весь мир“ *два раза* вырезался из журнала» (Салтыков-Щедрин, т. XIX, кн. 1, с. 73; курсив наш. — *Ред.).*

Работа больного поэта над «Пиром…» после ноября 1876 г. была в основном подчинена одной цели: провести сквозь цензуру запрещенное произведение. Вполне естественно, что большинство изменений, внесенных Некрасовым в текст, действительно были жертвами, приносимыми поэтом «со скрежетом зубов, лишь бы последнее, дорогое ему детище увидело свет» *(Салтыков-Щедрин М. Е.* Письма 1845–1889. — В кн.: Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Л., 1924, с. 021). По всей вероятности, Некрасов отредактировал начало «Пира…», придав ему более самостоятельный характер, чтобы опубликовать этот отрывок («Доброе время — добрые песни») в цикле «Последние песни», подготовляемом для № 2 «Отечественных запи-

сок» за 1877 г. или для отдельного издания под этим названием. А. Н. Пыпин в записной книжке от 15 января 1877 г. отмечал: «Вместе с тем Некрасов намерен сделать другую вещь: теперь же выпустить книжку своих стихов, поместить туда „Пир“ и новые стихотворения и представить в цензуру, которой нечего будет сказать против этого издания» (ЛН, т. 49–50, с. 192). После заглавия и подзаголовка Некрасов выставляет дату «1861», которая в сочетании с заголовком имела характер явной маскировки. Желая во что бы то ни стало опубликовать хотя бы отрывок из «Пира», Некрасов идет и на то, чтобы именно сюда ввести строки, противоречащие не только смыслу поэмы, но и сущности всей его поэзии:

Славься народу
Давший свободу!
Дело любви,
Господи правый,
Счастьем и славой
Благослови!

И все же ни текст «Пира» в целом, ни отрывок из него в печати при жизни Некрасова не появились. «Пир…» был напечатан лишь в 1881 г. на

страницах февральского номера «Отечественных записок» в искаженном виде, с подписью: «Н. Некрасов» и датой: «Октябрь, 1876. Ялта». Н. М. Михайловский в одном из примечаний к статье «Записки современника», помещенной в том же номере журнала, говоря о «Пире...», отмечает: «Печатаемая ныне глава написана в 1876 г., но в свое время не могла появиться на свет по причинам цензурного свойства. Покойный поэт очень хотел видеть ее в печати и, уже больной, при смерти, делал, в угоду цензуре, разные урезки и приставки, лишь бы пропустили. В этом именно виде, то есть с урезками и приставками, поэма печатается теперь...» (ОЗ, 1881, № 2, с. 262). В этой публикации отсутствуют песни «Веселая», «Солдатская», рассказ о «пенции» и солдатских ранах (диалог Клима и солдата), исключен целый ряд строк, произведены явно цензурные замены. В издании 1881 г. текст «Пира...» оказался разделенным на пять глав и вступление, четыре главы имеют названия: «Горькое время — горькие песни», «Странники и богомольцы», «И старое, и новое», «Доброе время — добрые песни». Последняя, небольшая главка оставлена без названия. Все главы имеют нумерацию римскими цифрами, причем последняя, пятая по счету, ошибочно

обозначена, как и предыдущая, четвертой. В той же редакции текст был опубликован вслед за № 2 «Отечественных записок» в Ст 1881, с. 316–336, с подзаголовком: «Из четвертой части».

В 1870-1880-х гг. «Пир...» получил широкое распространение в списках и гектографированных изданиях, в основе которых лежали тексты Оттиска 76, наборной рукописи и бесцензурного издания 1879 г. (ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 14, л. 1-35 об., список И. Алексеева, датирован 30 января 1877 г., воспроизводит текст Оттиска 76; там же, ф. 191 (П. А. Ефремова), оп. 1, № 495, список рукой неустановленного лица, пользовавшегося всеми названными выше текстами; Центральная Библиотека АН УССР, список рукой неустановленного лица с издания 1879 г., с некоторыми описками; гектографированное издание: Н. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо. Вахлатчина. 1880, 86 с.,[22] воспроизводящее текст Оттиска 76 с незначительными неточностями и описками; гектографированное издание с заглавием: «Н. Некрасов» и эпиграфом: «Пел он воплощение

[22] Примечания: 22

На экземпляре, хранящемся в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отметка жандармского управления: «По протоколу вскрытия № 2. 18 марта 1880 г. найдена и отобрана у студента Толузакова».

счастья народного», б/д, 132 с., идентичное предыдущему). «Пир…» посвящен Сергею Петровичу Боткину (1832–1889), профессору медицины, лечащему врачу и близкому знакомому Некрасова.

2

Главу «Пир на весь мир» от завершенной в 1873 г. «Крестьянки» отделяют три года. Значительная часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо» была уже написана, и автор уже думал об ее финале. «Начиная, — признавался поэт, — я не видел ясно, где ее конец…» (ЛН, т. 49–50, с. 204), С мучительными поисками этого, не сюжетного, а проблемного завершения произведения, и был связан, по-видимому, этот трехлетний перерыв в работе Некрасова над поэмой. В чем счастье человека, кто может в условиях русской действительности чувствовать себя счастливым и где лежит дорога к народному благоденствию, — па эти поднятые в поэме вопросы читатели-современники ждали по-некрасовски ясного ответа. Мы располагаем двумя свидетельствами, говорящими о том. что к началу 1875 г. этого ответа, в том его виде, в котором он дан в главе «Пир…», у автора «Кому на Руси…» еще не было. В феврале 1875 г. на вопрос писателя А. Шкляревского, каков

будет финал поэмы, кому же на Руси жить хорошо, Некрасов ответил с горькой иронией: «..если порассудить, то на белом свете не хорошо жить никому....» *(Шкляревский А. А.* Из воспоминаний о. Н. А. Некрасове. — Неделя, 1880, № 48, с. 773–774). А в беседе с Г. И. Успенским поэт подробно рассказал, «как именно предполагал окончить поэму». Счастливцем, которому хорошо жить на Руси, оказывался «спившийся с кругу человек», повстречавшийся странникам в кабаке (Пчела, 1878, № 2).

План завершения поэмы, о котором говорит Г. И. Успенский, по-своему любопытен и полон драматизма, но безнадежно пессимистичен. Он не соответствовал намерению автора создать «книгу, полезную» для народа (там же), противоречил основной мысли и тону поэмы. И Некрасов не удовлетворился скептическим финалом «пьяного счастья», придав движению поэмы иное, полное высокого социального и нравственного пафоса направление. Подсказали его автору «Кому на Руси...» общественно-политические события середины 1870-х гг.

Это было время активного развития революционного народничества, «хождения в народ», время «второго демократического подъема».

Россия опять, как и в 1859–1861 гг., оказалась па пороге революционных событий, и сама жизнь поставила вопрос о типе руководителей, способных возглавить и направить стихийное движение масс.

Некрасов пристально присматривался к деятельности народнической интеллигенции. Он был свидетелем судебных процессов над народниками-агитаторами, был хорошо знаком с их взглядами, с революционной молодежью его объединяли любовь к народу и защита его интересов. Некрасова, видевшего смысл жизни человека в том, чтобы «спешить на помощь другим» (ПСС, т. X, с. 355), понимавшего «невозможность Служить добру, не жертвуя собой» («Пророк», 1874), восхищала самоотверженность молодого поколения. И трагедия «хождения в пород», завершившаяся правительственными репрессиями, еще более подчеркнула для него нравственную красоту революционного подвижничества. Когда в 1876 г. поэт вернулся к работе над «Кому на Руси…», он, отбросив бесперспективный финал «пьяного счастья», отвечал на поставленный в поэме вопрос в духе этики революционного народничества.

В опубликованных ранее главах эпопеи Некрасов стремился прежде всего исследовать

особенности социального и психологического облика русского крестьянства как потенциальной движущей силы грядущей революции. Авторское представление о человеческом счастье неизменно присутствовало в поэме, но присутствовало лишь как точка отсчета, эталон, необходимый для оценки поповского и помещичьего «счастья». Теперь у автора эпопеи возникает намерение идеалам счастья «существователей» противопоставить высокое понимание его революционерами, ввести в новую главу поэмы образ положительного героя, юноши Григория Добросклонова, который готов «отдать всю жизнь свою» борьбе за счастье родной вахлачины.

В «Пире...» революционные тенденции поэмы получают наибольшую концептрированность. В ней нарисована страшная картина крепостнического произвола, разоблачается грабительский характер реформы, оставившей «освобожденное» крестьянство в состоянии нищеты и бесправия, утверждается право народа на борьбу, слышится призыв к ней. В лирических отступлениях автор высказывает уверенность, что «народу русскому Пределы не поставлены: Пред ним широкий путь».

Для завершения эпопеи нужны были, по сло-

вам поэта, «…еще года три-четыре жизни» (ЛН, т. 49–50, с. 204), а оставались считанные месяцы, слишком малый срок для воплощения всего задуманного. И, ощущая свою поэтическую деятельность как форму участия в освободительной борьбе, Некрасов спешит в новой главе «Кому на Руси…» изложить свое кредо, дать ответ на поставленные в эпопее вопросы, сказать читателю свое последнее слово. В результате — все нарастающая лирическая взволнованность, усиление авторского голоса и — соответственно — частичное отступление от тех принципов художественного изображения действительности, которые характеризуют все предшествующие главы «Кому на Руси…». Там эпическое повествование лишь иногда прерывалось лирическими всплесками типа авторского размышления-мечты «Эх! эх! придет ли времечко…». Здесь лирическое начало равноправно соседствует с эпическим, автор-повествователь как бы отделяется от странников-правдоискателей, обретает большую активность, давая читателю возможность узнать и увидеть то, что осталось за пределами наблюдений и понимания мужиков.

Именно это авторское начало, проявляющееся не только в лирических отступлениях, которыми

так богата новая глава эпопеи, но и в продуманной компоновке материала, делает пеструю мозаику сказов, жанровых сцен, песен последовательным размышлением поэта о судьбах народа и Родины. Композиция главы строится на движении мысли от старого к новому, от прошлого к будущему Родины. Поэтический гений автора «Пира…» достигает порой небывалой силы. Вместе с тем в этой главе встречаются срывы, вялые, неудачные стихи — следствие мучительной болезни, физического угасания поэта.

Как и в главе «Последыш», действие в «Пире…» развертывается в деревне Большие Вахлаки. Здесь, на окраине села, под старой ивою, в ночь после «смерти князя старого» вахлаки собрались обсудить свои дела. К ним примыкает п много разного проезжего люда. Странники растворяются в этой пестрой народной толпе, ибо активность мысли, напряженная работа сознания характеризует теперь всех собравшихся под старой ивой мужиков, затеявших горячий спор о правде, грехе и его искуплении. Вот здесь-то в самый разгар народного диспута, под утро, и появляется Григорий Добросклонов.

После неудачи «хождения в народ» «демократическая интеллигенция обсуждала вопрос о

переходе от „летучей“, „бродячей“ пропаганды к пропаганде „оседлой“ <…> Образом Гриши Некрасов как бы включается в споры о формах и методах пропаганды в деревне…» *(Гин М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971, с. 109–110). Некрасов считал, что залогом успеха в деле борьбы за «долю народа, счастье его» является тесная связь и предельная близость между крестьянской массой и пропагандистами. Задумав ввести в поэму фигуру положительного героя, юноши-революционера, он и стремится продемонстрировать этот тезис, воспользовавшись уже готовым поэтическим материалом главы «Последыш», видимо, потому, что времени для полной реализации замысла эпопеи не было, а глава «Последыш», в которой изображалась темная, но уже просыпающаяся вахлачина и ставился вопрос о народном благоденствии, давала возможность показать, как из самой народной среды выходят люди, формирующие ее сознание. II автор соединяет «Пир…» с «Последышем» не только местом и временем действия, но и общностью персонажей, сделав в тексте «Пира…» соответствующее примечание (см. с. 188 наст. тома).

Усиление в главе «Пир на весь мир» лирического начала определило и структуру образа

Григория Добросклонова. Не случайно автор сделал Гришу поэтом: в сердце юноши он вложил свои чувства, в его уста — свои песни (субъективно-лирическая основа образа Гриши еще отчетливее ощущается в черновых рукописях главы). Так, в песне «Русь» звучит вера поэта в то, что уже загорелась в народе «искра сокрытая» революционной энергии и что «сила народная, сила могучая» рано или поздно выведет его Родину на широкий и светлый путь. А песня «Средь мира дольного…» — итог многолетних размышлений автора эпопеи о смысле жизни, об истинных и ложных путях человека в ней. Некрасов не только противопоставляет два таких пути, не только отвергает эгоистические представления о счастье, но призывает молодежь идти «на бой, на труд» за «долю народа, счастье его», давая тем самым ответ на вопрос, во имя чего должен жить человек и в чем состоит его высшее назначение. Таким образом, в песнях Гриши получили завершенность и социальные, и нравственные вопросы, поставленные в эпопее «Кому на Руси жить хорошо».

Понимание сущности Гришиного счастья еще не доступно народному сознанию. Странники — искатели счастливого так и не узнали, «что

творилось с Гришею», но обращенный к демократической интеллигенции призыв Некрасова сыграл огромную роль в формировании ее гражданского сознания, а следовательно и в развитии революционного движения в России.

Основой поэтической мысли Некрасова всегда была «реальность», действительность. И если рассматривать образ Гриши Добросклонова как попытку Некрасова художественно воссоздать идеальный тип общественного деятеля, необходимого России, то мы вправе говорить о его недорисованности, которую нельзя объяснить только оглядкой на цензуру. Дело, видимо, в том, что действительность 1870-х гг. не давала еще материала для реалистического изображения живого, исторически конкретного образа революционера, кровно близкого крестьянской массе и ведущего свой народ к торжеству социальной справедливости. Создавая образ Гриши, Некрасов вступал в область мечты. Отсюда известная контурность образа, столь неожиданная в эпопее, где каждая фигура зрима и осязаема.

…«Положение», Как вышло, толковали им… — Царский «Манифест» и «Положения…» вызвали многочисленные толки и слухи среди крестьянства. «Лжетолкователи», «бойкие говоруны»,

«подстрекатели», как именовались в официальных донесениях пропагандисты, старались разъяснить крестьянам, что реформа принесла им лишь новые тяготы и разорение (см. об этом: *Базанов Вас.* От фольклора к народной книге. Л., 1973, с. 206–296).

Луга поемные — заливные луга.

Барона Синегузина…; ср. пояснение Некрасова к этой фамилии: *Тизенгаузена.* — Помещик Ярославской губернии барон Тизенгаузен имел владения в Рыбинском уезде (см.: Памятная книжка Ярославской губ. на 1862 год. Ярославль, 1863).

В основу рассказа дворового «Про холопа примерного — Якова верного» легла история, услышанная А. Ф. Кони от сторожа волостного правления Николая Васильевича и переданная им Некрасову. А. Ф. Кони в воспоминаниях о поэте пишет: «На мой вопрос, отчего он (Некрасов, — *Ред.)* не продолжает „Кому на Руси жить хорошо“, он ответил мне, что по плану своего произведения дошел до того места, где хотел бы поместить наиболее яркие картины из времен крепостного права, но что ему нужен фактический материал, который собирать некогда и трудно, так как у нас даже недавним прошлым никто не инте-

ресуется. „Постоянно будить надо, — без этого русский человек способен позабыть и то, как его зовут“, — прибавил он» *(Кони А. Ф.* Собр. соч. в 8-ми т., т. VI. М., 1968, с. 260–261). И А. Ф. Кони тут же передал поэту рассказ старого сторожа: «В другой раз тот же старик рассказал мне с большими подробностями историю другого местного помещика, который зверски обращался со своими крепостными, находя усердного исполнителя своих велений в своем любимом кучере — человеке жестоком и беспощадном. У помещика, ведшего весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силач-кучер на руках вносил его в коляску и вынимал из нее. У сельского Малюты Скуратова был, однако, сын, на котором отец сосредоточил всю нежность и сострадание, не находимые им в себе для других. Этот сын задумал жениться и пришел с предполагаемой невестой просить разрешения на брак. Но последняя, к несчастью, так приглянулась помещику, что тот согласия не дал. Молодой парень затосковал и однажды, встретив помещика, упал ему в ноги с мольбою, но, увидя его непреклонность, поднялся на ноги с угрозами. Тогда он был сдан не в зачет в солдаты, и никакие просьбы отца о пощаде не помогли. Последний запил, но недели через две снова оказался на

своем посту, прощенный барином, который слишком нуждался в его непосредственных услугах. Вскоре затем барин поехал куда-то со своим Малютою Скуратовым на козлах. Почти от самого Панькина начинался глубокий и широкий овраг, поросший по краям и на дне густым лесом, между которым вилась заброшенная дорога. На эту дорогу, в овраг, называвшийся Чертово Городище, внезапно свернул кучер, не обративший никакого внимания на возражения и окрики сидевшего в коляске барина. Проехав с полверсты, он остановил лошадей в особенно глухом месте оврага, молча, с угрюмым видом, — как рассказывал в первые минуты после пережитого барин, — отпряг их и отогнал ударом кнута, а затем взял в руки вожжи. Почуяв неминучую расправу, барин в страхе, смешивая просьбы с обещаниями, стал умолять пощадить ему жизнь. „Нет, — отвечал ему кучер, — не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу, а только так ты нам солон пришелся, так тяжело с тобой жить стало, что вот я, старый человек, через тебя душу свою погублю…“. И возле самой коляски на глазах у беспомощного и бесплодно кричащего в ужасе барина он влез на дерево и повесился па вожжах. Выслушав мой рассказ, Некрасов заду-

мался, и мы доехали до Петербурга молча <…> и когда мы расставались, сказал мне: „Я этим рассказом воспользуюсь“, — а через год прислал мне корректурный лист, на котором было набрано: „О Якове верном — холопе примерном“, прося сообщить, „так ли?“. Я ответил ему, что некоторые маленькие варианты нисколько не изменяют существа дела, и через месяц получил от него отдельный оттиск той части „Кому на Руси жить хорошо“, в которой изображена эта пропекая история в потрясающих стихах» (там же, с. 263–264). Способ мести, к которому прибегает Яков, был известен в народном быту, особенно у восточных народностей. Повеситься на глазах обидчика означало, по народным представлениям, причинить ему непременное несчастье (см.: *Кубиков И. Н.* Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1933, с. 100). Такая месть называлась «сухой бедой». «„Тащить сухую беду“ — это значит, что назло своему заклятому врагу нужно повеситься у него во владении, чтобы заставить его мучиться всю жизнь» *(Телешов Н.* Рассказы, т. 1. СПб., 1903, с. 133). По свидетельству С. В. Максимова, и у финских народов долгое время практиковалась «сухая беда»: «Обиженный вешался на воротах обидчика на пущее горе для

живого» *(Максимов С. В.* Сибирь и каторга, т. II. СПб., 1871, с. 76).

Долгуша — длинный экипаж, линейка.

Не утрафили — не угодили, не попали.

Была капель великая, Да не на вашу плешь! — Ср. народную пословицу: «Эта капель не на вашу плешь» (Даль, с. 672).

Разбой — статья особая… — В народном сознании разграничивался «социальный разбой» и обычный грабеж. Фольклор свидетельствует, что симпатии народа были на стороне «социального разбойника», в то время как вор и грабитель вызывал справедливое негодование и презрение.

Прасол — торговец, скупающий оптом у крестьян продукты, скот.

…целые селения ~ Идут… — Из-за голода и бедности попрошайничество в России приняло огромные размеры. В некоторых местностях оно превратилось в особый промысел. Об этом явлении русского народного быта в 1874–1875 гг. писали «Отечественные записки» (см., например: *Максимов С. В.* Бродячая Русь. Нищеброды и калуны. — ОЗ, 1876, № 10, с. 463–496).

Просфоры афонские — просфоры, освященные в одном из монастырей на Афоне.

Слезки богородицы — огородное растение,

имеющее твердые крупные семена, которые употреблялись для четок.

Что дальше Троицы-Сергия… — Троице-Сергиевская лавра под Москвой, популярное место богомолья.

Старообряд Кропильников… — Отмечая, что Ярославская губерния была почти на три четверти раскольничья и скрытническая секта имела здесь большее, нежели где бы то ни было, число приверженцев, В. А. Архипов указывает, что Некрасов, живя в ярославских деревнях, сам собирал материал для создания образа «старообряда Кропильникова». Вместе с тем В. А. Архипов предполагает знакомство поэта с работой Л. Н. Трефолева, вышедшей в 1866 г. *(Трефолев Л. П.* Странники. Эпизод из истории раскола. — Труды Ярославского статистического комитета, вып. I. Ярославль, 1866). См. об этом: *Архипов Б. А.* Поэзия борьбы и труда. Очерки творчества Н. А. Некрасова. М., 1973, с. 246–256.

Ушицы ложкой собственной, С рукой благословляющей… — Имеется в виду обычай старообрядцев употреблять собственную посуду. На черенке ложки вырезались два благословляющих перста (староверческое двуперстное знамение).

…быль афонскую… — В 1821 г. во время борьбы

Греции за независимость в афонских монастырях появились агитаторы-греки, склонившие монахов принять участие в восстании против турок. Монахи подняли восстание, но были разгромлены турками, большинство их было загнано в море и потоплено, часть же вырезана на горе Афон (см.: *Кубиков И. Н.* Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 105–106, а также: *Благовещенский Н.* Афон. М., 1864).

Поля старозапашные — старопахотные, долгое время находившиеся под пашней.

Кудеяр-атаман — герой легенд, принадлежащих фольклорной традиции. Некрасов по-своему использует и обрабатывает мотивы этих легенд. См. об этом: *Андреев П. Я.* Легенды о двух великих грешниках, — Изв. Ленипгр. гос. пед. ин-та им. Герцена, 1929, вып. 1, с. 186–188; *Гин М. М.* Спор о великом грешнике. (Некрасовская легенда «О двух великих грешниках» и ее истоки). — В кн.: Русский фольклор, VII. М.-Л., 1962, с. 84–98; *Базанов Вас.* От фольклора к народной книге, с. 266–269. Некрасовская интерпретация Кудеяра как народного мстителя и заступника близка трактовке, выраженной в статье анонимного автора, опубликованной в «С.-Петербургских губернских ведомостях» за 1875 г. (№ 167) (см.

об этом: *Гин М. М.* О двух легендах из «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Некрасов и русская литература второй половины XIX — начала XX в. Ярославль, 1981, с. 25–26).

Глянул — и пана Глуховского… — В «Колоколе» Герцена от 1 октября 1859 г. под рубрикой «Жестокое обращение и другие злодейства помещиков» была опубликована заметка о происшествии в Смоленской губернии, сообщавшая о том, что помещик Глуховский засек своего крепостного крестьянина. Некоторые исследователи полагают, что этот помещик, упомянутый в «Колоколе», может быть назван прототипом персонажа некрасовской легенды (см.: *Нольман Ш. Л.* Легенда и жизнь в некрасовском сказе «О двух великих грешниках». — РЛ, 1971, № 2).

…трусу празднуют… — народный фразеологизм (см.: Даль, с. 279, а также: *Мещерский Н. А.* О происхождении фразеологизма «трусу праздновать» («труса праздновать»). — В кн.; Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977, с. 76–79).

…а нашей галочке ~ Всего милей… — Близкую пословицу («Нет певчего для вороны супротив родного вороненка») см.: Даль, с. 666.

Аммирал-вдовец по морям ходил… — По предположению М. М. Гина, прототипом «аммира-

ла-вдовца» явился граф А. Г. Орлов-Чесменский, имевший титул генерал-адмирала и щедро награжденный Екатериной тысячами крепостных крестьян *(Гин М. М.* О двух легендах из «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература… с. 28–39).

Под Ачаковым… — Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. укрепленный турками Очаков оказался центром военных операций. Шестимесячная осада его русскими войсками завершилась взятием крепости штурмом.

Досыта не едавшие, Несолоно хлебавшие… — Ср.: «Как несолоно хлебал»; «Досыта не наедаемся, а с голоду не умираем»; «Досыта не наедаемся, допьяна не напиваемся» (Даль, с. 32, 83, 84).

Драть будет волостной… — «Положением» 1861 г. были учреждены волостные суды, наделявшиеся правом приговаривать крестьян к телесным наказаниям (сечению розгами). Телесные наказания были отменены лишь в 1904 г.

Пещур — котомка или лубяная корзинка.

Светает. Снаряжаются ~ Прогнали, как сквозь строй! — Эпизод расправы крестьян с доносчиком прокомментирован А. А. Буткевич в письме от 13 декабря 1878 г. к С. И. Пономареву: «А знаете ли, что это истинное происшествие: в 74 году

я провела лето с братом в бывшем его имении Ярослав<ской> губ., в селе Карабихе. Не могу сказать наверное, сам ли исправник или один из акцизных чиновников рассказывал при мне брату о крестьянине-шпионе, который возбудил подозрение в мужиках тем, что, ничего не делая, одевался щеголем и имел всегда деньги, — вот они и добрались откуда и, сообразив, что это за птица, заманили его в лес и избили. Мужик-шпион убрался из своей деревни, но всюду, где он появлялся, его били по наказу. Помнится, что история эта кончилась трагически. Все это, конечно не для печати, но со временем, через много, много лет, когда появится на свете „Пир на весь мир“, было бы кстати разъяснить, за что бьют этого злосчастного Егорку, — иначе не будет смысла…» (ЛН, т. 53–54, с. 190). В некрасовских набросках планов дальнейшего развития поэмы имелась заметка, относящаяся к данному эпизоду: «Как мужики распорядились с шпионами из своих» (см. с. 598 наст. тома). О подобной расправе крестьян с доносчиком см. очерк П. И. Якушкина «Бунты на Руси» (1866). Автор очерка передает суждение мужиков: «У нас отродясь доносчиков не было <…> а вот он стал ябедником, а для того на расправу <…> Мир приговорил: стало, по правде»

(Якушкин П. И. Соч. СПб., 1884, с. 47–48).

Раек — ящик с передвижными картинками, которые рассматривают через увеличительные стекла. Раешник сопровождал показ картинок комическими или сатирическими прибаутками.

А коли семь-то рубликов Платить… — В 1868 г. Комитет министров повысил тарифы на Московско-Петербургской железной дороге с 5 руб. до 7 руб. 50 коп. для проезда пассажиров 3-го класса. Поездка по железной дороге оказывалась теперь практически недоступной для простого люда (см.: *Кубиков И. Н.* Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 112–113). Это правительственное мероприятие и его последствия стали предметом обсуждения на страницах «Отечественных записок» в статье «Оглянемся назад», принадлежавшей В. В. Берви-Флеровскому. Автор, говоря о повышении железнодорожных тарифов, писал: «Явились в свет чудовищные паровозные тарифы, которые постоянно повышались в то время, когда они должны были понижаться; для перемещающегося по железным дорогам населения они сделались невыносимым гнетом, народ во множестве идет пешком, вместо того чтобы платить непомерные тарифы. Железные дороги все более превращаются в гнетущую монопо-

лию…» (ОЗ, 1876, № 5, с. 143).

У богатого ~ Оскотинился. (Ср. также ст. 1286-12 9 6: *Только трех Матрен ~ Несет каравая…).* - В основе песен фольклорные приговорки, раешные стишки. Запись их Некрасовым относится к 1843–1848 гг., когда поэт работал над «Жизнью и похождениями Тихона Тростникова», их тексты находятся в составе черновиков этой повести: «Вапюха! давай-ка табаку понюхам носового, да помянем Кузьму Мосолова, Тюшу да Матюшу, избранную душу, Аверьку да Романа, коверкало бы его да ломало, трех Матрен да Луку с Петром, дедушку Трифона да бабушку Власьевну… На Волге на берегу лежит вот эдакий рожище табаку. Наш брат, голенький голячок, садится на скачок, потягивает табачок, божью травку, Христов корешок, бога хвалит, Христа величает, а богатого проклинает. У богатого, у богатины много пива и меду, да мало в том проку. Он меня не напоит, не накормит, со своей женой…» (ПСС, т. VI, с. 523). Аналогичные приговорки были зафиксированы позднее у Даля: «Чок! чок! чок! табачок, садится добрый молодец на толчок, испивает божью траву. Христов корешок». «Понюхаем табаку носового, вспомянем Макара плясового, трех Матрен да Луку с Петром», «Бога хвалим, Христа

величаем, богатого богатину проклинаем», «У богатого-богатины пива-меду много, да с камнем бы его в воду» (Даль, с. 909, 71,742).

Деньга — полкопейки.

Ему бы в Питер надобно До комитета раненых. — «Комитет о раненых» был учрежден в 1814 г. (с декабря 1877 г. назывался «Александровским»).

Эпилог

Гриша Добросклонов. — В письме к С. И. Пономареву, внося необходимые поправки в рукопись «Пира», А. А. Буткевич к фамилии Добросклонов дает собственное примечание: «Это Добролюбов» (ЛН, т. 53–54, с. 190).

...на верстак... — Здесь: стойка, прилавок.

Сила в ней скажется Несокрушимая! — Эти строки часто перефразировались в пропагандистской литературе революционных народников. См., например, сказку «О четырех братьях»: четверо путешествующих братьев из конца в конец обошли «Русь крещеную», попали на каторгу, но не потеряли веры, что «пробудится народ, он почует в себе силу могучую, силу необоримую» (Агитационная литература русских революционных народников. Л., 1970, с. 294). См. об этом:

Соколов Н. И. Некрасов и литературное народничество. — РЛ, 1967, № 3.

Наброски к поэме и ее неосуществленным главам[*]

<1>. Печатается по автографу.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: фрагмент «Псарь, ~ Молодые помещики» — Бюллетени рукописного отдела Пушкипского Дома, вып. III. М.-Л., 1952, с. 29; фрагмент «Мы тут воруем лес.» — ПССт 1931, с. 576; фрагмент «Прибавить ~ и проч.» — ПССт 1931, с. 573; фрагмент «Купец ~ по 1 1/2» — ПССт 1927, с. 485. Остальные фрагменты, составляющие <1>, публикуются и включаются в собрание сочинений впервые.

Автограф чернилами и карандашом на отдельном листе с набросками к «Прологу», главе «Сельская ярмонка» и сатире «Балет» — ИРЛИ, № 21200, п. 21, л. 59.

<2>. Печатается по автографу.

Публикуется и включается в собрание сочинений впервые.

Автограф чернилами на полях рукописи главы «Сельская ярмонка» — ГБЛ, ф. 195, М. 5745, л. 20.

<3>. Печатается по автографу.

Впервые опубликовано: фрагмент «Как многие источники ~ Как коня куют.» — ПСС, т. III, с. 648–649; фрагмент «Какое-нибудь страшное злодейство, а до той поры не думали.» — Неизданные стихотворения Некрасова. СПб., 1918, с. 92.

В собрание сочинений впервые включено: фрагмент «Как многие источники ~ Как коня куют» — т. III указанного выше издания; фрагмент «Какое-нибудь страшное злодейство ~ а до той поры не думали.» — там же, с. 649–650.

Автограф чернилами на листе с карандашными набросками к главе «Поп» — ИРЛИ, ф. 203, № 12, л. 1.

<4>. Печатается по автографу.

Впервые опубликовано (без вариантов) и включено в собрание сочинений: Ст 1920, с. 549–550.

Автограф на развернутом листе, чернилами с вычеркиваниями и вставками — ИРЛИ, ф, 203, № 12, л. 27–28 об. (л. 28-чистый).

<5>. Печатается по автографу.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПСС, т. III, с, 569.

Автограф карандашом — ИРЛИ, № 21200, п. 32, л. 58–58 об. (л. 58 об. — чистый).

<6>. Печатается по автографу.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПСС, т. III, с. 569–570.

Автограф чернилами в верхней части листа с черновыми записями, относящимися к «Крестьянке», — ИРЛИ, № 21200, п. 21, л. 108.

<7>. Печатается по автографу.

Впервые опубликовано: Звенья, V. М., 1935, с. 511.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. III, с. 570.

Автограф карандашом на л. 2 об. обложки наборной рукописи поэмы «Княгиня Трубецкая» — ИРЛИ, ф. 203, № 179, л. 12.

<8>. Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1879, т. IV, с. LXXXIX.

Тексту песни предпослано объяснение С. И. Пономарева: «По смерти поэта в его бумагах найден был план еще одной задуманной им части поэмы под заглавием „Смертушка“. Действие происходит на Шексне в самый разгар сибирской язвы. По бечевнику бродят полуживые лошади, тут же валяются мертвые. По реке плывут лошадиные трупы. Ночь. По берегам местами разложены костры, у которых видны фигуры судорабочих.

Слышится песня». После стихотворного наброска С. И. Пономарев сделал примечание: «Далее в рукописи идет следующая заметка Некрасова», имея в виду текст «Эта песня со что счастлив *чиновник.»* (Ст 1879, т. IV, с. XXXIX). Ср. текст песни: наст. том, с. 512–513.

Автограф не найден.

<9>. Печатается по автографу.

Впервые опубликовано (с некоторыми неточностями) и включено в собрание сочинений: ПСС, т. III, с. 647–648.

Автограф чернилами на двойном листе с карандашными набросками отдельных стихотворных строк, относящимися к поэме «Княгиня Трубецкая» (на л. 2 об.), — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 38, л. 1–4 об. (л. 2 — чистый).

<10>. Печатается по копии А. А. Буткевич.

Впервые опубликовано (с неточностями) и включено в собрание сочинений: Ст 1879, т. IV, с. XXXVIII.

Автограф не найден. Копия в письме А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 13 декабря 1878 г. — ИРЛИ, Р. II, он. 1, № 40, л. 37–37 об. А. А. Буткевич переписала этот набросок со следующим замечанием: «Когда дело дойдет до поэмы „К<ому> на

Р<уси> ж<ить> х<орошо>“, пристройте, если найдете полезным, недавно открытый мною листок, он написан рукою брата. Очевидно, это план для дальнейшего развития поэмы — вот он».

<11>. Печатается по автографу.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПСС, т. III, с. 650.

Автограф карандашом па отдельном листе — ИРЛИ, ф. 203, № 42. л. 5.

<12>. Печатается по автографу.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПСС, т. III, с. 680.

Автограф карандашом на последнем листе наборной рукописи главы «Помещик» — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 13, л. 39.

<13>, Печатается по автографу.

Публикуется и включается в собрание сочинений впервые.

Автограф карандашом на полях первого листа черновой рукописи главы «Помещик» — ГБЛ, ф. 195, М. 5745, л. 40.

<14>. Печатается по автографу.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПСС, т. III, с. 570.

Автограф карандашом, текст местами стерт, на листе с набросками к «Пиру на весь мир» — ГБЛ. ф. 195, карт. 1, № 9, л. 3 об.

Замысел «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов не успел реализовать полностью. Умирая, он глубоко сожалел, что не окончил своей поэмы: «…если бы еще года три-четыре жизни. Это такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение. И чем дальше пишешь, тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры, картины…» (ЛН, т. 49–50, с. 204).

Мы располагаем рядом планов и набросков к поэме, сделанных Некрасовым в разное время. Изучение их помогает в какой-то мере представить то, о чем хотел, но не успел написать поэт. Судя по ранним наброскам (<1>, <2>, <3>), он хотел рассказать о Мстере, развитии промыслов, о вытеснении старого речного транспорта пароходами, нарисовать картины деревень, охваченных половодьем, выявить причины, порождающие в народе преступность. Одни записи этой группы нашли свое развитие в «Кому на Руси…» («Баба — конь в корене», «Рожь кормит всех», «Губернаторша» — в «Крестьянке»; «Мы тут воруем лес» — в «Последыше»; «Собачник» — возможно, в главе «Помещик»), другие — в лирике («Разли-

вы, деревья в воде» и «Соловьиная роща» — см. «Стихотворения, посвященные русским детям»), третьи остались нереализованными.

В первой части произведения странники «доведывают» попа и помещика. Новые очертания сюжетного рисунка — поиски Избыткова села («Последыш»), «доведывание» Матрены Корчагиной («Крестьянка») — не изменили намерения Некрасова написать главы, в которых рассказывалось бы о встречах мужиков с другими кандидатами в счастливцы, перечисленными в «Прологе».

Для главы о купце Некрасов сделал набросок (<1>), в котором подчеркиваются скупость и ханжество героя. Глава осталась ненаписанной, но обюазы купцов, мелькающие в поэме («Пьяная ночь», «Счастливые»), характеризуются примерно так же.

Гораздо обстоятельнее разработана поэтом глава о чиновнике. Она, судя по наброскам (<4> — <9>), должна была стать одной из самых интересных и драматических частей поэмы.

Замысел главы связан с фактами реальной действительности (см. об этом: *Тарасов А.* Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1977, с. 127–131). В конце 1860-х гг. северные губернии России охватил

голод и одновременно эпидемии холеры и сибирской язвы. Бедствие это распространилось и на такие знакомые Некрасову по охотничьим поездкам места, как Рыбинск и Шексна. Летом 1870 г. поэт получил письмо от А. С. Пругавина. «Вы, вероятно, помните, — писал последний, — шестьдесят восьмой год, когда наши газеты и журналы толковали на разные лады о голоде, постигшем Архангельскую, Олонецкую и некоторые другие губернии». И дальше корреспондент сообщал о нашумевшем тогда «предприятии г-жи Вельяшевой», организовавшей для пострадавших от голода крестьян бесплатные обеды, лечебницу, мастерские, и о ее муже, мировом посреднике, потерпевшем от начальства за свою деятельность. Письмо Пругавина. явившееся, по-видимому, импульсом для замысла «Смертушки» (так, по свидетельству С. И. Пономарева (см. выше, с. 684), была условно названа Некрасовым глава о чиновнике), дает ключ к наброску <5>: «Подготовка для сиб<ирской> язвы со Вельяшева, ее муж, от них сведения о голоде.)». Деятельность Вельяшевых заинтересовала Некрасова, он, очевидно, познакомился с ними и на основе живого рассказа кратко записал драматический сюжет.

В августе 1872 г. Н. А. Некрасов вместе с А. Н.

Ераковым ездил охотиться на Шексну. Поездка в места, недавно пережившие голод и эпидемию, способствовала формированию замысла. Какие-то факты Некрасов мог узнать от местных жителей, какие-то сведения рассчитывал получить от А. Н. Еракова, который, служа в министерстве путей сообщения, имел доступ к материалам о голоде. Над главой о чиновнике Некрасов собирался работать летом 1873 г. за границей. 25 июня (7 июля) 1873 г. он пишет Еракову из Киссенгена: «...желал бы иметь от тебя к Диеппу материалы для Шексны». Поэт захвачен замыслом. На обложке рукописи поэмы «Княгиня Трубецкая» (см. выше, с. 596) мы находим наброски к задуманной главе. Но потому ли, что нужные материалы Браков не доставил, или потому, что Некрасова увлекла иная работа («Крестьянка»), глава осталась ненаписанной. Сущность авторского замысла раскрывают сохранившиеся наброски, особенно три из них: рассказ ветеринарного врача (<4>), рассказ исправника (<9>) и набросок <8> «На правом берегу поют со что счастлив *чиновник.»* с предваряющим его планом главы, сообщенным С. И. Пономаревым.

Действие главы «Смертушка» должно было развертываться на берегу Шексны, в зловещей

обстановке свирепствующей эпидемии. Ночь, костры, валяющиеся на берегу и плывущие по реке лошадиные трупы, кресты на барках. Трагедия грядущего сиротства, голода, безысходности. Хватающие за душу песни «Жена к реке…» и «В руке топор…». В этой обстановке, видимо, и происходят беседа странников с ветеринарным врачом, который рассказывает о горе крестьянской семьи, потерявшей савраску-кормильца, а затем под утро — разговор с исправником, в исповеди которого равно потрясают картина бесправия народа, глумления над ним и трагедия пробуждения совести. Трагедия эта не имеет исхода, ибо как поп (глава «Поп») берет из протянутой руки старухи два медных пятака, хоть и переворачивается его душа, так и исправник, вопреки голосу совести, поедет в свой уезд и будет уводить с крестьянского двора последнюю коровенку. Рассказом исправника Некрасов, по его словам, «поканчивает» «с тем мужиком, который утверждал, что счастлив *чиновник*».

По всей видимости, главу о чиновнике Некрасов в 1873 г. собирался поместить вслед за «Крестьянкой». По замыслу автора, семь мужиков в конце концов отправлялись в Петербург. В черновых рукописях «Пира…» есть строки о будущей

встрече странников «зимой в далеком Питере» с солдатом Овсянниковым (см.: Другие редакции и варианты, 569–570). Где-то они пересекали железную дорогу, а близ Петербурга, участвуя в качестве загонщиков в царской охоте, должны были встретиться с царем (см. набросок <10>). Планы продолжения поэмы, зафиксированные рукописями поэта, помогают понять движение мысли автора эпопеи. Возможно, однако, что Некрасов, если бы у него было «еще года три-четыре жизни», после завершения «Пира на весь мир» отказался бы от этих планов и действие поэмы пошло по другому, неведомому нам руслу.